

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

Międzynarodowe czasopismo naukowe

**Philological sciences
Psychological sciences
Physical education and sport**

№3(55) 2020

Część 6

colloquium-journal

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Colloquium-journal №3 (55), 2020

Część 6

(Warszawa, Polska)

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo pub-likowane jest w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Wszystkie artykuły są recenzowane

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej dziennika.

Wysyłając artykuł do redakcji, Autor potwierdza jego wyjątkowość i bierze na siebie pełną odpowiedzialność za ewentualne konsekwencje za naruszenie praw autorskich

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**
Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Mateusz Jabłoński** - politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** – profesor, dziekan wydziału elektrotechniki i informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - profesor nadzwyczajny w katedrze projektowania środowiska architektonicznego, Kijowski narodowy Uniwersytet budownictwa i architektury.
- **Leontiev Rudolf Georgievich** - doktor nauk ekonomicznych, profesor wyższej komisji atestacyjnej, główny naukowiec federalnego centrum badawczego chabarowska, dalekowschodni oddział rosyjskiej akademii nauk
- **Serebrennikova Anna Valerievna** - doktor prawa, profesor wydziału prawa karnego i kryminologii uniwersytetu Moskiewskiego M.V. Lomonosova, Rosja
- **Skopa Vitaliy Aleksandrovich** - doktor nauk historycznych, kierownik katedry filozofii i kulturoznawstwa
- **Pogrebnyaya Yana Vsevolodovna** - doktor filologii, profesor nadzwyczajny, stawropolski państwowy Instytut pedagogiczny
- **Fanil Timeryanowicz Kuzbekov** - kandydat nauk historycznych, doktor nauk filologicznych. profesor, wydział Dziennikarstwa, Bashgosuniversitet
- **Kanivets Alexander Vasilevich** - kandydat nauk technicznych, docent wydziału dyscypliny inżynierii ogólnej wydziału inżynierii i technologii państwowej akademii rolniczej w Połtawie
- **Yavorska-Vitkovska Monika** - doktor edukacji, szkoła Kuyavsky-Pomorsk w bidgoszczu, dziekan nauk o filozofii i biologii; doktor edukacji, profesor
- **Chernyak Lev Pavlovich** - doktor nauk technicznych, profesor, katedra technologii chemicznej materiałów kompozytowych narodowy uniwersytet techniczny ukraiны „Politechnika w Kijowie”
- **Vorona-Slivinskaya Lyubov Grigoryevna** - doktor nauk ekonomicznych, profesor, St. Petersburg University of Management Technologia i ekonomia
- **Voskresenskaya Elena Vladimirovna** doktor prawa, kierownik Katedry Prawa Cywilnego i Ochrony Własności Intelektualnej w dziedzinie techniki, Politechnika im. Piotra Wielkiego w Sankt Petersburgu

    SlideShare

INDEX COPERNICUS
INTERNATIONAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>

CONTENTS

PHYSICAL EDUCATION AND SPORT

Бучин Н.И. ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЛЕКСА СУБУРИ В ПОДГОТОВКЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ АЙКИДОИСТОВ	4
Buchin N.I. APPLICATION OF SUBURI COMPLEX IN TRAINING OF QUALIFIED AIKIDOKAS	4
Игнатъева Ю.А. ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЛЕДОВАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	7
Ignatieva Ju.A. PHYSICAL CULTURE OF THE INVESTIGATOR OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION.....	7

PHILOLOGICAL SCIENCES

Абрамова Д.Д. КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ	11
Abramova D.D. COGNITIVE METAPHOR IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE.....	11
Bizhomart Seisenbekuly Kapalbek АКХМЕТ БАИТУРСЫНОВ'С АЛФАБЕТ	13
Гусейнова К.Р. ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ И МЕНЮ.....	15
Huseynova K.R. BASIC DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF RECIPES AND MENUS	15
Шарыпова Т.Н., Иваненко Е.С. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ	18
Sharypova T.N. ,Ivanenko E.S. SPECIFIC FEATURES OF LEGAL TRANSLATION	18
Каримбаева Х.К. СУФФИКСАЛЬНЫЙ ТИП МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ	20
Karimbaeva Kh.K. SUFFIXAL TYPE OF MORPHOLOGICAL WAY OF WORD-FORMATION OF TERMINOLOGY OF MANUFACTURE OF CONFECTIONERY	20
Каримбаева Х.К. МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ.....	23
Karimbaeva Kh.K. MORPHOLOGICAL METHOD OF WORD FORMATION OF CONFECTIONERY PRODUCTION TERMINOLOGY	23
Копаниця Л.М. КОНЦЕПЦІЯ ТРАДИЦІЙНОЇ КУЛЬТУРИ В НАУКОВОМУ ДИСКУРСІ ІВАНА ФРАНКА: МІФ І РИТУАЛ ЯК НЕВІД'ЄМНІ КОДИ НАРОДНОПОЕТИЧНОЇ ТВОРЧОСТІ.....	25
Koranytsia L.M. THE CONCEPT OF TRADITIONAL CULTURE IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE OF IVAN FRANKO: MYTH AND RITUAL AS INADMITABLE CODES OF NATIONAL-POETICAL CREATIVITY	25

Косова И.О. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА «БРЕКСИТ» В ДИСКУРСЕ СМИ.....	30
Kosova I.O. LINGVOCULTURAL FEATURES OF THE PHENOMENON “BREXIT” IN MASS MEDIA DISCURS	30
Марсов Д.А., Матвеев М.А., Невирович В.А. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭРГОНИМОВ НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ПО МАРКЕТИНГУ	34
Marsov D.A., Matveev M.A., Nevirovich V.A. FEATURES OF TRANSFER OF ERGONYMS ON THE MATERIAL OF ARTICLES ON MARKETING	34
Оздоева Э.Г., Полонкочева А.А. ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ КРОВНОЕ РОДСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ВЕДЗИЖЕВА	35
Ozdоеva E.G., Polonkочеva A.A. TERMS DENOTING BLOOD RELATIONSHIP IN THE WORKS OF A. VEDZIZHEV	35
Khaydarova U.P. CRIME STORIES AS CAUTIONARY TALES.....	37
Хайдарова У.П. КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ КАК ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ	37

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Воронцова Е.А. ЛИЧНОСТЬ ВОДИТЕЛЯ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	42
Vorontsova E.A. DRIVER'S PERSONALITY AS A SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN RUSSIAN PSYCHOLOGY	42
Болеев Т.К., Жаркинбаева Д.С., Абдилаким Ж.А. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ ГРУППЫ РИСКА	45
Boleyev T.K., Zharkinbaeva D. S., Abdilakim Zh. A. PSYCHOLOGICAL PROFILING IN WORK WITH THE RISK GROUP TEENAGERS.....	45
Заочинский М.С. НЕКОРРЕКТНЫЕ ПРИЕМЫ ВЕДЕНИЯ СПОРА	53
Zaochinsky M.S. INCORRECT DISPUTE RESOLUTION TECHNIQUES	53
Заочинский М.С. ПОНЯТИЕ ЗОНЫ КОМФОРТА.....	54
Zaochinsky M.S. COMFORT ZONE CONCEPT.....	54
Фаткуллина А.Р. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	56
Fatkullina A.R. FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE SKILLS OF YOUNGER SCHOOL CHILDREN WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES	56
Фаткуллина А.Р. ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИГРУППОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ	58
Fatkullina A.R. PECULIARITIES OF INTER-GROUP INTERACTION OF CHILDREN OF YOUNGER SCHOOLS WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES	58

PHYSICAL EDUCATION AND SPORT

УДК 796.05; 796.23

Бучин Николай Иванович*3 дан Айкидо Айкикай; 1 тренерская категория по Айкидо, 2 судейская категория по Айкидо; 2 дан Дзёдо; 2 дан Кендо.**Президент Региональной Общественной Организации «Ассоциация Айкидо Айкикай Свердловской Области», г. Екатеринбург*[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11316](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11316)

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЛЕКСА СУБУРИ В ПОДГОТОВКЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ АЙКИДОИСТОВ

Buchin Nikolay Ivanovich*3 dan Aikido Aikikai, 1 coaching category in Aikido, 2 referee category in Aikido; 2 Dan Jodo; 2 dan Kendo**President of the Regional Public Organization "Association of Aikido Aikikai of the Sverdlovsk Region", Yekaterinburg*

APPLICATION OF SUBURI COMPLEX IN TRAINING OF QUALIFIED AIKIDOKAS

Аннотация.

Предлагается использовать комплекс упражнений по специальной физической подготовке в кендо (Субури) в процессе подготовки квалифицированных айкидоистов с целью формирования вариативности их технико-тактических действий и психоэмоциональной устойчивости, что позволит им в дальнейшем успешно выполнить требования аттестационных экзаменов на 1-4 даны, а также стать психологически устойчивыми в различных стрессовых ситуациях.

Abstract.

It is proposed to use a set of exercises for special physical training for Kendo (Suburi) in the process of training qualified Aikidokas in order to form the variability of their technical and tactical actions and psycho-emotional stability, which will allow them to successfully fulfill the requirements of certification exams for 1-4 Dan, as well as become psychologically stable in various stressful situations.

Ключевые слова: комплекс упражнений субури, кендо, спортивная подготовка, квалифицированные айкидоисты.

Keywords: a set of exercises Suburi, Kendo, sports training, qualified Aikidokas

Важным аспектом роста мастерства квалифицированных айкидоистов является овладение техническими навыками владения оружием, включая упражнения с ножом, мечом, шестом. Тренировки с оружием могут помочь занимающемуся айкидо атлету в понимании биомеханических характеристик движения ног и рук, соблюдении правильной дистанции с вооруженным противником при выполнении защитных действий. Применение оружия в разных видах боевых искусств различно. В айкидо при обучении и подготовке к сдаче аттестационных экзаменов на 1-4 даны атлеты концентрируют свое внимание на защитных приёмах против атакующих действий, наносимых различными видами оружия – танто (нож), боккен (меч), дзё (шест). В процессе профессиональной деятельности в качестве спортсмена, инструктора и судьи нами была выявлена проблема недостаточности использования базовой техники айкидо против атакующих действий вооруженного противника. Айкидоист не может эффективно проводить защитные действия против вооруженного противника, не имея двигательных навыков владения этим оружием. Нами, инструкторами Региональной Общественной Организации «Ассоциация Айкидо Айкикай Свердловской Области» была разработана,

апробирована и внедрена интегрированная программа многолетней подготовки, включающая средства кендо, дзёдо и иайдо, и методика технико-тактической и психологической подготовки высококвалифицированных айкидоистов для сдачи аттестационных экзаменов на 1-4 даны [1; 2].

В данной работе рассмотрим применение комплекса упражнений Субури, используемого в специальной подготовке спортсменов, занимающихся кендо, для повышения уровня мастерства работы с оружием квалифицированных айкидоистов.

В любом поединке присутствуют три главных составляющих: атакующий (Уке), защищающийся (Тори) и оружие. Что касается оружия, то этот фактор не столь важен для высококвалифицированного айкидоиста, как может показаться на первый взгляд. Если атакующий вооружён, это ещё не гарантирует его победу в бою. Таким образом, наибольшую опасность представляет не оружие, а сам атакующий, так как защищающийся не знает, чего от него ожидать.

Субури – это серия упражнений для формирования у атлета, занимающегося кендо, навыка удара бамбуковым мечом (синаем) в голову сверху вниз. Этот удар является одним из самых сложных и кра-

сивых движений в боевых искусствах. Он представляет собой комбинацию скорости, силы и точности. Такой удар как нельзя лучше иллюстрирует уровень достигнутой атлетом мышечной координации, то есть расслабления мышц для того, чтобы они могли подготовиться к удару, а затем их напряжения для того, чтобы вложить в удар всю массу тела. Скорость создаётся за счёт резкого быстрого движения, которое начинается с напряжённости ступни ноги, расположенной сзади, и заканчивается одновременно с резким движением запястья руки, держащей рукоятку меча. Координация движения ступни, широкого движения руки, её выпрямления и резкого движения запястьем на финальном этапе выполнения удара определяет конечную скорость меча, с которой будет нанесён удар. Сложная координация работы мышц груди, спины и плеч для того, чтобы выбросить руки вперёд, представляет большую трудность для освоения технического действия [5].

Данный двигательный навык формируется годами, а его совершенствование бессрочно. Поэтому, начиная с начального этапа обучения детей двигательным навыкам и техникам айкидо, в многолетний тренировочный процесс был введен оригинальный комплекс упражнений из смежных единоборств под общим названием многоборье «Бусидо» [3].

Выделим ключевые фазы создания мощности удара мечом:

- *Положение кисти в момент удара.* В момент нанесения удара рукоятка меча обычно поднимается вверх, поэтому атлет должен развернуть ладони вниз, чтобы они крепко лежали на верхней части синая. Это позволит предотвратить потерю мощности при нанесении удара.

- *Поворот руки.* Новички обычно притягивают руки к телу в напрасной попытке создать большую мощность при нанесении удара. На самом деле мощность создаётся за счёт резкого движения мечом, которое требует выпрямления руки в момент выполнения удара.

Поражаемой целью при выполнении этого удара является верхняя часть шлема оппонента (мэн – защитный шлем в кендо), нанести удар по которой очень сложно. Только идеально точный удар позволит кинетической энергии меча перейти на оппонента.

В процессе выполнения удара следующие мышцы выполняют основную работу [4]:

1) Ключевые динамические мышцы: выпрямление рук в запястьях и положение кистей. Мышцы – разгибатели запястья, мышцы пронаторы, брахиорадиалис. Выпрямление рук – трицепсы, локтевые мышцы. Поворот рук – большая мышца спины, большая круглая мышца, дельтовидные мышцы, мышцы груди, трапециус. Напряженность тела – большие ягодичные мышцы, четырёхглавые мышцы, икроножные мышцы.

2) Ключевые статические мышцы: прямая мышца живота, подколенные сухожилия.

3) Основные кинетические цепи – ягодичная, выпрямление рук.

В кендо различаются несколько разновидностей комплексов упражнений с мечом субури, в зависимости от целей и задач, которые они должны решить.

Дзээгэ субури.

Из стойки Чудан-но-камаэ, атлету, держа меч двумя руками, необходимо сделать большой замах мечом над своей головой, не останавливая меч, опустить его до тех пор, пока локти обеих рук не выпрямятся, а левый кулак практически не коснётся нижней части живота. В момент опускания рук необходимо сделать выжимающее движение кистями внутрь. Это упражнение повторяется до предельной усталости. При замахе и в начале движения мечом сверху-вниз тело и руки находятся в расслабленном состоянии, а в конце движения следует выдох и напряжение всех скелетных мышц. Меч должен двигаться по прямой линии, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Это упражнение можно делать и стоя, и в движении.

Нанамэ субури.

Из стойки Чудан-но-камаэ атлет, держа меч двумя руками, делает большой замах мечом над головой и опускает меч вниз под углом 45 градусов влево, затем после повторного замаха опускает меч вниз под углом 45 градусов вправо. Упражнение делается до предела. Между замахом и ударом не должно быть паузы, кисти рук делают выжимающее движение внутрь. По мере освоения и развития двигательного навыка, нужно увеличивать силу и скорость удара и сочетать его с передвижениями.

Кирикаэси.

Одним из важных парных упражнений в кендо является нанесение серии ударов мечом в движении. Это упражнение позволяет использовать весь комплекс основной техники кендо, освоенной атлетами. Один из вариантов Кирикаэси – один из бойцов выступает сначала как Уке, а затем, как Тори. Из стойки Чудан-но-камаэ Уке наносит серию ударов. Тори, в свою очередь, отходит принимая удары. Серия повторяется несколько раз, затем бойцы меняются ролями. Можно применять серии, состоящие из различных ударов, используя разнообразные варианты.

Окури-аси.

Окури-аси – основной способ передвижения в кендо, при котором движение вперёд совершается всегда с правой ноги, а левая подтягивается вслед за правой. В свою очередь, при отходе движение начинается с левой ноги, а правая подтягивается. Можно перемещаться этим передвижением вперёд-назад, вправо-влево, вправо-вперёд и влево-вперёд, а также вправо-назад и влево-назад. Все движения выполняются на одном дыхании, делается серия шагов без остановок.

Также можно использовать в субури такие перемещения как Аюми-аси и Цуги-аси.

Рассмотрим тренировочный процесс обучения субури в рамках традиционной методики обучения БУДО: «Широко – Сильно – Быстро – Гладко».

«Дай» – «Широко»: в начале формирования двигательных навыков все движения должны выполняться достаточно амплитудно, по правильной траектории и с правильной хореографией.

«Кё» – «Сильно»: после правильного освоения технических действий в достаточной степени в движения можно вкладывать силу. Если начинать вкладывать силу слишком рано, то двигательный навык не будет сформирован надлежащим образом.

«Соку» – «Быстро»: только после освоения амплитудных и сильных движений можно работать над скоростью их выполнения. Иначе движение будет неэффективным.

«Кэй» – «Гладко»: при совершенствовании двигательного навыка не должно быть излишних усилий и напряжения.

С психологической точки зрения оптимальным для формирования навыка количество повторений должно быть максимальным, до полной усталости. После этого возникает явление вработывания. Речь идет именно об усвоении и развитии навыка выполнения какого-либо технического действия. Большое количество повторений увеличивают силу, скорость, эргономичность движений.

Поскольку физическая нагрузка, в виде многочисленных повторений, вызывает эмоциональное утомление и мышечную усталость, целесообразным является включение физических упражнений комплекса субури в конце тренировки.

Нами была разработана программа тренировочного процесса квалифицированных айкидоистов с использованием субури, микроцикл которой состоит из пяти различных блоков (таблица 1).

Таблица-1

Микроцикл использования субури в подготовке квалифицированных айкидоистов

№ блока/день	Содержание комплекса упражнений*	Кол-во повторений
1/понедельник	Иккё	20
	Сихонаге	50
	Суми-отоси	50
	Кокю-хо	20
	Кирикаэси	100
2/вторник	Никё	20
	Котэгаэси	50
	Уде-киме-наге	50
	Кокю-наге	20
	Дзёгэ субури	100
3/среда	Санкё	20
	Ириминаге	50
	Хиджи-киме-осае	50
	Кокю-хо	20
	Кирикаэси	100
4/четверг	Ёнке	20
	Кайтен-наге	50
	Уде-гарами или Джуджи-гарами	50
	Кокю-наге	20
	Нанаге субури	100
5/пятница	Гокё	20
	Тэнчи-наге	50
	Коши-наге	50
	Кокю-хо	20
	Кирикаэси	100

*Техники удержания (Осаэ-вадза), техники бросков (Наге-вадза), прикладные техники (Оё-вадза) и техники дыхания (Кокю-хо) выполняются как в сувари-вадза, ханми-хандачи-вадза, так и в тачи-вадза.

В структуре макроцикла в каждом следующем микроцикле меняется серия атак, что позволяет каждому из блоков не быть монотонным и утомительным. Для формирования блоков нами применялись следующие атаки: Шомен-учи, Екомен-учи, Тски, Ката-дори, Кататэ-дори, Коса-дори, Моротэ-дори, Уширо-риотэ-дори, Риотэ-дори, Ката дори мэн-учи, Рио ката-дори, Муна-дори, Уширо-эри-дори, Уширо кататэ куби симе, Уватэ-дори, Шитатэ-дори, Хиджи-дори. При разработке программы была использована схема поэтапного увеличения повторений комплексов субури в мезоциклах. За макроцикл, включающий десять

мезоциклов, то есть пять-шесть месяцев рост выполнения комплекса упражнений субури за тренировку увеличился со 100 повторений до 1.000.

Разработанная программа тренировочного процесса квалифицированных айкидоистов с использованием комплекса упражнений субури, позволяет эффективно повысить технико-тактическую и психологическую подготовленность квалифицированных айкидоистов. Кроме того, усиливается самоконтроль координации передвижений, психологическая устойчивость к внешним раздражителям.

лям, психоэмоциональная устойчивость при проведении защитных действий против вооруженного противника.

Список использованных источников:

1. Бучин, Н.И. Специфика технико-тактической и психологической подготовки айкидоистов на этапе высшего спортивного мастерства / Н.И. Бучин // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2018. – № 11 (165). – С. 40-44.
2. Бучин, Н.И. Оценка эффективности обучения высококвалифицированных айкидоистов на основе моделирования базовых техник кендо, дзэдо и иайдо / Н.И. Бучин // Ученые записки

университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 3 (169). – С. 58-61.

3. Бучин Н.И. Использование многоборья «Бусидо» для комплексной подготовки школьников, занимающихся айкидо / Н.И. Бучин // Проблемы современного педагогического образования. Сер.: Педагогика и психология. – Сборник научных трудов: – Ялта: РИО ГПА, 2018. – Вып. 60. – Ч. 3. – С. 72-76.

4. Линк Н. Анатомия боевых искусств / Норман Линк, Лили Чоу. – М.: Эксмо, 2013. – 136 с.: ил.

5. Мастер Чой. Кэндо – путь меча для начинающих. Ростов н/Д: «Феникс», 2005. – 128 с.

УДК 343

Игнатъева Юлия Андреевна
студентка 3 курса Санкт-Петербургской
Академии Следственного комитета

Научный руководитель - *Рогожников Максим Алексеевич*,
к.п.н., доцент кафедры физической и специальной подготовки

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11317](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11317)

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СЛЕДОВАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ignatieva Julia Andreevna

3rd year student of St. Petersburg

Academy of Investigative Committee

Supervisor - *Rogozhnikov Maxim Alekseevich*

PHYSICAL CULTURE OF THE INVESTIGATOR OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация:

Профессиональная деятельность следователей Следственного комитета Российской Федерации обуславливается высоким уровнем физической и эмоциональной напряженности. Следователи работают в экстремальных условиях, которые определяются дефицитом времени, сложностью принимаемых решений, воздействием человеческого фактора и высоким уровнем ответственности за каждое действие и решение, от которого зависит результативность расследования дел. Все это указывает на необходимость качественной физической подготовки следователей. В статье рассматриваются особенности физической подготовки и развития физической культуры следователей Следственного комитета РФ с учетом особенностей их профессиональной деятельности.

Abstract:

The professional activity of investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation is determined by a high level of physical and emotional tension. The following actions are performed in extreme conditions, which leads to a lack of time, complexity of decisions made, the influence of the human factor and an increase in the level of responsibility for each action and decision. All this indicates the need for quality physical training of investigators. Following the committee of the Russian Federation, taking into account their professional activities.

Key words: *investigator, investigative committee, physical education, physical preparation.*

Ключевые слова: *следователь, следственный комитет, физическая культура, физическая подготовка.*

Работа следователей обуславливается высоким уровнем требований и регламентов по отношению к их физическому и психологическому состоянию и уровню их развития. Четкая регламентация и организация профессиональной является малоэффективной в том случае, если сотрудники при низком уровне физического здоровья не имеют возможности продуктивно осуществлять трудовую деятельность. По этой причине важно готовить следователей следственного комитета, вырабатывая у них как

профессиональную психологическую устойчивость к различным факторам влияния со стороны внешней среды, так и развивать уровень физической подготовки.

Прежде всего, речь идет том, что работа следователя обуславливается воздействием на организм высоких нервных и эмоциональных нагрузок. К негативным данным служебного характера, как правило, добавляется неудовлетворенность услови-

ями труда, которые обуславливается тяжелыми последствиями социально-экономической динамики жизнедеятельности государства, большим количеством правовых вопросов и др. Если не будет специальной системы физической культуры и подготовки, то это может приводить к снижению качества трудовой деятельности следователей.

Работа следователя определяется «критическими» видами деятельности, которые осуществляются зачастую в экстремальных и стрессовых условиях [1, с. 131]. Это определяется тем, что следователь осуществляет свою трудовую деятельность в условиях ограниченности времени, зачастую его дефицита, неопределенности ситуации, турбулентности в ходе расследования, а также высоким уровнем ответственности за каждое решение. Таким образом, напряженность обусловлена большими физическими и психическими нагрузками, которые следователь на постоянной основе испытывает в рамках своей трудовой деятельности. Кроме того, здесь необходимо учитывать возможности возникновения ситуации, стрессогенных факторов, наличия дежурств, ненормированность рабочего дня. Также стоит учитывать, что следователь может напрямую работать с людьми, а значит, сталкивается с человеческим фактором, с человеческим горем, что требует повышенной психологической устойчивости в том числе.

Исследование психофизиологических особенностей многих авторов и аналитиков говорят о том, что у следователей наблюдаются большие нагрузки на сердечно-сосудистую центральную нервную систему, а также на зрительную систему и, кроме того, особенно, динамике подвергаются психические процессы, которые приводят организм следователя к общему переутомлению. Также важно учитывать изменения в показателях артериального давления, частоте сердечных сокращений по той причине, что следователи большое количество дня времени в течение рабочего дня проводят в положении сидя. Важно учитывать вопросы внимания, мышления, показатели которых после окончания работы существенно ухудшаются. В целом исследования говорят о том, что коэффициент вариации этих показателей в течение рабочего дня составляет до 38%.

При этом стоит отметить, что для восстановления для следующего рабочего дня у следователя есть небольшое количество времени. По этой причине частота сердечных сокращений у многих следователей перед началом следующего рабочего дня составляет около 90 ударов в минуту. Проводимые исследования говорят о высокой значимости для следователей именно физических качеств, среди которых динамическая выносливость, быстрота движений, реакций, а также общая ловкость. Кроме того, работа определяется устойчивостью к физическим и психическим нагрузкам, выносливостью и устойчивостью к гипокинезии, гиподинамии, а также перепадам температур. Это важно по причине, что следователем приходится работать порой в экстремальных условиях. В связи с этим следователем необходимо обладать навыками применения

физической культуры в режиме труда и отдыха, саморегуляции психических состояний, а также применения технических средств передвижения. Важно также учитывать работу с системой единоборств [5, с. 68].

Так исследователями установлено, что ключевыми целями в физической подготовке следователей признается формирование общих физических, а также специальных психических качеств и двигательных навыков, которые позволяют повышать уровень общей физической подготовки и выносливости следователей к труду высокого уровня напряженности. Одним из самых действенных средств физической подготовки являются физические упражнения, которые заимствованы из базовых упражнений легкой атлетики, лыжной подготовки, рукопашной профессионально-прикладной гимнастики, стрельбы из пистолета.

Таким образом, можно говорить о том, что следователь должен обладать необходимым набором профессионально развитых физических и психологических качеств, которые составляют его физическую культуру. Среди таких качеств можно выделить следующие:

- высокий уровень чувствительности к профессионально важным качествам, а именно восприятия звуков, обладания боковым зрением, умением хорошо видеть в ночное время;
- профессиональное восприятие, включая зрительное, слуховое и обонятельное;
- высокий уровень наблюдательности и памяти, поскольку следователь работает с большими объемами информации;
- профессиональное планирование, то есть умение в голове выстраивать, например, план города, и так далее;
- профессиональная деятельность и развитие высокого уровня реакции, внимательности, которые обуславливаются именно уровнем физической подготовки [4, с. 14].

После окончания высшего учебного заведения следователи могут проходить практику в следственном отделе. От результативности практической деятельности зависит возможная карьера следователя. В случае хорошей практической деятельности они имеют возможность получить рабочее место. При этом важно учитывать, что после окончания учебы на постоянной основе продолжается образовательная деятельность следователя. Если говорить о физической подготовке следователей, то им необходимо сдавать при ключевых дисциплины, среди которых

- рукопашный бой,
- стрельба из табельного оружия,
- общая физическая подготовка.

Среди возможных видов тренировок, которые рассчитаны именно на подготовку следователей с учетом особенностей профессиональной деятельности следователей можно выделять, например, аутогенные тренировки. Аутогенные тренировки являются особой системой психофизиологического самовоздействия. Они появились

ещё несколько десятилетий назад. Главной целью аутогенной тренировки является то, что человек имеет возможность сам управлять своим физическим и психическим состоянием на основе системы упражнений. Сущность аутогенной тренировки обуславливается формированием системы психических и физических упражнений, которые представляют своеобразную азбуку аутотренинга. В данном случае речь идет о развитии такого психофизиологического самовоздействия, как управление вниманием, управление мышечным тонусом и ритмом. Если специалист владеет приемами аутогенные тренировки, то он в любой момент времени может самостоятельно снимать высокий уровень напряженности и, тем самым, у него появляется возможность для экстремального восстановления утраченной работоспособности.

Также важно учитывать, что аутогенные тренировки включают в себя такие психофизиологические методы, которые базируются также на самовоздействии, но при этом являются разновидностью аутогенной тренировки. Речь идёт о психотонической тренировке и медитативных состояний. Главной особенностью является то, что они не требуют большого физического усилия и времени, которым зачастую не обладают следователи, но в то же время они могут оказывать положительное влияние на организм человека, чтобы была возможность восстанавливать высокий уровень его работоспособности в максимально короткий срок. Например, это бывает важным в тех случаях, когда происходят физически и эмоционально значимые для следователя процессы, в числе которых процессы обыска и другие [2, с. 15].

Психотоническая тренировка является самостоятельным видом тренировки, которые может использовать следователи в своей физической и психологической подготовке. Это тренировка обуславливается системой упражнений для внутренних органов и различных систем организма, включая сердечно-сосудистую, нервную и мышечную систему. Её отличие от статической аутогенной тренировки заключается в том, что она направлена не только на тормозящие процессы в организме человека, когда ему необходимо наладить психоэмоциональное состояние, в первую очередь. Но в данном случае речь идет о мобилизации, об активизации его физиологических процессов, поскольку зачастую следователю необходимо быстро принимать решения, быть мобильным и максимально адаптированным к условиям окружающей среды.

Результативность физической подготовки следователей включает в себя систему полезных результатов, которые следователь может получить при осуществлении физической подготовки и развития физической культуры. Например, речь может идти о комплексном развитии физической подготовки двигательных навыков и умений. Кроме того, необходимо учитывать развитие специальных физических и психологических качеств, которые оказывают существенное воздействие на результативность деятельности следователя. В данном случае

речь может идти о решительности, о внимательности, быстрых реакциях на происходящее. Также необходимо владеть качественными навыками, исходя из системы умений, которые развиваются в ходе физической подготовки. Важно учитывать повышение работоспособности, пропорциональное развитие тела и осанки человека. Кроме того, следователь должен обладать необходимой системой теоретической подготовки по совершенствованию физической культуры. Любой следователь должен преодолевать трудности как физическое, так и эмоциональное плана. Всё это способствует повышению уровня профессиональной реализации.

Хороший уровень физической подготовки дает, в первую очередь, возможность следователем повышать свою психологическую готовность к действиям в условиях повседневной напряженности. В данном случае речь идёт о принятии решений, о работе в экстремальных ситуациях, о наличии адаптивных психических реакций при возникновении опасных или непредсказуемых ситуаций, которыми обуславливается деятельность следователя следственного комитета [3, с. 179-182].

Специальная подготовка на занятиях по физической культуре определяется целенаправленной активацией у следователей навыков и умений для результативного решения поставленных перед ним задач, которые, как правило, связаны с созданием чувства уверенности при достижении целей и необходимых запасов физического здоровья. Эта подготовка определяется как профессиональной подготовкой, так и последующим совершенствованием по системе реализации различных упражнений. В ходе проведения занятий по физической подготовке используются такие физические упражнения, которые позволяют развивать, прежде всего, именно психические качества. Речь идет о том что следователям необходимо развивать в себе психофизические качества, которые можно использовать в прикладной деятельности. Также необходимо говорить о развитии функциональных систем, которые дают возможность следователю быть максимально адаптированным ко всем непредсказуемым условиям внешней среды и повседневной деятельности. Необходимо также повышать общий уровень физической подготовки за счет постоянной тренировочной деятельности. Но при этом необходимо всегда учитывать возрастную структуру сотрудников, гендерные особенности, а также возможность наличия начального уровня физической подготовки, если следователь только начинает свой профессиональный путь. В данном случае при физической культуре также стоит учитывать воспитание таких качеств, как внимание, решительность, настойчивость, поскольку следователь напрямую оказывает влияние на ход расследования дела и его результативность. Так же, как отмечалось ранее, необходимо уметь управлять своим психоэмоциональным состоянием и устойчивостью и снимать мышечное напряжение, поскольку большая часть работы может проводиться в положении «сидя».

Таким образом, физическая культура следователей, в первую очередь, должна быть направлена

на формирование и развитие морально-психологической готовности и убежденности следователей в важности своего труда и важности защиты прав и свобод граждан. По этой причине они должны обладать высоким уровнем физического и психологического развития. Следователь реализует свою деятельность в условиях крайне напряженности, как эмоциональной, так и физической, что обуславливает необходимость развития уровня физической культуры на постоянной основе.

Список источников

1. Антонов И.А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей / Игорь Антонов. - М.: Юридический центр, 2016. - 799 с.

2. Валеева Н.Ш., Хайруллова Э.Т. Факторы становления профессиональной морально-психологической устойчивости сотрудников органов

внутренних дел // Вестн. Казан. технологического ун-та. 2013. № 23. – 14-15.

3. Дзюба А.С.: Роль физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в воспитании морально-психологических качеств на этапе первоначальной подготовки/ А.С. Дзюба // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2016. – С.179-182.

4. Муханов Ю.В. Средства и методы восстановления работоспособности курсантов – спортсменов после физических нагрузок: Учебно-методическое пособие. – Белгород: Бел. ЮИ МВД России. – 2010 г. – 35 с.

5. Овчинников В.А. Управление профессионально-прикладной физической подготовкой курсантов и слушателей высших образовательных учреждений МВД России: Монография. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России - 2010 г. – 304с.

PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК-81

*Абрамова Дарья Дмитриевна**Российский Государственный Социальный Университет*

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Abramova Darya Dmitrievna**Russian State Social University*

COGNITIVE METAPHOR IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация.

В данной статье речь идет о когнитивной метафоре в английском и русском языках. Автор дает определение когнитивной метафоры, а также кратко анализирует основные постулаты теории концептуальной (когнитивной) метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, подкрепляя их примерами когнитивных метафор на русском и на английском языке.

Abstract.

In this article we are talking about the cognitive metaphor in the English and Russian languages. The author defines the cognitive metaphor, and briefly analyzes the main postulates of the theory of conceptual (cognitive) metaphor of J. p. Lakoff and M. Johnson, supporting them with examples of cognitive metaphors in Russian and English.

Ключевые слова: когнитивная метафора, английский язык, русский язык, мышление, культурная среда, психика, когнитивная модель.

Keywords: cognitive metaphor, English, Russian, thinking, cultural environment, psyche, cognitive model.

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что именно язык оказывается тем механизмом, который наиболее стремительно реагирует на изменения, происходящие в жизни человека. Метафора, будучи одним из элементов языкового пространства, реализует себя на уровне конструирования символического аспекта общества, формируя определенную идеологическую систему, структурируя ход мыслей и, одновременно, навязывая определенную модель поведения. Культурная среда в данном случае выступает в качестве «среды памяти», на формирование которой оказывают влияние идеи и действия человека.

Понятие о метафоре известно в науке о языке уже на протяжении весьма длительного времени. Однако, исследователи до сих пор не могут сойтись во мнении о том, каким образом определять данную фигуру языка, а также откуда она произошла.

Приверженцы когнитивной теории к метафорам относят, помимо прочего, также фразеологические единицы и составные наименования, то дает возможность дифференциации «понятийного сближения» в качестве более важного фактора по сравнению с структурными различиями единиц языка [1, с. 49].

Если рассматривать метафору как когнитивную модель, то ее можно охарактеризовать в качестве фреймо-слотовой сущности, в рамках которой фреймом является представление и хранение языковой информации, в то время как под слотом будут пониматься ассоциативные однополярные векторы, которые обозначают определенные типы информации. Этот подход к исследованию метафоры дает человеку возможность реально постичь и

осмыслить ту действительность, которая его окружает, посредством отражения знания в семиотике определенной единицы языка [3, с. 76].

Когнитивная (концептуальная) метафора (по-английски: conceptual metaphor) как термин появилась в 1980 году, когда Джордж Лакофф и Марк Джонсон написали свой фундаментальный труд «Метафоры, которыми мы живем». Соответственно, представляется целесообразным кратко рассмотреть основные постулаты теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, поскольку именно данная теория принята в качестве основополагающей подавляющим большинством лингвистов.

Факт взаимосвязи визуального восприятия и моторики, системы сенсоров и эмоций на сегодняшний день уже доказан. Из множества каналов восприятия, которыми обладает человек, в каждый конкретный момент времени используется сразу несколько. Именно это позволило понять работу концептуальной метафоры и её принципы. Телесность понимания лежит в основе метафор. Люди воспринимают одни явления и объекты через другие, причем сам факт существования такого явления как метафора доказывает это [4, с. 119].

В процессе исследований обнаружилось, что весь процесс мышления, все базовые идеи, концептуальные метафоры, которыми мы обладаем, находятся в зависимости от функционирования наших тел и их взаимодействия с пространством и окружающим миром. Движение, напряжение, вращение, - эти «понятийные примитивы» (conceptual primitives) - то, что лежит в основе концептуальных метафор.

Очень часто, когда у нас человека хватает слов объяснить что-то, он приводит примеры похожих вещей: объясняет любовь через болезнь или спор через войну. Можно сказать, что это способ восприятия одной области через другую. То есть если есть, скажем, абстрактный предмет, который человек хочет понять, то его можно объяснить конкретными примерами из других сфер жизни [2, с. 19]. Вопрос не только и не столько в поэзии или в языке, сколько в человеческом мышлении. Очень часто человек даже не осознает, что использует метафоры.

Примечательно, что есть метафоры, которые знакомы всем. Например, «путь» как метафора «жизни». Во многом это связано с опытом, причем необязательно личным. Это может быть исторический опыт или литературный. Например, человек может сравнивать оживленный спор с войной не потому, что сам участвовал в войне, а потому, что имеет представление о ней из истории, фильмов и тому подобного.

Существуют концептуальные метафоры, которые похожи для нескольких европейских языков. Сюда могут быть отнесены, например, метафоры направления: вверх и вниз, вперед и назад. Другой пример: когда человеку трудно, он нередко сравнивает это с тяжелой ношей. Такие метафоры бывший аспирант Лакоффа, Джозеф Грейди, называл первичными (*primary metaphors*). Они объясняются тем, что у людей есть совпадающий опыт. То есть если человек несет что-то очень тяжелое, тогда и ему, и другим людям трудно почти независимо от культуры. Однако, есть другие метафоры, которые сильнее связаны с определенной культурой. Так, например, у людей, живущих в Голландии, где много воды, метафоры очень часто с ней связаны, в то время как в России они чаще связаны с другими явлениями природы (пример: «как снег на голову») [5].

Лакофф обнаружил, что способность к метафоричности - это просто свойство человека как физической системы, оперирующей по законам термодинамики, то есть склонность к описанию и обобщению уже заложена в мозге человека, и это закладывается очень рано - уже в материнской утробе. Подтверждением этой теории является, например, то, что вскоре после открытия метафоры «любовь как путешествие» вышла песня со словами: «We are driving in a fast lane on a freeway of love». То есть, теория метафоры может предсказывать творческие идеи. И современные лингвистические эксперименты тоже подтверждают теорию. Например, лингвист Адель Голдберг взяла два предложения: «she greeted him sweetly» и «she greeted him kindly». Можно подумать, что предложения одинаковы по смыслу, по содержащейся «правде», но первое предложение активизирует вкусовые рецепторы в мозгу, а второе - нет, потому что это именно метафора сладости и доброты, на которые у человека возникает физическая реакция; отсюда разница в восприятии их смысла. Множе-

ственные эксперименты с метафорами хорошо описаны в книге «Громче слов» (*Louder Than Words*) Бенджамина Бергена.

Дж. Лакофф также утверждает, что нет разницы в формах метафоричности между людьми разных классов, образования, культур, так как сама способность к метафорическому мышлению основана на физической мультимодальности - связи визуального восприятия и моторики [4, с. 131]. Однако, с этим можно поспорить, поскольку возможность восприятия метафор зависит, в первую очередь, от жизненного опыта человека.

Слова - не единственный способ выразить метафору. Например, ее можно изображать жестами или рисунками на бумаге. Даже технические рисунки могут быть визуальными метафорами: в математике достаточно часто можно увидеть упрощенные новые формы, с помощью которых легче понять рисунок.

Необходимо отметить, что часто бывает, что метафора в виде изображения, будь то реклама или искусство, сложнее для понимания, потому что язык - это система, где, условно говоря, есть соглашение о том, что значит то или иное слово, человек может посмотреть его в словаре, в то время как изображения шире варьируются по отношению к возможным интерпретациям.

Значения метафоры неисчерпаемы. В зависимости от контекста люди могут понимать ее по-разному. Например, корабль в океане может иметь политическое значение, например: «страна как корабль идет дальше», или личное значение - жизненный путь человека, а возможно, речь вообще идет о команде. Ясно, что контекст употребления метафоры критически важен для ее интерпретации.

Метафора может давать новые знания и отвечать на исходные вопросы. Так, например, во многих странах стоит вопрос большого числа эмигрантов, и есть некоторые политики, которые говорят, что это как волна - волна людей. Тогда, соответственно, надо построить стену, чтобы вода не пришла. Может быть, это не самое хорошее решение вопроса, но суть в том, что поиск решения осуществлялся за пределами исходной проблемы. Так, Дональд Шён написал статью в 1979 году, где сказал, что некоторые метафоры генеративны, они создают новые ответы на вопросы. Он думал о проблемах в городах. То есть если существует какой-то бедный район, то одним вариантом может быть отношение к этому как к болезни (и тогда от нее нужно избавляться, как, например, от злокачественной опухоли), а можно воспринимать это как экосистему, и тогда нужно думать, как помогать людям, которые живут там, ведь экосистема, например, в лесу подразумевает, что все растения и животные так или иначе взаимосвязаны [5].

Конечно, когнитивная метафора не всегда будет давать ответ на вопрос. Если использовать ее только для объяснения чего-то и не пытаться развивать эту мысль дальше, то, очевидно, новых решений она не даст. Частично это зависит от человека, который пользуется метафорами.

Необходимо отметить, что метафора - это обязательно фраза. Есть такие рассказы, которые развивают одну метафору через весь сюжет. Например, «Скотный двор» (Animal farm) Дж. Оруэлла - это рассказ о животных и о том, как они решают разные проблемы. Но для многих, и в первую очередь, для самого автора, он о людях и обществе. Конечно, ребенок, у которого еще нет достаточного жизненного опыта, не поймет метафоричность данного рассказа, однако для взрослого человека она будет заметна. Можно сказать, что метафоры встречаются практически везде, особенно если человек пытается их увидеть.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что когнитивная метафора способствует раскрытию, обнажению внутренней природы того или иного явления, предмета, или аспекта окружающей действительности, помогая, тем самым, активизировать внимание человека. Кроме того, необходимо отметить, что когнитивная метафора помогает человеку в «языковлении» новых понятий и явлений; позволяет лучше представить и освоить новшества, которые стремительно и постоянно входят в жизнь, становясь ее неотъемлемой частью. Соответственно, можно говорить о том, что именно

когнитивная метафора является ключевой для формирования языковой картины мира, причем как представителей англоязычной, так и русскоязычной лингвокультуры.

Список литературы:

1. Акоюн К.Б. Метафорические средства создания дискурсивного пространства // Культурно-языковое взаимодействие в процессе преподавания дисциплин культурологического и лингвистического циклов в современном полиэтничном вузе. - Москва: Издательство РГСУ, 2013. - С. 49-53.
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. - С. 5-32.
3. Куниловская М.А., Короводина Н.В. Авторская метафора как объект перевода «active metaphors in literary translation lingua mobilis» // Научный журнал. - 2010. - №4 (23). - С. 73-82
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - 250 с.
5. Ченки А. Что такое когнитивная метафора? - 13.06.2019. - Электронный ресурс. - Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/99933>. Дата обращения: 26.01.2020.

Bizhomart Seisenbekuly Kapalbek

AKHMET BAITURSYNOV'S ALPHABET

Abstract

In the article the fact is proved that the Baitursynov's alphabet did not lose its relevance today and that it was the most advanced alphabet among the Turkic-speaking peoples of that time. At the present time, when re-writing the Kazakh alphabet in connection with the transition to the Latin font, it has been said that only Baitursynov's principles can be relied on as a straightforward way to transit.

Keywords:

Latin alphabet, ABC, Kazakh spelling, native sounds, literacy, writing, sound system, Baitursynov's alphabet, foreign sound, listening, pronunciation, reading materials

After deciding to transit to the Latin alphabet, the alphabet must be rewritten. The Ministry of Education and Science has started this work. By its own order in 2019, the educational program "Alphabet" for five-year-old children was developed and now the publishing houses are writing the alphabet according to it ... Without taking into account the Soviet era, various types of alphabets have been written since gaining independence. We don't rely on any of them because they are without scientific foundations or vulnerable but we are going to write a new ABC with a new alphabet.

We like to resemble or copy from other nations blindly. But centuries ago, when we had both the advanced alphabet and the advanced ABC and many state officials don't know about that fact. Yes, we have our own story that started with the great reformer of the alphabet, national teacher Akhmet Baitursynov. Akan (Akhmet) says, "It seems like some of us just dropped into the old warehouse in 10th year and used up the found things until the 26th, trying to change them, seeing them as some kind of extravagance and making

novelty, and seeing themselves as reformers. History is breaking the systematic Arabic spelling getting rid of it, but we aren't aware of having formed the systematic Kazakh spelling of sounds by means of Arabic alphabet" [1,572]

Akan said these words after meeting in Baku in 1926, and as he himself said he published the first book on the Kazakh systematic sound system in Orenburg in 1912. These alphabets have been supplemented, corrected, and reprinted more than 10 times in the Orenburg, Tashkent, and Kyzylorda areas until the 1930's [2]. Akan created the original alphabet making symbols only for Kazakh sounds. It was very easy to learn the basics of how to read and write using it. Every child was able to read quickly and fluently adding letters, syllables in a month. The people did not rely on the Qur'an (Arabic alphabet) to learn letters as before and totally began to master the sounds by systematic and fast method. Such a methodologically advanced and scientifically enhanced alphabet had a positive effect on the sound system of our freely developing language till the twentieth century.

It is well known that ideology and politics prevailed in the science of the 1930's, and especially in the social sciences. Forty different alphabets including the current "Sauat ashu" (learning to read and write) have been written after Akan's alphabet. But they were created based on the original sounds with "Bayanshy" devoted for teachers and yet another comprehensive language "Til zhumsary" which combines speech, reading and writing. Being used currently Sauat ashu (learning to read and write) as alphabet is now completed in March. This is completely wrong. The authors have combined Reading, Writing and Language Development together. The purpose of the alphabet is to educate. You know, "The main purpose of the alphabet is to teach you to write the right words and to read the written words." Yes, the alphabet must not have other purpose. The development of the child's language should be accompanied by the alphabet through listening and pronunciation. In the chrestomathy (the name still needs to be thought of), the listening material must first be given, after all the letters have been read and completing ABC the learning material is systematically presented. Because alphabetical books are designed to read and understand letters, syllables, personal words and short sentences. Its lettering material is less than 300 words long. Well, the monotonous child's vocabulary goes far beyond it. For example, according to scientifically proved facts a

a)

Vowel sounds (9 vowels)

Back vowel	a	o	ʏ	ы	-
Front vowel	э	ө	ү	і	е

б) consonants (19 дауыссыз)

Unvoiced	п	к	қ	т	ш	с
Voiced	б	г	ғ	д	ж	з
Sonorants	р, л, й, у, м, н, ң					

Due to this paired system, it is not possible to find space for the *h* [*h*] character that is only used for two or three words in current dictionaries. Or you can't put *ll* [*i*] and *Y* [*u*] into the back and front paradigm of vowels or voices. The system does not accept.

6-year-old boy has more than 5,000 words in his vocabulary.

Instead of perfecting it today, we need to stop blind copying. It does not take much knowledge to understand that another language system is separate. For example, writing in Russian is more difficult than writing in Kazakh. There many conventionalities in Russian sound system. In other words, it may take some time to explain how the same characters can be distinguished by accentuation: *za'mok*, *zamo'k*. And the system of the Kazakh language is completely different. The sound system of our language, not taking into account the Russian one, is somewhat different from our related Turkish. This is because it was free-flowing, without bounding to writing until the 20th century. There is nothing superfluous in the sound system of the Kazakh language. In pairs and systems, each sound is in its own class, each letter is in its own group. There is no place for foreign or extraneous sounds here. By forcefully inserting a sound into this system, you violate the articulation base of the language, as if the virus had been inserted. During the Soviet period, we implanted 14 sounds not one sound, didn't we? The sound system of the language maintains the national identity of the language. It is clear that any foreign sounds will undermine the elegance and meaning of this customized chart.

Yes, there are 28 sounds in Kazakh. They retain their individual sounding position at the beginning, middle, and end of a word. And in the English and Russian languages that we are exemplifying, some letters are visible, but not pronounced or utterly different. So, look at the following table in English:

	1 st type (open)	2 nd type (closed)	3 rd type	4 th type
A	[ei] Mate, fate, name, frame	[æ] Mat, back, sack, snap	[a:] Car, star, bar, nar	[Eə] Hare, mare, fare, care
E	[i:] He, me	[e] Wet, hen, zest	[ə:] Boner, meter	[iə] Here, mere
I	[ai] Fail, vine, size, mice	[i] Pit, hint, flip, did	[ə:] Stir, skirt	[aiə] Wire, fire
O	[ou] Hoe, glue, clue, duke	[ɔ] Mop, slop, top	[ɔ:] Nor, for, form	[ɔ:] Store, more, snore
U	[ju:] Blue, glue, clue, duke	[ʌ] Dull, skull, null, up	[ə:] Slur, blur, fur, turn	[juə] Cure, manure
Y	[ai] Byte, sky	[i] Myth, mysti	[ə:] Myrtle	[aiə] Byre, tyre

As you can see, the six-vowel sounds in four different places. That is, you have to read twenty-four

different six-voices. How long does it take to teach the child?

Yes, we will repeat tirelessly that a foreign system and other nations cannot be the example for us especially when it concerns the alphabet and the ABC. It's easy and quick to learn to read and write with Akhmet Baitursynov's alphabet. This is how Telzhan Shononov says: "... children gradually finding the similarities and differences of words, easily and freely, without much support from the teacher, quietly move from easy to difficult, from simple to complex, learning at the same time to read independently. Practice has shown that in order to learn how to write and read by means of the new ABC book, 4 weeks is enough with the average ability of children" [3,44]. That is, if we read in Akan's way we will finish the alphabet very quickly, not in the third semester as we do now.

Until the 1930's, each nation had its own influential and reliable individuals. Talking about Turkology, we see scholars who cared for their nation and their language met in Baku in 1926. Having got rid of them, the Soviet regime educated Turkologists in Moscow and St. Petersburg; they were brought up in a blinded way by Russian turcologists. And the outstanding people of their nation discussed and shared their opinions freely in Baku. There was Akan among them. In front of scholars from around the world (Bartold, Rudenko, Miller, Shoban zade, Samoilovich, Malov, Ashmarin, Mensel, Sherba, Yakovlev, Oldenburg, etc.) Akan said about Russian language: "Spelling mostly depends on the language, on the property of the language. If we take, for example, the Russian

language, which uses the etymological principle, then we must say that this language is chaotic, anarchic, because the same words, when the stress is changed, take completely different forms. For example: "vada", "water", the stress has changed, where the sound "a" used to stand, now "o" has appeared. This is the most anarchic, chaotic language." [4,417].

At this meeting, great Russian professors, in particular Sherba and Yakovlev recognized the Kazakh alphabet as the best in the Turkic alphabet. Later N.F. Yakovlev, fascinated by Akan's alphabet, continued his research and with great pleasure wrote an article entitled "The mathematical formula for constructing the alphabet (Baitursynov's Alphabet)". This is an example for other Turks and they had begun to improve their national alphabet by the end of the twentieth year. Yes, we have the single way created by Akan. We must return to it. The way was closed by the Soviet government in 1929. Now when we have gained our independence and we must rediscover that path.

References:

1. Baitursynov A. Problems of Kazakh linguistics. - Almaty: Abzal-Ai, 2013.- 630 p.
2. Textbook. (Kazakh alphabet). The seventh edition. - Orenburg, 1925.- 72 p.
3. Great meaning of national spirit. - Almaty: Science, 1999.- 567 p
4. Baitursynov A. Language traditions. - Almaty: Ana tili, 1992. - 444 p.

УДК 8

Гусейнова Кёнуль Рауфовна
докт. филол. по лингвистике, доцент,
Азербайджанский университет языков

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КУЛИНАРНЫХ РЕЦЕПТОВ И МЕНЮ

Huseynova Kenul Raufovna
doctor. Philol. in linguistics, associate Professor,
Azerbaijan University of languages

BASIC DIFFICULTIES IN TRANSLATION OF RECIPES AND MENUS

Аннотация:

Данная статья посвящена переводу кулинарных текстов, а именно, кулинарных книг, меню, кондитерских рецептов. Автор приводит классификацию трудностей, возникающих при переводе подобных текстов, которые изобилуют кулинарными терминами, а также предлагает методы и тактики перевода для преодоления таких трудностей.

Summary:

This article writes about translation of culinary texts, such as cooking books, menus, confectionery recipes. The author classifies the challenges that occur in the translation of this kind of texts, which overloaded with food terms and gives translation methods and tactics of how to manage to overcome these difficulties.

Ключевые слова: кулинария, перевод, продукты, кухня, единицы меры.

Keywords: cooking, translation, products, cuisine, units of measure.

В доинтернетовский период интересующиеся кухнями зарубежных стран были вынуждены доверять книгам по кулинарии, написанным на их родных языках. Любители вкусных блюд пользовались рецептами приготовления тех или иных блюд без уверенности в оригинальности этих рецептов. В

настоящее время существуют немало кулинарных книг, содержащих огромное количество рецептов блюд, переведенных с разных языков. Однако эти рецепты часто не удовлетворяют требованиям пользователей, ибо многие рецепты переведены по принципу локализации, т.е. названия продуктов,

отсутствующих в местной культуре, даны названиями схожих продуктов. Это делалось также для того, чтобы то или иное блюдо соответствовало вкусу народа, на язык которого данные рецепты переводились.

В наши дни, используя поисковые системы типа Google, можно найти информацию, например, о греческом блюде на греческом же языке, или о бургерах, свойственных английской кухне, на английском языке. Любители кулинарии ищут нужные рецепты также и в частных блогах и форумах. Так, приобрести оригинальные рецепты на турецком языке¹ о блюдах г.Бурсы из блога турецкого блогера займет у нас всего несколько секунд. Текст приобретенных рецептов мы стараемся переводить сами (а иногда пользуемся машинным переводом). Следовательно, рецепты переводят не только переводчики, но и любители кулинарии. Первые делают это для приобретения навыков перевода кулинарных рецептов или же в коммерческих целях, тогда как вторые – для приготовления того или иного блюда (сладости, салата и т.п.).

Как было отмечено выше, нередко профессиональные переводчики осуществляют перевод кулинарных книг в коммерческих целях. В процессе перевода они часто сталкиваются с определенными трудностями. Конечно, трудности при переводе имеются во всех областях, но кулинария в этом плане занимает особое место. Это особенно заметно тогда, когда кулинарная книга переводится на язык народа, культура которого коренным образом отличается от культуры народа-обладателя данной кулинарии. Порой даже самые опытные переводчики сталкиваются с трудностями, требующих специального изучения.

Следует признать, что переводы кулинарных рецептов полны всякого рода забавными выражениями. При переводе кулинарных рецептов часто приходится иметь дело с реалиями. Это названия блюд, напитков, продуктов, кухонных принадлежностей, единиц измерения и т.п. При переводе меню, книг по блюдам или сладостям переводчик должен держать в центре внимания своего читателя. Он должен хорошо знать местные единицы измерения, ингредиенты блюд, различать предметы кухни, т.е. иметь большой интерес к этой области.

Исходя из тех трудностей, с которыми сталкивались мы сами, выделяем четыре группы трудностей: трудности связанные с 1) неизвестными продуктами, 2) видами мяса по способу рубки, 3) единицами измерения пищевых продуктов, 4) кухонными принадлежностями.

Трудности, связанные с неизвестными продуктами

В наши дни кулинария становится массовой, определенные продукты питания превращаются в тренды. Однако нельзя отрицать тот факт, что продукты, указанные в рецептах, есть не во всех странах, а потому и нередко потребители не знакомы с

такими продуктами. Работа с двуязычными словарями по пищевой терминологии показывает, что многие названия в словари не включены или же переведены в них не точно, а иногда и ошибочно. При переводе кулинарных текстов с английского на азербайджанский язык, мы встречали большое количество названий неизвестных нам продуктов. Кроме того, иногда даже знакомые нам продукты (сахар, овес, масло и др.) у англичан представлены различными сортами по способу обработки, каждый из которых имеет свое название. Некоторые из этих сортов в Азербайджане не производятся и поэтому не имеют названий, зафиксированных в англо-азербайджанских словарях. В таких случаях приходится прибегать к различным методам перевода.

Подобные трудности возникают и при переводе текстов по азербайджанской кулинарии. Ряд компонентов азербайджанской кулинарии, отмеченных в рецептах, свойственны только азербайджанской кухне, потому и не знакомы английскому читателю, не зафиксированы в соответствующих словарях. Например, одно из азербайджанских блюд – балва имеет в своем составе рис, яйцо, топленое масло, шпинат, зеленый лук и лавашана (тонко раскатанные лепешки из густой массы, сваренной из кислых фруктов – алычи, кизила и т.п.). При переводе на английский язык рецепта этого блюда возникает трудность перевода названия последнего ингредиента. Можно было бы заменить его названием близкого по составу продукта. Однако принцип локализации не всегда уместен, так как в таком случае приготовленный с таким ингредиентом продукт может существенно отличаться от оригинального. Поэтому к переводу следует добавить список заменителей всех ингредиентов данного продукта.

Чтобы рецепты не «устарели» быстро, необходимо знать следующее. Предположим, что один из ингредиентов блюда, указанного в рецепте, является белуга. Так как этот продукт очень дорогой и можно найти не всегда, переводчики прибегают к замене его другим сортом рыбы. В таких случаях следует выбрать тот сорт, который максимально близок к указанному в рецепте-оригинале, и объяснить причину замены. Кроме того, чтобы удостовериться в правильности замены, и блюдо с указанными в рецепте-оригинале ингредиентами, и блюдо с замененными ингредиентами в переведенном рецепте должны быть приготовлены и сравнены по виду, вкусу, запаху и прочим заметным признакам.

2) виды мяса по способу рубки

В разных странах рубка мяса производится по-разному. Переводчики, плохо разбирающиеся в блюдах и не проявляющие интерес к мясным блюдам, должны знать это. Здесь переводчику может оказать нужную помощь специалист по этому делу или специальная литература. В первом случае можно посоветоваться с опытным поваром или же

¹ İskender Kebap, İnegöl Köfte, “Kemalpaşa” tatlısı, pideli kebab, cevizli lokum, tahinli pide, cendere baklavası, cennet künkü, hoşmerim ve kestane şekeri.

человеком, разбирающимся в этом. Что касается второго случая, то можно найти много различных видеосюжетов, например, в поисковой системе Google. Некоторые переводчики в силу ряда причин не считают нужным обращаться в поисковые системы, считая, например, что это отнимет определенное время. Настоящие же переводчики считают важным обращение к специалистам, особенно к специалистам таких специфических областей, как ковроткачество, резьба по дереву, кулинария и т.д. Профессиональные переводчики прежде чем начать перевод по таким областям открывают тетрадь для записей, куда записывают необходимые данные соответствующих специалистов (номер телефона, адрес электронной почты, почтовый адрес), чтобы при необходимости можно было обращаться без потери времени. Наконец, надо иметь в виду еще одно: если даже термины в языке-источнике и языке, на который переводится данный рецепт, одинаковы или сходны, это еще не означает, что речь идет о тех же самых кусках мяса в обоих языках. Поэтому перевод рецепта должен быть перепроверен.

3) единицы измерения пищевых продуктов

Как известно, в мире существуют различные системы измерения. Нередко при переводе кулинарных рецептов возникают колебания по поводу того, какой единицей измерения указать вес продукта – чашкой (1 чашка – вмещает 237 граммов продукта), столовой ложкой (1 столовая ложка вмещает 15 грамм) или же унцией (1 унция – 28,3 грамма). Каждый раз переводить единицу измерения, указанную в рецепте, на местную, используя интернет-сайты, конечно, утомительно, а иногда выглядит курьезно. Например, насколько, верно, указать 474 грамма, вместо двух чашек чего-л. С другой стороны, чашки по вместимости бывают разные. Поэтому переводчик должен обдумать все это и принять правильное решение относительно передачи единицы измерения.

Перевод единиц измерения в кулинарных книгах осуществляется по двум принципам: переводчик 1) оставляет единицы измерения, указанные в оригинале, 2) заменяет единицы измерения. В первом случае он, сохранив единицы измерения, в конце книги в качестве приложения должен дать список эквивалентов этих единиц. Это уместно, если кулинарная книга преследует цель ознакомить зарубежного читателя с местной кухней. Но если она предназначена для читателей, желающих приготовить представленные в ней виды блюд, то такой перевод будет слишком утомительным. Словом, для настоящих пользователей такая книга будет недостаточно практична. Второй принцип – принцип замены единиц измерения удобен в том случае, если используются единицы измерения, соответствующие культуре народа, на язык которого данная книга переводится. Существуют два способа замены: а) полная замена (без сохранения оригинала), 2) замена с сохранением оригинала.

Полная замена означает, что, переводчик сначала анализирует весь текст рецептов и указанные

в них единицы измерения, затем производит необходимую замену, например, требуемый «474 мг молока» на 0,5 литра (500 мг). При этом он должен обратить внимание на соответствие введенных новых единиц измерения содержанию рецептов и быть уверен в замене всех единиц измерения, включенных в книгу рецептов, с соответствующими эквивалентами. Иногда если не указана единица измерения, особенно когда речь идет о блюдах, которые готовят на очаге, рецепт может и не годиться. *Замена с сохранением оригинала* применяется редко. При этом представляются обе единицы измерения: и местная единица, и единица, указанная в оригинале (дается в скобках). Например, в рецепте вес муки указывается как граммами, так и чашкой: 200 г (1 чашка) муки. Этот способ с точки зрения профессионального перевода приемлемый, но может ввести читателя в заблуждение.

4) Кухонные принадлежности: казаны (котлы) и сковороды

Наряду с названиями незнакомых пищевых продуктов, переводчики встречают и названия таких незнакомых кухонных принадлежностей, как казан, тава (сковорода) и др. Встречаются и разные названия схожих принадлежностей. Это касается и принадлежностей местной кухни. Например, при переводе кулинарной книги с азербайджанского языка на английский переводчик сталкивается с названиями различных видов национальной посуды. Однажды мы сами застряли на слове *çölmə*, обозначающем особую кухонную принадлежность, и встречающемся во многих рецептах. Эта посуда изготавливается из глины. Первым делом нам надо было убедиться в том, что такой вид посуды действительно нет в англоязычных странах. Мы спросили знакомых англичан о том, есть ли в английской национальной кухне такая посуда и, если нет, то чем пользуются в качестве замены ее.

При переводе на английский язык названия какой-либо кухонной принадлежности надо удостовериться в том, что английский читатель знаком с ней. Для этого нет необходимости идти в магазин, торгующий кухонной принадлежностью, в Англии и англоязычных странах. В интернете можно найти видеоролики или же заказать кулинарные книги. В Азербайджане, за исключением некоторых горных деревень, такими принадлежностями, как *kuzə*, *səhəng*, уже не пользуются. Это глиняные или медные кувшины с длинным горлом. На кухне используются в качестве сосуда для воды или компота. В словарях мы нашли перевод этих слов на английский язык. Затем мы применили метод обратного перевода (“back translation” method): в окне поиска написали найденные нами английские переводы и стали искать в интернете. Однако поиски не дали результатов. Считаем, что при переводе рецептов на английский язык можно сохранить оригинальные формы этих слов и дать описательный перевод в подстрочной сноске.

В заключение можно отметить, что слова, относящиеся к вышеуказанным категориям, при переводе следует подвергать специальному изучению. При необходимости можно проконсультироваться

у специалистов, т.е. у поваров, любителей готовить, владельцев соответствующих магазинов, а также у опытных переводчиков, занимающихся этой областью. Кроме того, не следует избегать замены названий. Можно составить словарь специальных слов, список замененных слов, вести записки переводчика и т.д. Все это полезно как студентам переводческих факультетов, так и переводчикам, занимающимся переводом кулинарных книг.

Список литературы

1. Translating for recipe books and menus. By Penny Marinou, Litterae, Athens, Greece [электронный ресурс] <https://www.translationdirectory.com/article928.htm> (дата обращения 10.01.2020)
2. Cooking and the Art of Translating Recipes, Lesley Kerseboom, Translation Studies (English). Master Thesis, Supervisor: Cees Koster, 11 August 2010.
3. Recipe translation: things to keep in mind // [электронный ресурс] <https://www.nobordertranslations.com/blog/language-translation/recipe-translation-be-careful-when-translating-food-recipes/> (дата обращения 10.01.2020)
4. How to Translate a Recipe [электронный ресурс] <https://www.firstedit.co.uk/blog/2016/07/translation-musings-translating-cookery-books/> (дата обращения 10.01.2020)
5. The Challenges of Translating Menus // [электронный ресурс] <http://icdtranslation.com/challenge-menu-translations/> (дата обращения 10.01.2020)
6. Is It Simple or Difficult to Translate Recipes? // [электронный ресурс] <https://www.onehourtranslation.com/translation/blog/it-simple-or-difficult-translate-recipes> (дата обращения 10.01.2020)
7. Translating Food: How to Translate Culture Specific Features in Recipes // [электронный ресурс] <https://pdfs.semanticscholar.org/69f6/e4f61629c899560b4e97cae25cceb1bdc3c.pdf> (дата обращения 10.01.2020)
8. Translation of Italian Recipes: Localization? By "Axis Translations" // [электронный ресурс] <https://www.translationdirectory.com/article927.htm> (дата обращения 10.01.2020)
9. Food For Thought By McElroy Translation, Austin, Texas 78701 USA // [электронный ресурс] <https://www.translationdirectory.com/articles/article1381.php> (дата обращения 10.01.2020)
10. Genetically modified foods By Mike Scantlebury // [электронный ресурс] <https://www.translationdirectory.com/articles/article1720.php> (дата обращения 10.01.2020)
11. By Congjun Mu, Shanghai Maritime University and Libei Liu, Shanghai Institute of Technology, China // [электронный ресурс] <https://www.translationdirectory.com/articles/article2280.php> (дата обращения 10.01.2020)
12. Некоторые особенности перевода кулинарных текстов [электронный ресурс] <https://thena.me/2017/02/07/translation-cookery/> (дата обращения 10.01.2020)
13. Трудности перевода кулинарных рецептов // [электронный ресурс] <https://novosti.ua/culture/128677> (дата обращения 10.01.2020)
14. Сложности перевода глуттонического дискурса (на примере переводов кулинарных рецептов) Гарифова Д. Д. // [электронный ресурс] <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/132049> (дата обращения 10.01.2020)
15. Специфика кулинарного перевода [электронный ресурс] https://www.martinperegovod.ru/perevod/specifika_kulinarnogo_perevoda/ (дата обращения 10.01.2020)

*Шарыпова Татьяна Николаевна,
Иваненко Екатерина Сергеевна*

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ

*Sharypova Tatyana Nikolaevna,
Ivanenko Ekaterina Sergeevna*

Rostov State University of Economics (RINH)

SPECIFIC FEATURES OF LEGAL TRANSLATION

Аннотация:

В статье рассмотрены основные особенности перевода юридических текстов. Проанализированы специфические черты юридических документов, на которые необходимо обращать внимание переводчику. Особое внимание уделено исследованиям теоретиков-лингвистов в области юрлингвистики, юридической терминологии.

Abstract:

The article deals with the main features of translation of legal texts. The specific features of legal documents that the translator should pay attention to have been analyzed. Special attention is paid to the research of theoretical linguists in the field of legal linguistics and legal terminology.

Ключевые слова: юридический документ, перевод, юридический перевод, специфика перевода, юриспруденция.

Keywords: legal document, translation, legal translation, translation specificity, jurisprudence.

Юридический перевод, на сегодняшний день, является одним из самых востребованных направлений переводческой деятельности. Это подкреплено историческими предпосылками, например, возникновением письменности, зарождением торговых отношений, интеграцией стран.

Многие из них относятся к шаблонным. Однако все из них требуют наличия специализированных знаний и опыта.

Данный вид переводческой деятельности достаточно трудоёмкий процесс, требующий наличия определенных навыков и фоновых знаний. В связи с этим, он изучается студентами юридических факультетов, обладающих специальными знаниями для создания адекватного и эквивалентного перевода. Основные трудности, как правило, связаны с интерпретацией специальной юридической терминологии.

К особенностям данного вида текстов относятся наличие аббревиатур, таблиц, специального стиля, языка.

Конечно, как и при работе с любым другим видом текста, так и при переводе юридической литературы, конечный результат (перевод) должен быть: ясным, не содержать элементов калькирования, полно (адекватно и эквивалентно) передавать то, что заложено автором оригинала [1].

Переводчик, специализирующийся на работе с юридическими документами, должен соответствовать некоторым требованиям, а именно: обладать высшим лингвистическим образованием, отлично владеть родным языком и языком перевода, быть подкованным в области юриспруденции, уметь пользоваться рабочими источниками информации (специальные глоссарии), соблюдать строжайшую точность при переводе, излагать материал в официально-деловом стиле. Перечисленные требования – лишь часть. Переводчик должен уметь хранить полную конфиденциальность, так как он может столкнуться с переводом договоров, завещаний, нотариальных свидетельств и так далее.

Рассматривая специфику юридического перевода, важно также отметить уникальный статус переводчика, который заключается в повышенной ответственности за качество выполняемых переводов. Ошибки в переводе могут привести к причинению материального ущерба и предъявлению иска [3].

Перевод документов, относящихся к области права, должен быть максимально наполнен информацией, соответствующей правовой области и грамматическим правилам соответствующего языка.

Юриспруденция тесно связана с культурными особенностями того или иного государства. Пере-

водчик должен обладать знаниями в правовых областях обеих стран, понимать специфику общественных явлений и реалий.

На процесс перевода так же будет влиять степень юридизации юридического текста. Н. Д. Голев выделяет четыре степени юридизации: высшая степень (максимально терминологизованные тексты), средняя степень (тексты, связанные с законоисполнением), третья степень (тексты, созданные неспециалистами, однако имеющие юридическое предназначение), четвертая степень (тексты с лексикой, подлежащей лингвистической экспертизе) [2].

В учебном пособии П. В. Рыбина отмечена ещё одна немаловажная особенность: «Юридические документы, за редким исключением, лишены авторского своеобразия, они безличны по своей природе. Этим обусловлена еще одна черта юридических текстов – объективность. Документ обычно составляется коллективным субъектом – государством или организацией, который выражает не свою индивидуальную волю и субъективные устремления, а волю коллектива или требования всего общества» [3].

Способы перевода терминов – транслитерация и транскрипция. Выше отмечалось, что переводчик юридических текстов должен уметь пользоваться источниками рабочей информации. Это связано с тем, что многозначность терминов и отличие в культурах тех или иных стран, могут вызвать у переводчика смятение и созданный им текст нельзя будет назвать эквивалентным исходному.

Обобщая вышеперечисленное, можно подвести итог, что работа с юридическими документами достаточно кропотлива и требует от специалиста не только знаний в области общей лингвистики, но и углубленного знакомства с юриспруденцией, правовыми системами стран. Рассмотренные особенности данного вида документов откладывают отпечаток на то, каким должен быть текст перевода. Важно придерживаться официально-делового стиля, перепроверять значения некоторых слов, стараться создать ясный и эквивалентный текст перевода.

Список литературы

1. Гарбовский Н. К. Г20 Теория перевода: Учебник. – М.:Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544с. ISBN 5-211-04802-4
2. Голев Н. Д. Ю 731 Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвузовский сборник научных трудов /под ред. Н.Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010 – 452с.
3. Рыбин П. В. Юридический перевод. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. Под ред. Рыбина П. В. ISBN: 9785302279128 421с.

Каримбаева Ханифа Кахоровна

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, ХПИТУ им. М.С.Осими г. Худжанд, Таджикистан

СУФФИКСАЛЬНЫЙ ТИП МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СПОСОБА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Karimbaeva Khanifa Kahorovna,

Candidate of Philology Sciences,

The assistant professor of chair foreign languages of Polytechnic Institute of Technical University Tajikistan by name Academician M.S.Osimi

SUFFIXAL TYPE OF MORPHOLOGICAL WAY OF WORD-FORMATION OF TERMINOLOGY OF MANUFACTURE OF CONFECTIONERY

Аннотация

Данная статья является продолжением работы автора на тему «Морфологический способ словообразования терминологии производства кондитерских изделий»

В статье автор подробно останавливается на суффиксальном типе (структура R + suf = N) морфологического способа словообразования терминологии производства кондитерских изделий, пытается доказать односуффиксальный деривативный тип, выявляет новообразованные слова, которые к настоящему времени еще не нашли однозначного перевода, представляет абстрактные существительные и находит им эквивалентные слова различных словообразовательных структур в сравниваемом таджикском языке, выявляет непродуктивные способы суффиксального типа словообразования. К каждому способу словообразования автор приводит словообразовательные модели и сопоставляет их на русском и таджикском языках.

На основании проделанной работы в конце статьи дается вывод: суффиксальный способ является одним из основных способов образования существительных в терминологической системе технологии производства кондитерских изделий. В обоих языках модели на основе суффиксального способа образования выступают как наиболее продуктивное средство пополнения системы терминологии технологии производства кондитерских изделий.

Abstract.

The given article is continuation of the work of the author on the specified theme. In the article the author in detail pays attention to suffixal type (structure R + suf = N) of morphological way of word formation of terminology of confectionery manufacture; tries to prove a single suffixal derivative type; reveals neogenic words, which by this time are not yet found a single meaning translation; represents abstract nouns and finds it equivalent words of various word formation structures in compared with Tajik language; and reveals unproductive ways of suffixal type of word formation. The author results word formation models in each way of word formation and compares them in Russian and Tajik languages.

On the basis of the fulfilled work the conclusion is given at the end of the article: the suffixal way is one of the basic ways of formation of nouns in terminological system of the confectionery production technology. In both languages models on the basis of a suffixal way of formation acts as the most productive means of replenishment system of terminology of the confectionery production technology.

Ключевые слова: *суффиксальный способ, односуффиксальный деривативный тип, суффиксальный элемент, способы словообразования, непродуктивный способ, абстрактные существительные, определенные структурные закономерности в эквивалентности.*

Key words: *a suffixal way, one-suffixal derivative type, a suffixal element, ways of word formation, an unproductive way, the abstract nouns, certain structural laws in equivalence.*

Тип суффиксальный со структурой R + suf = N

R+suf – односуффиксальный деривативный тип, который включает суффиксальный элемент. Односуффиксальные субстантивные слова в русском языке включают ниже приводимые словообразовательные модели.

Модель R+s. В сфере существительных широко используются все известные в сопоставляемых языках способы словообразования.

Модель Adj+ость: *вязкость, способность, сочность, ценность, кислотность, активность,*

гидрофильность, интенсивность, скорость, зараженность, упругость, эластичность, зольность и др. Существительные, образованные от прилагательных по данной модели, обозначают «непродуктивный признак, названный мотивирующим прилагательным».

В таджикском языке данной модели русского языка соответствуют существительные: 1) **модель N:** *ценность - нарх*, 2) с суффиксом *-ӣ*, модель **Adj+ӣ:** *влажность - намӣ; уплотнённость - зичӣ*, 3) **модель N + андагӣ:** *растяжимость - ёзандагӣ*; 4) существительные с суфф.+*ат* (модель **R+ -ат**): *влажность - рутубат; способность - қобилият*; 5)

модель N + ноқӣ: продолжительность – давомноқӣ; б) **модель N + иш:** вместимость – ғунҷоши; 7) существительные с суфф.+от (**модель R+ -от**): продолжительность – давомот; 9) **модель N + N+ӣ:** сочность – ширадорӣ, 10) **модель N +V+ -андағӣ:** заражённость – сироятқунандағӣ; 11) **модель N (N+N) +V:** слоистость – қабат-қабат, уплотнёность – сахт будан; и др.

Модель R+ал – непродуктивный способ образования, представленный в незначительном количестве слов: *материал, персонал*, переводящиеся на таджикский язык как *материал - масолах, персонал – ғайати зеркунони ягон муассиса* и др.

Модель R+ик: *коржик, рогалик, ромбик, пряник, ящик, ломтик*, и др. Кроме общеизвестных *ящик – сандуқ*, большинство слов данного ряда как обозначение названий кондитерских изделий в таджикском языке являются новообразованиями, к сожалению, к настоящему времени еще не нашли однозначного перевода. Мы предлагаем следующие названия для них: *коржик - кулчаранд, ромбик - ромбича, пряник – асалкулча* и др.

В русском литературном языке данный суффикс охватывает широкий семантический круг существительных, которые с такой же широтой осмысляются в таджикском языке, ср.: **R+ишинос:** *политик – сиёсатишинос* (букв.: *сведующий в политике*) и др.

Модель R + -ин(а): *величина, древесина, клейковина, община, толицина* и др. - образует существительные различной этимологии, исходя из основного значения корневой морфемы. В таджикском языке им соответствуют существительные различной словообразовательной модели: а) **величина - миқдор**, б) **R+ат:** *община – чамоат, величина - вусъат*; в) **R+ӣ:** *величина - бузургӣ*, г) **R+ак:** *клейковина – ширешак (-и галла)*; г) **R+а:** *величина – андоза*; д) **N-и+N:** *древесина - магзи чӯб* и др.

Модель R + ок: *белок, желток, мешок, кружок, сгусток, порошок* – образует существительные названия предмета или характеристика предмета, что зависит от семантики производящей основы: *сгусток* от прилагательного *густой*; *белок* <бел, *желток* <*желт*, *лоток* от существительного *лот*, *мешок* < *мех* и др.

Указанным словам в таджикском языке эквивалентны суффиксальные образования: а) **R+а:** *кружок – доира*; *сгусток – лахта*; *порошок – хока*; б) **R+b:** *белок – сафедб*, *желток - зардб* и в) **R+R:** *сок – хокандоз* и др.

Модель R+ -очк(а) : *кружочки, корочка, палочка, трубочка, булочка, формочка, грибочка* и др. Термины данного ряда часто употребляются в множественном числе.

Модель R+ -ств(о): *количество, средство, производство, свойство* и др. Модель образует абстрактные существительные со значением

В таджикском языке моделям **R+ -ств(о)**, **R(V)+ -еств(о)**, **R (V)+ -тельств(о)** соответствуют:

а) **R :** *производство - анҷом, тавлид; средство - тариқ, роҳ, тадбир*; б) **R+ӣ:** *гражданство - шахрвандӣ, равенство - баробарӣ*;

в) **R+ат(-ят):** *вмешательство – даҳолат; общество – ҷамъият, изыщество – нафосат*;

г) **R + иш:** *разбирательство – тафтиш*;

д) **R+а:** *средство - восита, васила, чора; количество - андоза, шумора*;

е) **R+ат(-ят):** *производство – истехсолот*;

Модель R+иј(а) - представляет абстрактных существительных, обозначающих названия системы научных принципов, идей, обобщающих практический опыт: *теория, кулинария* и др. - или конкретных предметов: *эмульсия, линия, партия* и др.

В таджикском языке им эквивалентны слова различных словообразовательных структур: *гурӯҳ, даста, назария, табоғӣ, хат, рах*, и заимствования *эмульсия* и др.

Модель R+иј(э): *условие, действие, содействие, соответствие*, и др.

Эквивалентные в таджикском языке слова имеют структуру: а) **R:** *действие – амал; содействие - мадад, ёрдам*; б) **R+ит:** *условие - шароит, муҳит*; в) **R+ӣ:** *содействие - ёрмандӣ, ёрӣ*; г) **R+-ат:** *соответствие - мувофиқат, муносибат*; д) **R+-от:** *изделие - маҳсулот, маснуот*; е) **R+а:** *предприятие - муассиса*; ж) **R+R+ӣ:** *развитие – вусъатдиҳӣ*; з) **R+R:** *предприятие – корхона* и др.

Модель R+к(а): *помадка, скалка, этикетка, полоска, лепешка* и др. В таджикском языке им соответствуют разноструктурные лексические единицы, прежде всего по семантике суффикса в русском языке соответствующие слова образованы по моделям **R+ак:** *скалка - тирак*, **R+а:** *шпилька – санча*; *этикетка - тамга*, **R+ча:** *полоска – рахча*. Допускаются и другие модели соответствия: *этикетка - тамгақоғаз* и др.

Сюда же примыкают существительные общего рода, которым в таджикском языке соответствуют разноструктурные лексические единицы: *лакомка - зуккахӯр, бамазаҳӯрак*, и др.

Модель R+ура: *структура, рецептура, температура* и др. Образует абстрактные имена существительные, которым в таджикском языке соответствуют *структура - сохт, таркиб, сохтор*;

Модель R+от(а): *кислота, крупнота* (помола),

Модель R+j(э): *печенье, варенье*

Модель R+иј(а) – образует абстрактные существительные со значением предмета или процесса: *конструкция, эссенция, порция*, и др.

Целый ряд моделей образует существительные со значением «действия, процесса, названного мотивирующим корнем»:

1. **Модель R+ировк(а):** *полировка, дражировка, эмалировка, транспортировка*,. Образует имена со значением действия, процесса, названного в основе существительного. На таджикский язык передается при помощи: а) **R+ R(V)+ӣ:** *полировка – пардоздиҳӣ*; *эмалировка – минокорӣ*; *транспортировка – молкашонӣ*; б) **составное слово, глагол:** *сортировка - ба навъҳо ҷудоқунӣ, ба хелҳо ҷудоқунӣ* и др.

2. **Модель R +овк(а):** *фасовка, заготовка, глазуровка* и др. Образует имена по выполняемому

действию, названному в производной основе глагола.

На таджикский язык передается при помощи:
а) **R+ R(V)+й:** *фасовка – борпечонӣ, заготовка – тайёркунӣ, захирақунӣ* и др.

3. Модель R+к(а)₂: *посыпки, заготовки, сливка, полоски, жженка, заготовка, загрузка, задвижка* и др. - образует существительные, обозначающие предметы по содержанию основы. В таджикском языке приведенным существительным соответствуют имена, образованные по модели **R+иш:** *посыпки – поиши, чошиши, подливка – резиши*, а также отрицательные существительные **N < Part:** *начинки – андухт* и др.

4. Модель R+арь: *пекарь, токарь* и др. В соответствиях в таджикском языке не наблюдаются определенные структурные закономерности в эквивалентности: *пекарь – нонвой, токарь – харрот, секретарь – котиб, котиба* и др. При этом важным является внутреннее содержание слов-соответствий - обозначение «номинации лица по совершаемому действию или профессиональному признаку»: *пекарь – человек, который печет хлеб = нонвой – одаме, ки нон мепазад,*

5. Модель R+тель: *загуститель, разрыхлитель, краситель, восстановитель, показатель, вредитель, окислители, потребитель, распределитель, студнеобразователь, заготовитель, хранитель, исполнитель, носитель* и др. Суффиксу *-тель* в модели свойственна номинация лица или предметов по характеристике совершаемого действия. Еще В.В.Виноградов их называет «именами действующих лиц и предметов» [3, 82].

В таджикском им соответствуют:

- а) **R:** *носитель – соҳиб, хранитель – муъофиз;*
- б) **R+бон:** *хранитель – нигаъбон* и др.;
- в) сложные безаффиксальные образования **R+R:** *вредитель – зараррасон;*
- г) сложные отрицательные существительные от составных глаголов **R+R(Part):** *нарушитель – вайронкунанда (от вайрон кардан), ыалоккунанда, показатель – нишондиҳанда* и др.

6. Модель V+-ацц[j] / -яцц[j] (а) – продуктивный способ отглагольных существительных: *операция, дифференциация, концентрация*, и др.

В таджикском языке им соответствуют: а) **R** - допускаются соответствие с корневым словом: *деградация – таназзул* и др.; б) **R + а:** *дифференциация – тафриқа;* в) **N+V+ й:** *адаптация – мувофиқатишавӣ.*

г) **Adj+N+й:** *дегенерация – бадчинсӣ* и др.

7. Модель V+-ени[j](э): *разрыхление, приготовление, брожение*, и др.

В таджикском языке модели эквивалентны: а) **N+:** *плавление – гудошиши, брожение – ҷушиши* и др.; б) **N+V+ й:** *разрыхление – ковоккунӣ*, и др.

8. Модель V+-ни[j] - продуктивный суффиксальный способ образования существительных от глагольной основы *формирование, возрастание, питание, , подслащивание, плесневение, испытание* и др.

Существительные, прежде всего отглагольные, образованные по моделям *-ни[j], -ени[j], -ти[j], -у[j]*, обозначают действие или состояние, названное мотивирующим словом, прежде всего глаголом.

Эквивалентным им в таджикском языке становятся следующие типы соответствий: а) *формирование – ташаккул;*

б) **модель R+om/-am:** *распределение – тақсирот;*

б) сложно-суффиксальный тип, модель **N+V+й:** *размножение – афзунишавӣ, формирование – шаклгирӣ;* г) **R+ние = R+ ии:** *старание – кушиши; хождение – гардиши* и др.

9. Модель V+-изаци[j](а): *пастеризация, пептизация, клейстеризация, нейтрализация, кристаллизация, , стерилизация* и др. Модель образует отглагольные существительные.

В таджикском языке им соответствуют: а) **R** - допускается соответствие с корневым словом: *стерилизация – тамъиз, кристаллизация – табаллур* и др.

б) **N+V+ й:** *реализация – иҷроқунӣ*, и др;

На основании проделанной работы можно предположить, что суффиксальный способ является одним из основных способов образования существительных в терминологической системе ТКПИ.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Жанровые элементы античного романа // М.: Наука, 1997. С. 237
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста // Учебное пособие, 2016. Москва: Флинт. С. 56;
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М., 1972
4. Домашнев А.И. Особенности художественного стиля // Учебное пособие, 1989. Москва: Просвещение. С. - 21.
5. Долинин К.А. Интерпретация текста // Учебное пособие, 1985. Москва: Просвещение. С. 13;
6. Dressier R. Лексико-деривационная концепция текста // Диссертация 1981. Москва: Наука. С. 43;
7. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях // Учебное пособие, 1965. Москва: Просвещение. С. 67
8. Каримбаева Х.К. Структурно-семантический анализ научного текста по технологии производства кондитерских изделий (на материале русского и таджикского языков // Диссертация, 2011. Душанбе. С. 121-123
9. Москальская О.И. Грамматика текста // Лингвистика. Учебное пособие, 1981, Москва: Высшая школа. С. 53.
10. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка // Электронная книга, 1989, Москва: Высшая школа. С. 126.
11. Скребнев Ю.М. Функциональный аспект лингвистики текста // Лингвистика текста. Учебное пособие, 1974, Москва. С. 47.
12. Тураева З.Я. Лингвистика текста // Учебное пособие, 1986, Москва: Просвещение. С. 127.
13. Jakobson N. Алгебры Ли // Книга, 1964. Москва: Мир.

Каримбаева Ханифа Кахоровна

кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, ХПИТУ им. М.С.Осими г. Худжанд, Таджикистан

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Karimbaeva Khanifa Kahorovna,

Candidate of Philology Sciences,

The assistant professor of chair foreign languages of Polytechnic Institute of Technical University Tajikistan by name Academician M.S.Osimi

MORPHOLOGICAL METHOD OF WORD FORMATION OF CONFECTIONERY PRODUCTION TERMINOLOGY

Аннотация.

В данной статье автор попытался доказать, в целом, существующие способы словообразования терминологии производства кондитерских изделий, рассказать об основных узусальных способах словообразования в русском языке, попытался охарактеризовать особенности реализации указанных способов словообразования в сопоставляемых языках и останавливается на словообразовательном анализе Технологии производства кондитерских изделий (далее ТПКИ) на лексическом уровне.

Abstract.

In this article, the author tried to prove, in general, the existing word-formation methods for the terminology of the production of confectionery products, to talk about the main conventional word-formation methods in Russian, tried to characterize the features of the implementation of these word-formation methods in comparable languages, and dwells on the word-formation analysis of the technology for the production of confectionery products (hereinafter TPKI) at the lexical level.

Ключевые слова: *аффиксальный способ словообразования, префиксальный тип, частные модели, специфические особенности словообразования, характеристика особенностей словообразования, типичные признаки, аспекты.*

Keywords: *affixal way of word-formation, prefixal type, private models, specific features of word-formation, the characteristic of features of word formation, typical signs, aspects.*

В целом на словообразовательном (лексическом) уровне выявляет следующие особенности ТПКИ: 1. Аффиксальный способ словообразования

2. Префиксальный тип со структурой N (p+R)

К каждому способу словообразования автором приводятся словообразовательные модели и сопоставляются на русском и таджикском языках.

На основании проделанной работы в конце статьи даются выводы:

- Префиксация является продуктивной в русском языке и чаще всего используется в глагольном словообразовании.

- В современном таджикском языке префиксальное словообразование имен существительных, в исследованных материалах, являются непродуктивными: **Модель зер- +R:** *зергурух, зернамуд; бе + Adj + ĭ:* *бетартиби, но + Adj + ĭ:* *ношоями* и др.

Abstract. In the given article the author tried:

- to prove the existing ways of word formation of terminology of confectionery manufacture;

- to tell the valid usual ways of word formation in Russian;

- to characterise the features of realisation of the specified ways of word-formation in compared languages.

And the author pays attention to word formation on analysis of terminology of confectionery manufac-

ture at lexical level. As a whole at word-formation (lexical) level the following features of terminology of confectionery manufacture are revealed:

1. Affixal way of word-formation

2. Prefixal type with structure N (p+R)

The author results word-formation models in each way of word formation and they are compared in Russian and Tajik languages.

On the basis of the fulfilled work conclusions are given at the end of the article:

- Prefixation is productive in Russian and more often is used in verbal word-formation.

- In modern Tajik language prefixal word formation of nouns, in the investigated materials, are unproductive: e.g. *зер+R:* *зергурух, зернамуд; бе + Adj + ĭ:* *бетартиби, но + Adj + ĭ:* *ношоями* and others.

Аффиксальный способ словообразования

Морфологический способ словообразования, включает в себя аффиксацию, то есть образование новых слов путём прибавления к корневой морфеме суффиксов, префиксов, постфиксов, а также интерфиксов в образовании сложных слов. Каждый из видов морфем знаменателен в образовании Технологии Производства Кондитерских Изделий (далее ТПКИ) и обладает специфическими особенностями как в каждом из отдельных языков, так и на уровне межъязыкового сравнения сопоставляемых языков. Выявляемые сопоставляемыми языками

специфические особенности формируются в определенных типических признаках. При аффиксальном способе словообразования или аффиксации образование новых слов происходит путем присоединения к основе аффиксов. Она составляет важную часть словообразования различающихся в типологическом плане таджикского и русского языков. Сопоставляемые языки при аффиксации в деривационной морфологии преимущественно используют разновидности аффиксации, как суффиксация, префиксация и интерфиксация. К основным узальным способам словообразования в русском языке относится также постфиксация. В целом префиксация является продуктивной в русском языке, в котором чаще всего используется в глагольном словообразовании.

Характеризуя особенности реализации указанных способов словообразования в сопоставляемых языках, следует отметить, что в использовании перечисленных способов каждый из языков проявляет некоторые особенности. Русский язык использует разнообразные способы и средства словообразования, при помощи которых создаются новые слова и передаются тончайшие оттенки значения. Ниже мы останавливаемся на подробном словообразовательном анализе ТПКИ на лексическом уровне. В целом на словообразовательном (лексическом) уровне выявляются следующие особенности ТПКИ.

Как отмечалось выше, по составу компонирующих словообразовательных элементов в сопоставляемых языках выделяются общетиповые словообразовательные, которые подразделяются на частные модели. На выявление и характеристику особенностей ТПКИ в словообразовательном аспекте в дальнейшем направлен анализ в работе.

Префиксальный тип со структурой N (p+R)

При префиксальном способе словообразования лексические единицы образуются путем прибавления к основе словообразующих префиксов, то есть морфем предшествующих корню.

Префиксальный тип со структурой N (p+R) в целом является типичным для системы русского языка,

В системе терминологии технологии производства кондитерских изделий выделяются модели образования лексических единиц путем префиксации.[8,138] При анализе префиксального способа словообразования представляется возможным выделить две группы префиксов, в которые войдут префиксы с одинаковым значением, а именно:

а) значение отсутствия того или противоположности, противонаправленности тому, что названо мотивирующим словом.

б) префиксы характеризующие степень действия.

Значение отсутствия того или противоположности, противонаправленности тому, что названо мотивирующим словом, выражаются приставками *не-, анти-, де-, дез-, дис-, против-* При присоединении подобных приставок к основе, образованная лексическая единица приобретает значение отсутствия или противоположности.

Модель не + R: *непорядок* - образует существительные со значением отсутствия того признака, который называется в основе бесприставочного существительного. В таджикском языке существительные данной структурной модели эквивалентны структурной схеме: а) **R**(*<pr + Adv*)**+i**: *бетартиби*, а также б) при помощи составных глаголов с частицей **но + Adv**: *ношоямӣ* и др.

Модель против + N: *противодействие, противопоставление* образует существительные от существительных, на таджикский язык передается при помощи модели **R+at** (*-ят*): *мухольфат, муробилият* и др.

Модели дез+R: *дезагрегация; де+R:* *дефростация* – являются непродуктивными в сфере терминов технологии производства кондитерских изделий.

В русском языке выделяются следующие деривационные модели префиксального образования терминов сферы технологии производства кондитерских изделий, в семантике которых отсутствует значения противопоставления:

Модель под+R: *поддон, подвид, подкласс, подгруппа, подсортировка*, - образует существительные от существительных, указывая на иерархические отношения в пределах определенной системы. В таджикском ему соответствует модель зер-+R: *зергурух, зернамуд*.

Модель пере + R: *пересортировка, пересмысление, перерегистрация* образует существительные, обозначающие повторные действия. Как обычно, русские отглагольные приставочные существительные со сложными семантическими отношениями передаются при помощи приглагольных валентных распространителей: *аз нав ба кайдгирӣ* и др.

Модель раз//с+R: *размол, рассортировка, расфасовка;*

Модель при+R: *прибор, примесь* – образует названия предметов и процесса.

Термины, образованные по структурным схемам: **ин+R:** *инверсия*, **экс+R:** *экстракция* являются малопродуктивными.

В современном таджикском языке префиксальное словообразование имен существительных, в исследованных нами материалах, являются непродуктивными: **Модель зер- +R:** *зергурух, зернамуд; бе+ Adj+i:* *бетартиби, но + Adj+i:* *ношоямӣ* и др.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Жанровые элементы античного романа // М.: Наука, 1997. С. 237
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста // Учебное пособие, 2016. Москва: Флинт. С. 56;
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. // Лингвистика. Учебное пособие, 1981. Москва: КомКнига. С.43
4. Домашнев А.И. Особенности художественного стиля // Учебное пособие, 1989. Москва: Просвещение. С. - 21.
5. Долинин К.А. Интерпретация текста // Учебное пособие, 1985. Москва: Просвещение. С.13;

6. Dressier R. Лексико-деривационная концепция текста // Диссертация 1981. Москва: Наука. С.43;
7. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях // Учебное пособие, 1965. Москва: Просвещение. С.67
8. Каримбаева Х.К. Структурно-семантический анализ научного текста по технологии производства кондитерских изделий (на материале русского и таджикского языков // Диссертация, 2011. Душанбе. С.121-123
9. Москальская О.И. Грамматика текста // Лингвистика. Учебное пособие, 1981, Москва: Высшая школа. С. 53.

10. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка // Электронная книга, 1989, Москва: Высшая школа. С.126.
11. Скребнев Ю.М. Функциональный аспект лингвистики текста // Лингвистика текста. Учебное пособие, 1974, Москва. С.47.
12. Тураева З.Я. Лингвистика текста // Учебное пособие, 1986, Москва: Просвещение. С.127.
13. Jakobson N. Алгебры Ли // Книга, 1964. Москва: Мир.

УДК 821.161.2 (398.1:398.3)

Копаниця Любов Миколаївна

доктор філологічних наук, професор, Київський національний університет імені Тараса Шевченка, професор кафедри фольклористики

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11318](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11318)

КОНЦЕПЦІЯ ТРАДИЦІЙНОЇ КУЛЬТУРИ В НАУКОВОМУ ДИСКУРСІ ІВАНА ФРАНКА: МІФ І РИТУАЛ ЯК НЕВІД'ЄМНІ КОДИ НАРОДНОПОЕТИЧНОЇ ТВОРЧОСТІ

Kopanytsia Liubov

Doctor of Philology, Professor, Taras Shevchenko National University of Kyiv, Professor of the Department of Folklore Research

THE CONCEPT OF TRADITIONAL CULTURE IN THE SCIENTIFIC DISCOURSE OF IVAN FRANKO: MYTH AND RITUAL AS INADMITABLE CODES OF NATIONAL-POETICAL CREATIVITY

Анотація

У статті пропонується ретроспектива основних методологічних поглядів Івана Франка у вивченні своєрідності та генеалогії усної словесності, що стали підґрунтям для формування нових підходів і методів дослідження фольклору, певних теорій та критеріїв для його пояснення й оцінювання. З'ясовано, що для Франка як фольклориста осмислення традиційної культури завжди становило найбільший інтерес в контексті конкретного історичного життя свого народу, але його дослідження проблеми генези універсальних ідей, понять, мотивів, символів і образів народнопоетичної творчості та заглиблення думками в тенденції, що відображають еволюцію народного світогляду в їхньому етичному, психологічному, естетичному, соціологічному, історичному, філософському та інших аспектах сприяють дослідженню фольклорного твору не тільки з мовностилістичного боку, а й осягненню процесів художнього мислення, семантики художньої експресії.

Abstract

The article offers a retrospective of the main methodological views of Ivan Franko in the study of the originality and genealogy of oral literature, which became the basis for the formation of new approaches and methods for the study of folklore, certain theories and criteria for its explanation and evaluation. It has been found that for Franko as a folklorist, understanding of traditional culture has always been of the greatest interest in the context of the specific historical life of his people, but his research into the genesis of universal ideas, concepts, motives, symbols and images of folk-poetic creativity and the immersion of thoughts in trends that reflect evolution folk ethos in their ethical, psychological, aesthetic, sociological, historical, philosophical and other aspects contribute to the study of folklore work not only in language side and comprehension processes and creative thinking, semantics artistic expression.

Ключові слова: *фольклор, комплексний підхід, семантична система, міфологічне мислення, художнє мислення.*

Keywords: *folklore, complex approach, semantic system, mythological thinking, artistic thinking.*

Сучасний науковий досвід різного рівня вивчення традиційної культури все частіше очевидним виявляє той факт, що ця культура не є константою, а складною системою, в основі всіх значущих компонентів якої лежить єдина семантична парадигма, яка здатна пояснити складну внутрішню природу

фольклорних явищ – комплекс міфологічних уявлень про будову світу, властивих даному соціуму. Однак, по-різному проявляючись у мовних стереотипах, фольклорних мотивах, обрядових формах, образах і символах народного мистецтва, ця семантична система «ніде експліцитно не виражена, а відтворюється тільки в сумі всіх своїх фольклорно-

етнографічних конкретизацій» [2, с. 101], а отже вимагає комплексного вивчення компонентів народної культури у їх взаємодії.

Для Івана Франка як фольклориста це оновлене осмислення традиційної культури завжди становило, мабуть, найбільший інтерес, хоча більшою мірою в контексті конкретного історичного життя свого народу. Але він багато працював також над проблемою генези універсальних ідей, понять, мотивів, символів і образів – того «всього скарбу традиційної літератури, всіх тих обрядів, звичаїв, вірувань, заклинань, пісень, казок, новел і анекдотів, які живуть в устах народу» [7, с. 279] – та заглиблювався думками в ті тенденції, що, врешті, відображають еволюцію народного світогляду, думав над питаннями, що представлені в його студіях хіба що поверхово. У колі зацікавлень ученого були фетишизм, анімізм, космогонічні та есхатологічні погляди, тобто міфи та легенди про походження всесвіту і людини та їхню долю, пантеїзм і язичництво, «печать християнства» і значно пізніші шари народного світогляду, в яких знайшли своє відображення народні уявлення про людину, суспільство, навколишній світ у цілому, в їхньому етичному, психологічному, естетичному, соціологічному, історичному, філософському та інших аспектах. На основі глибокого і проникливого вивчення цих сфер народного буття І. Франко виробив і відповідні принципи художнього освоєння фольклору, потенціалу народного світогляду загалом.

У кожній із статей, в передмовах, листах, виданнях апокрифів, легенд, прислів'їв, приказок та інших творів фольклору Франко не тільки чітко окреслив основні грані народнопоетичних уявлень про людину і світ, але й прагнув інколи відкрито, однак частіше через аналіз реальних речей, запропонувати вужчу, конкретнішу і, можливо, самостійнішу з погляду сучасної науки концепцію «традиційної літератури», основні положення якої засновуються на тезі про світоглядну основу народної поетичної свідомості. Для Франка визначальним критерієм оцінки тих чи інших явищ правили емоційна реакція людини на них та виражена в ній поетична ідея. Наприклад, з'ясовуючи джерела балади Т. Шевченка «Тополя», він указував на анімістичні уявлення про людину і світ, разом з тим зазначаючи, що «в міфології греків і римлян, а також в поемах тих народів стрічаємо багато оповідань про перемини людей в дерева» [14, с. 85]. Тут слід відзначити, що свої студії над еволюцією світосприйняття й психології народу І. Франко не вважав вичерпними і повними відповідями на ці питання – була спроба «звернути на той предмет увагу учених етнологів, а zarazом хоч в приближенні дати пізнати, яких здобутків для науки на тім полі можна надіятися» [9, с. 334]. Незалежно від того, чи ввійшли ці поняття до сучасної фольклористики, вони стали підґрунтям для формування нових підходів і методів дослідження традиційної культури, певних теорій для її пояснення та критеріїв для її оцінювання. Важливо лише простежити, щоб ці відокремлені думки ученого-фольклориста досягли сучасних концепцій культури.

Як відомо, фольклорний текст виступає як елемент традиційної культури та як мистецтво слова. Наприклад, лірична пісня як елемент усної культури виходить на семіотичний підхід інтерпретації фольклорного тексту, враховуючи її підтекстові зв'язки, ритуально-магічні, соціально-побутові функції, бо з точки зору походження вона, на думку сучасних дослідників [4], виявляється не більше як пізнім результатом розкладання первісної ритуальної нероздільності й забуття початкових міфологічних смислів за символічним значенням, яке, зауважував Франко ще у 1886 р. у передньому слові до збірки «Obrzędy i pieśni weselne ludu ruskiego we wsi Łolinie, powiatu stryjskiego», «часто вдається розпізнати деколи виразні риси звичаїв, які існували в далекому минулому» [11, с. 40-43]. Але і традиційний, формальний, здавалося б, аналіз жанрових, сюжетних, композиційних, художньо-естетичних та поетичних особливостей побутових пісень як форм архаїчного мислення, обраний Франком-фольклористом у більшості розвідок, взаємодіє з семантичною реконструкцією і сам може бути джерелом даних про архаїчні форми культури.

Якщо узагальнити, то питання методологічної теорії пізнання усної культури означає, що силою синкретизму фольклорних творів, який щонайперше слід розуміти не тільки як збагачення одних видів творчості засобами вираження інших видів і неможливість різко розмежувати факти вербальної творчості від інших способів художнього вираження та проявів психічної діяльності, оскільки «первісна поезія, – акцентує І. Франко, – була, по суті, колективним вибухом чуття, збірною імпровізацією, яка одночасно була співом, танцем і пантомімою» [16, с. 64], а як проблему світоглядну, як вираження універсальної природи творчості людини, доцільними, по-перше, є комплексний підхід у вивченні фольклору, який репрезентований у франківських фольклористичних студіях, а друге – засади порівняльної етнології, яка, словами ученого, «твердить, що виображення менше ясні, менше пластичні і менше ідеальні походять з часів давніших, а виображення більше пластичні, поняття більше абстракційні – з часів взглядно пізніших» [9, с. 340]. На такій світоглядній основі, як стверджують сучасні франкознавці, І. Франко виділяє чотири ступені художньо-естетичного освоєння людиною навколишнього світу в народній поетичній свідомості: фетишизм – анімізм – міфологія – синтез психології, моралі, етики, естетики, філософії і соціології [1]. Справді, ця проблема постійно присутня в працях Франка з питань народнопоетичної творчості: від початку, коли він дивиться на народну культуру як на загальну еволюцію народу, психологічно втілену в його творчості, і до роздумів про трансформацію старих мотивів під впливом суспільних і соціальних умов та їхнє нове життя в поетичній творчості народу, що свідчить, писав учений у студії «Знадобо до вивчення мови і етнографії українського народу», про те, що цей народ «ще спосібний видобувати чимраз

нові тони, відзиватися чимраз новими, а все хоршими, ніжшими і характеристичними піснями на всякі біжучі справи, котрі глибше дітнуть його життя і показують вплив на його суспільні і економічні обставини» [8, с. 186]. Ідея зв'язку первісної релігії з новочасною поезією дала Франкові змогу ширше і глибше зрозуміти еволюцію психологічних уявлень людини про світ, народження поетичного образу, метафори, символу, в яких закодована первісна світоглядна інформація. Саме ця теза лягла в основу його статті «Останки первісного світогляду в руських і польських загадках народних», у якій учений стверджує, що за своєю природою фетишизм як релігія первісної людини був значною мірою «тим, чим єсть тепер поезія, т. є. оживленням і уособленням сил і явищ природи» [9, с. 333].

Особливо цінний вихідний пункт для наших власних цілей становить ще одна з Франкових тез методологічного плану. Зокрема, думка І. Франка про те, що «наука народівідання» (фольклору) є частиною ширшої науки – історії цивілізації людської [7, с. 186], до якої дослідники зверталися багато разів, нам треба розуміти сьогодні саме в такому аспекті як спробу поєднувати різні методи і підходи (історико-генетичний, порівняльно-типологічний, функціональний, особливо у соціальних і психологічних аспектах), як врахування найширшого компаративного поля, що бачимо в таких працях ученого-фольклориста, як «Старина романсько-германська новела в устах руського народу», «Національний колорит у казках Бодяньського», «Болгарські праці М. Драгоманова», «Przyczyunki do podań o Mahomedie u Słowian», «Пісня про Правду і Кривду» та ін.

Другий підхід полягає в акцентуванні уваги на тому, що можна назвати генезою традиційної культури, а саме на питанні, чи є міф і ритуал її невід'ємними кодами. Зрозуміло, що теорія та історія міфу у науковій спадщині І. Франка спрямована на очевидну радикалізацію питання походження міфу, зокрема, на радикальне толерування його естетичної природи. Однак цей підхід є, звичайно, головним продовженням Франкової методологічної теорії, його концепції фольклору як словесності імперсональної. Сьогодні в науці утвердилась позиція, згідно з якою і міф, і ритуал дослідники визнають хоч і різними за формою способами вираження, «словесним та дієвим» (Є. Мелетинський), але одного і того ж смислового змісту в їхній світоглядній, функціональній, структурній єдності. Ритуал і міф вивчаються як дві форми окреслення однієї й тієї ж символіки, жодна з котрих не може бути визнана основною відносно іншої. Коли є бажання, можна заперечити ті чи інші наукові тлумачення або уявлення, а ідею синкретичного зв'язку міфу та обряду – ні. Тож саме семантичну тотожність, значення міфологічної семантики у розвитку поетичної образності, які як підхід у вивченні поезики словесного мистецтва були обрані ще у дослідженнях М. Костомарова, П. Куліша, О. Потєбні, М. Драгоманова і продовжені

І. Франком, і не обмежуючись її рецитацією в рамках обряду, сьогодні визнано найбільш перспективною в плані дослідження генези й поезики народнопоетичної творчості.

До речі, у комплексному баченні народної культури, у питанні генези народної пісні Франко насамперед враховував реальний плин життя, а до її первісного вигляду підходив як до матеріалу «історії народної культури, а отже як матеріалу історичного, як документа» [16, с. 59, 60]. Цьому, очевидно, сприяє розгляд національного буття як джерела змісту й поезики мотивів та образів української міфології й продовжує вивчення національного елементу міфології в національній традиційній культурі. Зокрема, у статті «Як виникають народні пісні» Франко твердить, що первотвором міфу, по-перше, є той запас вражень, які відкриває людина в повсякденному житті, насамперед в природі, яка оточує її, а по-друге – окрім емоцій, окрім енергії повсякденних вражень у творенні міфу виняткову роль відіграє уява, поетична фантазія, яка постає на ґрунті цих емоцій і вражень. Щоправда, учений відзначає і те, що національний елемент у міфології поступається традиційним, виробленим упродовж віків різними народами мотивам, образам та сюжетам. «З поданих вище прикладів, котрих легко можна би ще більше прибрати, – говорить І. Франко, узагальнюючи в студії «Останки первісного світогляду в руських і польських загадках народних» свої спостереження над міфологічними загадками, – побачимо також, як мало в подібних загадках єсть елементів чисто національних, а як багато виображень і понять або спільних многим народам на певній стадії розвою, або винесених із спільного джерела і перетворюваних тільки в відмінні форми серед відмінних окружуючих обставин» [9, с. 339-340]. Своєрідним продовженням і конкретизацією цих висновків є стаття І. Франка «Як творилася слов'янська міфологія».

Це ж положення виявляється ще виразніше – в іншому дослідницькому правилі інтерпретації народної культури: зв'язок усної словесності з еволюцією народу. Цю ідею вивчати «зв'язок пісні з життям і його інтересами, зв'язок з історією народу, його національною свідомістю та соціальним почуттям, зв'язок із загальною еволюцією народу, з еволюцією його подій, з психологією його творчості» [13, с. 16] найяскравіше виявляють Франкові «Студії над українськими народними піснями». В обох випадках це означає, що міфологію Франко-фольклорист розумів як світогляд архаїчного суспільства, а не як існування наративного тексту.

Однак і сьогодні ми, звертаючись до ритуалу і міфу в аспектах проблеми генези та еволюції художнього мислення, кожного разу пересвідчуємося в тому, що вони не просто вічні моделі мистецтва, а пракоріння людської думки, поетичної образності. Адже не окремі ритуали сприймаємо як архетипи жанрів, сюжетів, мотивів, а ті ритуально-міфологічні категорії, що трансформуються в жанри, сюжети, мотиви і структурні системи. Справді, аналізуючи пісенні тексти з погляду їх композиційної своєрідності та співвіднесеності

окремих складників твору, обумовлених його загальною архітектонікою, яка насамперед підпорядкована вимогам певного сюжету, теми та ідеї, авторитетний дослідник народної пісні О. Дей пропонує розуміння пісенного твору як цілісної системи, в якій композиції надається першорядна роль «в процесі художньої ліричної кристалізації вражень та переживань» [3, с. 7], скріплення сюжету, художніх деталей, тенденцій. Йдеться про те, словами І. Франка, «відвічне намагання до єдності» [11, с. 27-41], яке сучасний фольклорист конкретно бачить щонайперше в загальній архітектоніці фольклорного тексту.

Проте у міфологічному мисленні досвід протиставлення священного простору, тобто «сильного», значущого, а тому й реального, за уявленнями первісної людини, іншому, в якому ніби-то відсутні структури, зміст, як писав відомий дослідник міфології та релігії М. Еліаде [17], є, по суті, протиставленням порядку й безладу. Поняття це співвідноситься зі сферою традиції і підпорядковується традиції, як профанне підлягає сакральному, а міфоритуальна форма свідомо передбачає упорядкування світу як загалом певну культурну модель. А втім, питання полягає не в прийнятності теорії Еліаде. Аргументація зводиться по суті до того, що модель світу у фольклорі реалізується не як систематизація емпіричної інформації, але як поєднання різних семіотичних втілень, «кодових систем», які не є незалежними, а скоординовані між собою, створюючи єдину універсальну систему, від якої й не відхиляються. Але оскільки все в міфологічній картині світу сповнене єдиним смислом взаємодії з людиною, то й життя людини включається у загальний міфоритуальний сценарій створення моделі світу, проходить аналогічний космічний шлях, проте на рівні міфологізованого і ритуалізованого побуту.

Сучасні наукові дані доводять, що міфологізований сценарій життя людини як на вищому рівні (головні етапи програми життя людини), так і в інших проявах людської діяльності – це один єдиний семантичний комплекс, регламентований спеціально сформульованими правилами, які гарантують його постійне оновлення, стійкість, правильність, «одвічне повертання» (М. Еліаде). Взагалі в ідеї «одвічного повертання» закладені не тільки неодмінне і постійне звертання до зразків глибокої й важливої інформації, її фундаментальність для архаїчних культур, але підкреслюється особливо її ритуальне походження, усвідомлення заснованого в традиційному тексті ритуального механізму, який допомагає відкрити у фольклорному творі скриті або втрачені давні смисли.

Насправді визнавши за універсальними ідеями, стійкими, повторюваними елементами, мотивами, алюзіями їхню стереотипність та закономірність, які, стверджує російський учений Б. Путілов, не доступні випадку [6, с. 189-190], окресливши їхню ключову роль у фольклорі як однієї з типологічних універсальї семантичної, художньої, світоглядної системи народної культури, як показ-

ники – а не «засоби» – певного ставлення до дійсності [5, с. 197], то легко прийти до висновку, що навіть у пізніх жанрах фольклору вони зберігаються значно довше за ті причини, що їх породили. Однак абсолютно стабільних змістовних елементів універсальних міфологічних схем у фольклорі немає. Кожний елемент фольклору первісно заданий у нескінченно нових варіантах.

Наприклад, обмірковуючи думки Івана Франка у розвідці «Жіноча неволя в руських піснях народних» про традиційний соціальний, реально-побутовий аспект ліричної пісні чи про відображення в ній реальних подій, що лягли в основу певних ліричних сюжетів і пояснюють ментальність української жінки, говорять про її вдачу, звичайно усвідомлюємо, що це дослідження стало і своєрідним узагальненням активної збирацької роботи фольклориста з 1864 р. до початку 80-х років XIX століття, що ґрунтується на побутовому пісенному матеріалі, записаному ним самим та товаришами поета – М. Павликом, Ів. Мохом, Анною Павлик, і є підсумком його спостережень переважно над сучасним життям пісні та її головних носіїв. І треба визнати, такий реально-побутовий аспект у традиційній пісні є і виконує функції як не головного. Він виявлений через інваріант теми горя, соціальної нерівності, жіночої долі, шлюбу з нелюбом і через різне ставлення до цих моментів життя героїв пісенного фольклору. І немає сенсу відривати культурний аналіз від його безпосереднього об'єкта – неформальної логіки реального життя. Тим більше, що інтереси Франка-фольклориста зосереджувалися навколо творів соціального спрямування як у збирацькій практиці, так навіть і у підпорядкованні наукової діяльності соціально-політичній боротьбі. А проте, справедливим буде твердження, що тут ігнорується інший, семантичний, більш глибокий, пласт ліричних пісень про жіночу долю. Скажімо, чому в баладі-пісні «Ой там коло млину, ой там коло броду» зрада карається смертю? Чому в «Пісні про Якіма» чоловік вбиває жінку заради любові до іншої? Але нас цікавить не сюжет, не простий «казус» кримінальний, за влучним висловом Франка, навіть і не етичні оцінки вчинку героя чи «жіноче питання», і, нарешті, не дослідження твору з мовностилістичного боку, а процеси художнього мислення, семантика художньої експресії.

Спробуємо пояснити свою думку на прикладі тієї ж «Пісні про шандаря», якій Франко присвятив окрему частину своєї праці «Жіноча неволя в руських піснях народних». У цій пісні-баладі ідея любов-смерть не просто перегукується з мотивами провини й розплати, постає центральною, причому у двоєдності міфологічного та реально-побутового аспектів. У пісні міфологічна метафорика, звичайно, трансформована й переосмислена в стилі реального життя. Проте в пісні міфологічний мотив прихований в генетичному підтексті, а образна система твору «вбудована» в координати історичного часу. Усі два виміри цього часу спресовані в ключовій метафорі любов-смерть, блискучу інтерпретацію якої Франко дав в іншій своїй розвідці – «Тополя» Т.Шевченка», назвавши любов «новим

щиролюдським евангелієм». Метафора любов-смерть в «Пісні про шандаря», з одного боку, дає прагматичну «прив'язку» поетичної думки до факту дійсності – подружня зрада. З другого – символізує приховані духовні сили людини до відродження, природно, у сфері чуттєвості. Таким чином, і тут перед нами не опозиція «або» – «або», а двоєдність: «і» – «і». Зрештою, не можемо не погодитися з відомим висловом Івана Франка, що для художнього твору важлива не ідея, а художня форма, в якій втілюється ця ідея. Звідси й інша багатозначна теза Франка – буквально на якій дослідником вибудований аналіз пісні «Про Правду і Кривду», її джерел, особливостей побутування та впливу на народну свідомість – народній філософії властиве трактування єдності двох протилежних начал, а саме правди і кривди, які перебувають у стані постійного руху, боротьби, рухаючи тим самим і самі основи розвитку суспільства.

У контексті з міфологічною проблематикою можна було б і не вдаватися до аналізу поглядів Франка-фольклориста, тим паче, що він і виступає проти міфологістів. Але в його працях («Jak powstają pieśni Ludowe?», «Козак Плахта», «Студії над українськими народними піснями») – часом несподівано для себе – ми знаходимо не тільки поняття архетипу, який розумівся ним як міфологічне уявлення, первісний образ, але й аналіз, приміром, питання різностороннього порівняльно-історичного досвіду вивчення мотивів, образів вірувань від глибинних міфопоетичних первообразів-архетипів до подальшого історичного поширювання фольклору, пізнання світогляду, характеру і психології народу [12, с. 271, 279.], саме ті питання, осмислення яких знайшло в теорії К. Юнга вираження в понятті архетип.

Принагідно зауважимо, що у відомій праці «Із секретів поетичної творчості» І. Франко висловлює свої міркування також про роль підсвідомості (чи як він називає «нижньої свідомості») і навіть про сугестію. Нарешті, Франко ніколи не був схильний надмірно розширювати сфери застосування тайлорівської теорії пережитків, хоча був широко обізнаним з найновішими європейськими досягненнями у галузі філософії та антропології, зокрема з «Первісною культурою» – працею авторитетного британського антрополога Е. Тайлора. Однак у осмисленні Франка поняття, образи, мотиви фольклору, «ті останки давнього первісного світогляду» [9, с. 333] органічно розвиваються із національної психології народу та його поглядів, а не із «тотожності людської душі». Саме вони містять у собі показ своїх «первообразів», проте не обмежуються ними цілком, а в потоці нескінченного народного шліфування постають в оригінальних асоціаціях українського люду, «котрий в своїх приповідках, піснях і казках поставив такий тривкий пам'ятник своєї здорової, розумної, чесної мислі, своєї прихильності до світла, справедливості» [15, с.166].

Тож важливо відзначити, що такий приклад ретроспективи методологічних поглядів Франка на традиційну культуру в контексті конкретного істо-

ричного життя свого народу, проблему генези етнокультурних універсалій та заглиблення вченого думками в тенденції еволюції народного світогляду в найширших його аспектах сприяють дослідженню фольклорного твору не тільки у мистецькому вимірі, а й у напрямі осягнення процесів художнього мислення, семантики художньої експресії.

Список літератури

1. Вертій Олексій. Народні джерела творчості Івана Франка / Олексій Вертій. – Тернопіль: Підручники & посібники, 1998. – 254 с.; Пилипчук С.М. Фольклористична концептосфера Івана Франка. Монографія / С. Пилипчук. – Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2014. – 466 с.
2. Виноградова Л.Н. Фольклор как источник для реконструкции древней славянской духовной культуры / Л.Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы. – М.: Наука, 1989. – С. 101–121.
3. Дей О. Поетика української народної пісні / О. Дей. К.: Наукова думка, 1978. – 250 с.
4. Копаниця Любов. Метапонятійна модель української ліричної пісні: Монографія. – К., 2000. – 504 с.; Копаниця Л. Поетичний текст в усній і книжній традиції: питання поетики та художньої семантики: навч. посібник. – Київ: ВПЦ «Київський університет», 2010. – 397 с.
5. Пропп Владимир. Русская сказка / Владимир Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 416 с.
6. Путилов Б.Н. Методология сравнительного исторического изучения фольклора / Б.Н. Путилов. – Л.: Наука, 1976. – 242 с.
7. Франко І. Етнологія та історія літератури / Іван Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка, 1981. – Т.29. – С. 273–282.
8. Франко І. Знадоба до вивчення мови і етнографії українського народу / І. Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка. – 1980. – Т.26. – С.180–205.
9. Франко І. Останки первісного світогляду в руських і польських загадках народних // Франко І. Збір. творів: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка, 1981. – Т. 26. – С. 332–346.
10. Франко І. Передне слово [до збірки «Obrzędy i pieśni weselne ludu ruskiego we wsi Łolinie, powiatu stryjskiego». Zebrała Olga Roszkiewicz, opracował Iwan Franko] / Іван Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка, 1980. – Т.27. – С. 40–43.
11. Франко І. Причинки до оцінення поезії Т.Шевченка / І. Франко // Додаткові томи до Зібрання творів у п'ятдесяти томах / Іван Франко; ред.кол.: М.Г. Жулинський (голова) та ін. – К.: Наукова думка. – 2008. – Т. 53; Літературознавчі, фольклористичні, етнографічні та публіцистичні праці, 1876-1895 / ред. тому С.К. Нахлік. – К.: Наукова думка, 2008. – С.27-41.
12. Франко І. Старинна романсько-германська новела в устах руського народу / І. Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. – К.: Наукова думка, 1980. –Т. 26. – С. 266–279.

13. Франко І. Студії над українськими народними піснями / І. Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка. – 1986. – Т. 43. – С. 7–354.

14. Франко І. «Тополя» Т. Шевченка / Іван Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 28. – С. 73–88.

15. Франко І. Хуторна поезія П.О. Куліша / І.

Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. – К.: Наукова думка, 1980. – Т. 26. – С. 161–179.

16. Франко І. Як виникають народні пісні / Іван Франко // Франко І. Збір. творів: у 50 т. / Іван Франко. – К.: Наукова думка. – 1980. – Т. 27. – С. 57–65.

17. Элиаде М. Священное и мирское: Пер. с франц., предисл. и коммент. Н.Г. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

УДК 81

Косова Ирина Олеговна
кандидат филологических наук,
доцент Московского городского университета управления Правительства Москвы,
г. Москва

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕНОМЕНА «БРЕКСИТ» В ДИСКУРСЕ СМИ

Kosova Irina
candidate of Science,
assistance professor of Moscow Metropolitan Governance University, Moscow

LINGVOCULTURAL FEATURES OF THE PHENOMENON “BREXIT” IN MASS MEDIA DISCURS

Аннотация

В данной статье рассматриваются прагматические особенности вербализации лингвокультурного феномена «брексит» на материале иноязычных газетных публикаций, размещенных на информационном портале «Inosmi.ru». Актуальность исследования объясняется повышенным интересом к феноменологии брексита с лингвистических позиций, а также вариативностью выражения объективной и субъективной модальности массмедиа различных стран и изданий при освещении событий по брекситу. Выбранный материал исследования представляет собой синтез различных журналистских точек зрения на проблематику брексита и позволяет определить лингвокультурные, тематические, вербальные доминанты брексита в дискурсе СМИ.

Abstract

This article deals with the pragmatic features of verbalization of the lingvocultural phenomenon of "brexit" on the material of foreign-language newspaper publications posted on the information portal "Inosmi.ru". Relevance of the research is explained by an increased interest in the phenomenology of the brexit from a linguistic point of view, as well as the variability of the expression of objective and subjective modality of the mass media of different countries and publications in the coverage of events on the brexit. The selected research material is a synthesis of different journalistic points of view on the problem of braces and allows to determine the linguistic-cultural, thematic, verbal dominants of braces in mass media discourse.

Ключевые слова: *брексит, лингвокультурные особенности, дискурс массмедиа, медиаобраз*
Key words: *brexit, linguistic and cultural features, mass media discourse, media image*

Дискурс масс-медиа, как известно, является наиболее эффективным инструментом социокультурного измерения общества и языка, поскольку представляет собой интер- и полидискурсивный поликодовый феномен, синтезирующий множество дискурсивных практик, тематических блоков, жанров, сценариев, языковых константных и инновативных репрезентаций и т.д. Любой дискурс, и в особенности дискурс СМИ наделен определенной прагматической силой и властью. Согласимся с интерпретацией дискурса немецкого лингвиста С. Егера с позиций синтеза дискурса, власти и знания: «дискурсы наделены властью, поскольку они передают знания, которые аккумулируются в коллективном и индивидуальном сознании и становятся основой для дальнейших коллективных или индивидуальных действий и формирования действи-

тельности. Дискурсы влияют на общественные отношения, действия и образ мыслей, что находит отражение в языке...» (Jäger, 2001, с.89).

Роль дискурса СМИ в формировании образов и имиджей отдельных личностей, общественных организаций, государственных структур и страны в целом резко возросла на фоне глобализации и медиатизации общественно-политических событий. При этом особая роль отводится вербальной составляющей медиатекста. А.Г. Пастухов отмечает, что «речевые индикаторы фиксируют целеполагания автора, его интенции, определяют степень воздействия на сознание, отвечающего за расшифровку персуазивных стратегий в структуре медиатекста» (Пастухов, 2019, с. 5). Согласимся также с В.А. Митягиной в понимании расширения медиатекста на предмет индивидуальных реакций реципиентов за

счет новых ракурсов оценки событий (Митягина, 2019).

В проводимом исследовании в лингвокультурном фокусе рассматривается медийный феномен «брексит», формируемый вербальными средствами в газетном медиатексте как отражение различных аспектов культурной идентичности. Какие вербальные средства способствуют формированию положительного, отрицательного, нейтрального отношения к брекситу в медиа-пространстве с позиции объективного и /или субъективного восприятия? В чем совпадают и различаются образы брексита в дискурсе СМИ различных лингвокультур?

Цель исследования заключается в выявлении доминирующих вербальных средств поликодового медиатекста, реализующих прагматический потенциал медиадискурса о брексите в СМИ различных лингвокультур. Методология исследования основана на прагматическом анализе медиатекста о брексите с учетом его модусных, жанровых, стилистических и лексико-грамматических характеристик. В работе использованы методы контент-анализа для выявления содержательных доминант медиатекста о брексите и интент-анализа для выявления прагматического потенциала текстов. Исследование направлено на выявление описания событий брексита в различных газетных публикациях в контексте европейской идентичности, для определения, каким образом тема европейской идентичности прослеживается в медийных публикациях различных лингвокультур.

Социокоммуникативный феномен брексита стал одной из самых провокативных тем в медийных публикациях. Данный лингвистический феномен заинтересовал исследователей природой своего неологизма и в последствии целой терминосистемой, жаргоноидов и жаргонизмов «брексит» (Independent, Collins Dictionary). Кроме того, СМИ играют ключевую роль в манипулировании общественным сознанием при освещении событий, как в субъективной, так и объективной интерпретации. Так, в британских газетных медиа наблюдается наличие различных тематических доминант в аргументировании или контраргументировании брексита, начиная в вопросах суверенности страны, миграции (издания Sun, Daily Mirror), заканчивая экономическими последствиями (издания Guardian, Times, Daily Telegraph).

Проводимое исследование в своей методологии ориентируется на подобные сопоставительные исследования, предпринятые на материале французских газет Le Figaro und Le Monde, итальянских Il Corriere della Sera и испанских El Mundo und El Pais (Garcia Blanco, 2016), а также немецких FAZ и швейцарских Tages-Anzeiger (Gyssels, 2018). Исследователи пришли к выводу об освещении проблематики брексита в СМИ с национальных позиций, т.е. значении данных событий для их стран, без учета и без обсуждения вопросов качества жизни и интересов граждан Великобритании и других стран ЕС.

В качестве материала данного исследования был выбран информационный ресурс «Иносми.ру»,

публикующий на русском языке переводы газетных статей зарубежных изданий. Для анализа методом сплошной выборки были отобраны 300 публикаций в период 2019-2020 гг. на тему «брексит». Анализ публикаций в лингвокультурном фокусе дает возможность определить приоритеты публикационной активности медиаресурсов по заявленной тематике, тематические доминанты и вербальные средства выражения европейской идентичности в дискурсе иноязычных СМИ, представленных в российском медиапространстве.

Анализ эмпирического материала на предмет жанровой принадлежности текстов позволяет заключить, что в основном, тексты о брексите, размещенные на портале «Иносми.ру», это аналитические статьи (80 %), интервью (10%), новостные заметки (5%), информационные сообщения (5%). Данный показатель объясняется в первую очередь тем, что аналитическая статья представляет собой самый распространенный журналистский жанр, позволяющий автору публикации не только информировать о событиях, но и выражать свою точку зрения, навязывая определенную реакцию потенциальной аудитории, что уже дает основания предположить субъективную интерпретацию событий брексита в СМИ.

Рассмотрим тематические доминанты анализируемых публикаций. Большинство публикаций посвящены темам «политика» и «экономика» с явным преимуществом в освещении политических процессов, интересов деятелей вокруг брексита:

- *Прошлая пятница стала для Путина лучшим днем в жизни, ведь он достиг двух своих заветных целей: раскол Европы и раскол Соединенные Штаты (Fox News)*
- *Борис Джонсон может войти в историю как человек, разваливший Великобританию ради Брексита (Carnegie Center)*
- *Отношения между Великобританией и ЕС никогда не отличались теплотой, и поэтому даже многочисленные льготы не смогли удержать британцев в союзе (Wiener Zeitung)*
- *Лейбористов положили на лопатки, Джонсон торжествует (Gazeta Wyborcza)*

Очевидно, что выход Великобритании из ЕС – это, прежде всего, политическое решение, поэтому политическая детерминация газетных публикаций вполне ожидаема и оправдана. Приоритет в описании политических последствий или вовлеченности тех или иных политических деятелей не отличается по лингвокультурному принципу, во всех анализируемых публикациях наблюдается перевес в доминировании политического ракурса, однако, тональность и модальность в подаче материала, а также провокативность события обнаруживают расхождение.

Так, в американском издании Fox News при описании событий брексит упоминается подозрения на *российское вмешательство* в раскол британского общества:

Дебаты о выходе длились на протяжении трех лет и вызвали большой раскол в обществе. В этом споре городские жители выступали против

сельских, молодежь против людей старшего возраста, белые против цветных, а консерваторы против лейбористов. Итоги референдума тоже были поставлены под сомнение из-за сообщений о российском вмешательстве.

Российское издание Carnegie Center в своей публикации проводит связь Б. Джонсона с Б. Ельциным и его роли в расколе СССР:

Чтобы понять, насколько это нетрудно, можно вспомнить, какую роль сыграли Борис Ельцин и Вацлав Клаус в распаде СССР и Чехословакии. Соедает ли другой Борис — Джонсон — для Великобритании то, что Борис Ельцин и Вацлав Клаус сделали для своих стран?

Французская газета Le Figaro, повествуя о расколе британского общества, выражает одобрение и поддержку британского суверенитета:

Английский публицист Дуглас Мюррей приветствует выход Лондона из ЕС. Он считает, что британцы вернули себе суверенитет своих политических институтов. Дэвид Гудхарт (David Goodhart) рассматривает Брексит как выражение раскола. Удалось ли Борису Джонсону примирить людей?

Немецкое издание FAZ, стремясь к нейтральному информированию о брекситах, намекает читателям о нерешительной позиции правительства Великобритании:

Через три с половиной года после референдума по поводу «брексита», состоявшегося в июне 2016 года, в парламенте, вероятно, уже на следующей неделе состоится голосование по поводу того, о чем Джонсон так долго торговался с Брюсселем — соглашения об условиях выхода из ЕС.

В турецкой газете Cumhuriyet при описании последствий брексита автор публикации проводит связь экономических связей Британии и Китая:

Британцы, обладающие богатым дипломатическим, разведывательным, империалистическим опытом, выходя из ЕС параллельно развивают свои отношения с Китаем.

Проиллюстрированные пассажи показывают очевидные расхождения в интерпретации событий и лингвокультурных приоритетах, если для одних изданий раскол Британии и ЕС означает внутривнутриполитические проблемы Великобритании, то других — внешнеполитические влияния и тенденции. Подтверждением тому являются также заголовки публикаций, в которых «закодирована» прагматика текста и интенции автора:

- связь с Россией: *Результаты Брексита и импичмента очень хороши для Путина* (Fox News).
- поддержка национализма: *Жители Нориджа провели антирасистскую акцию протеста после появления листовок «С Днем Брексита!»* (The Guardian)
- критика в адрес Б. Джонсона: *«Дом дураков»: как пресса освещает очередное поражение Джонсона в вопросе Брексита* (The Guardian)
- поддержка брексита: *Великобританию ждет невероятно прекрасное будущее* (Le Figar)

- взаимоотношения ЕС и Великобритании: *Настоящей любви никогда не было* (Wiener Zeitung)

- критика в адрес брексита: *Брексит — не освобождение, а своекорыстная фантазия* (The Times)

При этом очевиден выбор языковых средств, эксплицирующих оценку событий. В анализируемых текстах были выявлено частотное употребление таких средств, как:

Метафора:

- *Брексит — это жалкий спектакль, который породил и разжег все самое худшее, что есть в британской политике. Радуется хотя бы то, что это спектакль закончился* (The Times)

- *Это конец долгой истории взаимного отчуждения, лишённого любви брака по расчету, в котором было много лжи и обмана* (Wiener Zeitung)

- *Не так уж много для развода после четырех десятилетий совместной жизни* (Le Point).

Сравнение:

- *Сделает ли другой Борис — Джонсон — для Великобритании то, что Борис Ельцин и Вацлав Клаус сделали для своих стран* (Carnegie Center)

- *Одновременно это означает триумф в политике популистского и националистического курса, который проявляется в новом стиле пропаганды, о котором на Западе забыли со времен Гитлера и Муссолини* (Иносми.ру)

Лексика с отрицательной коннотацией:

- *Худшая черта политиков и ученых мужей, возглавивших мари Брексита, — это их предрасположенность к откровенной глупости* (The Times)

- *Теперь выход Британии оформлен официально, и он может нанести вред экономике страны* (Fox News)

- *Значительная часть электората в Венгрии, Польше и Италии действительно резко критикует Брюссель и работу ЕС. С референдума 2016 года до настоящего выхода прошло всего четыре года* (Le Point).

- *Фактически мало что изменится, так как начнется переходный период, в течение которого стороны должны договориться о том, как будут устроены их отношения в торговле, финансах и прочих сферах после окончательного расставания Великобритании и ЕС* (Русская Германия).

Анализ позволил определить, что для достижения запрограммированного прагматического эффекта авторы газетных публикаций оперируют общеупотребительной лексикой, применяя ее к описанию брексита как лингвокультурного феномена, формируя его негативный, нейтральный и положительный образ в медиaprостранстве газетных СМИ различных стран.

Для создания положительного, отрицательного, нейтрального отношения к брекситу в медиaprостранстве с позиции объективного и /или субъективного восприятия используются различные языковые средства, в первую очередь тропы и лексика с явной выраженной коннотацией. Исследование показало частотность публикаций с негативной оценкой брексита в дискурсе СМИ различных

стран (Франции, Германии, Австрии, Турции, России, Великобритании).

Публикационная активность различных стран о брексит отличается и дифференцируется в зависимости от внешнеполитических отношений, контактов и политических пристрастий. Наиболее активно иноязычные СМИ освещают политический ракурс брексита в контексте будущего страны, перспектив сотрудничества, политических деятелей. Именно политический фокус придает публикациям определенную степень провокативности и позволяет определить степень выражения национальной идентичности в дискурсе СМИ.

Литература

1. Митягина В.А. Инструментальность и креативность немецкоязычного массмедийного дискурса в формировании политического имиджа России // Коста Хетагуров в контексте культуры России: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 160-летию со дня рождения Коста Левановича Хетагурова (17–18 мая 2019 г., РСО-Алания, г. Владикавказ); Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. – Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. – 258 с. С. 185-190.

2. Пастухов А.Г. Неожиданное и провокативное в медиатексте. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2019. № 4, С. 3-11.

3. Brexicon: A full dictionary of Brexit-related jargon. – URL: <https://www.independent.co.uk/voices/brexit-hard-soft-boris-johnson-the-resa-may-article-50-brexchosis-a8221566.html>

4. Dictionary releases its most Brexity words of the year – URL: <https://www.theneweuropean.co.uk/top-stories/collins-brexicon-brexit-words-1-6361575>

5. Jäger, S. Diskurs und Wissen. Theoretische und methodische Aspekte einer Kritischen Diskurs- und Dispositivanalyse. Budrich, 2001

6. Garcia-Blanco, I. A victory of the nation state: the EU Referendum in the Southern European press. The Center for the Study of Journalism, Culture and Society, 2016. – URL: <http://www.referendumanalysis.eu/>

7. Gyssels A. Die Berichterstattung der Frankfurter Allgemeinen Zeitung und des Tages-Anzeigers zum Brexit und der EU. Ghent University, 2018. –89S.

Источники

1. «Дом дураков»: как пресса освещает очередное поражение Джонсона в вопросе Брексита (The Guardian, Великобритания) <https://inosmi.ru/economic/20191020/246066325.html>

2. Carnegie Center: (Россия): два Бориса и Вацлав. Может ли Британия повторить судьбу СССР и Чехословакии

3. Cumhuriyet (Турция): Европа и мир после Брексита <https://inosmi.ru/politic/20191128/246323934.html>

4. Семь ответов по поводу выборов: близится ли конец Соединенного Королевства? (Frankfurter Allgemeine Zeitung, Германия) <https://inosmi.ru/economic/20191215/246441384.html>

5. Fox News (США): результаты Брексита и импичмента очень хороши для Путина <https://inosmi.ru/politic/20200204/246760619.html>

6. <https://inosmi.ru/politic/20190904/245767061.html>

7. <https://inosmi.ru/politic/20200204/246762773.html>

8. Le Point (Франция): мир в 2030 году — конец Европы? <https://inosmi.ru/politic/20200118/246646566.html>

9. The Guardian (Великобритания): жители Нориджа провели антирасистскую акцию протеста после появления листовок «С Днем Брексита!»

10. The Times (Великобритания): Брексит — не освобождение, а своекорыстная фантазия <https://inosmi.ru/politic/20200131/246744967.html>

11. Wiener Zeitung (Австрия): настоящей любви никогда не было <https://inosmi.ru/politic/20200203/246755217.html>

12. Британские избиратели сказали решительное «нет» Евросоюзу (inosmi.ru) <https://inosmi.ru/politic/20191213/246440209.html>

13. Выборы в Великобритании: Джонсон одержал решительную победу (Gazeta Wyborcza, Польша) <https://inosmi.ru/politic/20191213/246435513.html>

14. Дуглас Мюррей: Великобританию ждет невероятно прекрасное будущее (Le Figaro, Франция) <https://inosmi.ru/politic/20200203/246757125.html>

15. Русская Германия (Германия): Британия выходит из Европы <https://inosmi.ru/politic/20191220/246481630.html>

16. УНІАН (Украина): Палата общин парламента Британии одобрила соглашение о Брексите <https://inosmi.ru/politic/20200110/246581939.html>

Марсов Д.А.,
Матвеев М.А.,
Невинович В.А.

Российский Государственный Социальный Университет

[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11319](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11319)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЭРГОНИМОВ НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ПО МАРКЕТИНГУ

Marsov D.A.,
Matveev M.A.,
Nevirovich V.A.
Russian State Social University

FEATURES OF TRANSFER OF ERGONYMS ON THE MATERIAL OF ARTICLES ON MARKETING

Аннотация

В настоящее время можно наблюдать как каждая организация старается выделиться среди своих конкурентов с помощью различных необычных эргонимов. Большинство эргонимов относятся к продуктам вторичной номинации, применяя элементы известных брендов. Однако при их переводе высока вероятность потерять изначальный смысл, в связи с этим существует несколько способов перевода эргонимов, которые рассмотрены в этой статье.

Abstract

At present, you can observe that each organization tried to stand out among its competitors using numerous untypical ergonyms. Most ergonyms are products of the secondary nomination, using elements of world-wide famous brands. However, during in translating there is a high probability to lose their original meaning, therefore there are several ways to translate ergoymns, which are discussed in this article.

Ключевые слова: эргонимы, переводчик, маркетинг, бренд, влияние на потребителя.

Key words: ergonyms, translator, marketing, brand, consumer impact.

Введение

Эргонимы представляют собой названия деловых объединений людей, например, союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [1, с. 128]. В большинстве случаев эргонимы представляют собой пласт лексики, которая, с одной стороны, нам хорошо знакома, а с другой - является новой формой слова с дополненной семантикой и экспрессивностью, чтобы завоевать внимание аудитории

Выделяют несколько функций эргонимов. Номинативно-выделительная (назывная) функция подразумевает, что любое деловое объединение людей предполагает подбор собственного имени, чтобы выделиться среди аналогичных заведений. Информативная функция предполагает, что эргонимы несут в себе определенную информацию: информируют о специфике объекта, либо косвенно указывают на основного клиента, обозначают сам объект продажи или услуг, отражают место производства товара. Также эргонимы выполняют рекламную функцию, ведь по большей части эргонимы являются рекламными именами, которые принадлежат внутригородским объектам, нацеленных на реализацию товаров и услуг. Эстетическая функция заключается в том, что эргонимы делают названия организации не только уникальным, но и способными вызывать положительные эмоции, ассоциации у людей. Мемориальная функция предполагает, что в названиях отражается основатель организации, исторические личности, художественные фильмы и т.д. И последняя функция – это

функция охраны собственности. Возникновение большого количества частных компаний привело к возникновению данной функции [3, с. 106]. В современном мире названия организаций находятся под охраной определенных законов (закон о товарных знаках, о наименовании географических объектов).

Из наиболее ярких примеров можно привести американскую корпорацию McDonald`s. Составляющие данного бренда нашли отражение в названиях некоторых российских закусовых, например, в Краснодаре номинаторы заменили литеру «ш» на латинскую графему «W» и получили в итоге Ваурдональд`s, Ваурма, ВаWперекуS. Также еще один эргоним – МакДав – является вторичным по отношению к дополнительной системе McDonald`s – «МакАвто». Также частью символики бренда McDonald`s является красно-желтая цветовая гамма, чем создатели перечисленных эргонимов в том числе воспользовались [4, с. 301]. В иностранных статьях по маркетингу упоминается небольшой город Гарделеген, в районе Магдебурга, где пивоваренный завод называется Гарли-Брэу: первый элемент Garley / ' ga: rlai / в честь Средневекового правителя Гарделегена Гарли. В этом случае название места в качестве первого элемента в последствии имеет эффект установки сцены и категоризации [5, с. 25].

Если говорить о переводе эргонимов, то это представляет собой сложную лингвистическую проблему. Это связано как с объективными причи-

нами (особенности эргонимов как имен собственных, их внутренние свойства как словесных знаков), так и субъективными (относится к языковым посредникам – переводчикам). При осуществлении межкультурных языковых контактов важную роль играют способы передачи лексических единиц при переводе — операции, которые помогают переводчику «адаптировать» исходную лексику к условиям иной языковой среды. В каждом конкретном случае выбор способа передачи названий организаций при переводе зависит от ряда факторов.

Метод трансплантации сегодня активно используется для перевода эргонимов в маркетинге. Он заключается в переносе лексической единицы без каких-либо изменений из текста оригинала в текст перевода. Но так как снижает уровень доступности текста, то его лучше использовать в комплексе с экспликацией, что позволит реципиенту понять сферу деятельности организации/компании/движения. Также в настоящее время набирает популярность такой метод как транскрибирование [2, с. 19]. Благодаря этому методу обеспечивается максимально допустимое фонетическое приближение к оригинальной форме. Это позволяет ввести единицу в текст перевода с максимально допустимым фонетическим приближением к ее оригинальной фонетической форме, а также помогает переводчику преодолеть трудности передачи смыслового содержания переводимой единицы и ее колорита.

УДК:1751

Заключение

Таким образом, возникающие тенденции не только влияют на языковую и речевую культуру, но и формируют когнитивные структуры личности. При переводе эргонимов все особенности должны быть приняты во внимание. Практические решения о передаче названий организаций в значительной степени зависят от конкретной задачи, с которой сталкиваются участники при взаимодействии между языками. В каждом случае переводчик должен создать новую стратегию перевода.

Список литературы

1. Вацковская И.С. Особенности передачи эргонимов при переводе медиатекстов. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена., 2016. - 17-21 с.
2. Кондратова А.В. Функции эргонимов в аспекте их классифицирующей характеристики. - 9 изд. Филологические науки. Вопросы теории и практики., 2018. - 105-108 с.
3. Крыжановская В.А. Логотип бренда в основе прецедентного эргонима. - 1 изд. экология языка и коммуникативная практика, 2016. - 299-304 с.
4. Тортунова И.А. Эргоним как результат речетворчества. - 3 изд. Филология., 2012. - 124-135 с.
5. Angelika Bergien Cultural and regional connotations of company names in local contexts // Names in the Economy III. 2009. [Электронный ресурс]: http://www.meertens.knaw.nl/nite/images/pdf/program_and_abstracts.pdf

*Оздоева Э.Г.,
Полонкоева А.А.*

Ингушский Государственный Университет

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ КРОВНОЕ РОДСТВО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ВЕДЗИЖЕВА

*Ozdоеva E.G.,
Polonkoeva A.A.
Ingush State University*

TERMS DENOTING BLOOD RELATIONSHIP IN THE WORKS OF A. VEDZIZHEV

Аннотация.

В данной статье выносятся на исследование термины кровного родства в произведениях ингушского писателя А. Ведзижева. Актуальность данной темы обусловлена наличием достаточного количества нерассмотренных вопросов, касающихся данной темы.

Abstract.

This article presents the terms of blood relationship in the works of the Ingush writer A. Vedzizhev for research. The relevance of this topic is due to the presence of a sufficient number of outstanding issues related to this topic.

Ключевые слова: термины родства, ингушский язык, простые и составные термины, составные и описательные термины, вокативные и референтивные термины.

Key words: kinship terms, Ingush language, simple and compound terms, compound and descriptive terms, vocative and referential terms.

Термины родства являлись объектом исследования многих лингвистов.

«Термин – слово или сочетание слов, точно обозначающее определенное понятие, применяемое в науке, технике, искусстве. Особенностью термина является ее направленность на специальное понятие и закрепленность за определенной терминосистемой» [3, с.401].

Одним из видов терминов являются термины родства. Термины родства выражают действительные отношения между родственниками, что позволяет определить положение индивида среди общества. «Термины кровного и некровного родства изучаются с точки зрения их структуры, значения и особенностей употребления» [6, с.121]. Термины родства имеют различную структуру. Эта структура подробно представлена в работе «Система родства китайцев. Эволюция и закономерности» М.В. Крюкова. Он разделяет термины родства на:

- простые термины, т.е. «представляющие собой самостоятельные слова, неразложимые на отдельные компоненты»;

- составные термины, образованные из простого термина, детерминированного другой лексической единицей;

- описательные термины, являющиеся «комбинацией двух или более элементарных терминов родства, связанными атрибутивными отношениями» [4].

По мнению многих ученых термины родства делятся на два вида: термины обращения (вокативные) и термины обозначения (референтивные). Дж. Мердок считает, что термины обращения используются в беседе с родственниками, а термины обозначения для названия того же родственника в беседе с третьим лицом [5].

Объектом изучения данной статьи являются термины кровного родства ингушей в произведениях А.Веджижева. Основной задачей исследования является количественный анализ использования различных видов терминов в обозначенных произведениях. В число терминов кровного родства входят такие как: *да*, *нана*, *воша*, *йиша*, *дезал*, *бер*, *даьда*, *наьнада*, *даьнана*, *наьна наьна* и т.д.

Как отмечалось выше, термины родства по своей структуре делятся на простые, сложные, составные, описательные. В исконную лексику родства входят только простые и сложные термины, а составные и описательные являются производными от них, возникшими ввиду отсутствия специального обозначения для этих терминов.

В хронологическом плане самыми древними по своему происхождению считаются следующие термины, обозначающие кровные родственные отношения: *да*, *нана*, *йиша*, *воша*, *йо1*, *во1*. Например, «*Сибарегла вахьйтатар Сибе да Петр Зимин*» [1, с.21]; «*Нана раьза яцар клаьнкага ца дешийташ*» [1, с.47]; «*Баркал хьона, са йо1*» [1, с.171]; «*Са да вацар, воша вацар*» [1, с.274]. От этих терминов путем добавления других терминов образуются производные термины родства: *даьнана*, *наьна воша*, *веший йо1*, *даь воша*. Например, «*Юсана наьна воша Хьаклаьш цхьаккха дича колхозе даязвала*

раьза вацар» [1, с.127]; «*Цунгара из Йона а даь наьна вежсараша а оал йиший во1ах* «*Зламига Маккхалон*»» [1, с.304]; «*Даь нана яр, бакьда из шийга хьажжа а ца могаши, кьаьна яр*» [1, с.20].

Большинство терминов родства являются сложными словами, а наименьшую группу составляют однокорневые термины родства. На основе ядерных терминов при добавлении определенных компонентов образуются различные термины родства. Например, при помощи компонента *даь* можно образовать следующие термины родства: *даь сесаг*, *даьна ваь воша*, *даьна яь йиша*, *даьна ваь во1* и т.д. Например, «*Сийсара даь сесагаца хинна кьамьл дага а деха, х1анз цун уйла еш уулар*» [1, с.267]; «*Ишита ца хилча, ший даьна ваьча во1о мишита оал маьре яхача йишех урдув даккха де-зац?*» [1, с.109].

Термины родства могут употребляться в обозначении чужих людей, не являющихся кровными родственниками тому или иному человеку. Например, термины *да* и *нана* могут употребляться в отношении лиц, не являющихся настоящими родителями индивида. Обычно так называют человека, старшего по возрасту, который проявляет определенную заботу об индивиде. Например, «*Шо-м сай бокьонца дола да-нана санна дар сона*» – *аьлар Римас*» (пример автора статьи – А.П.). Эти же термины родства могут употребляться в значении любых родителей, имеющих детей. Например, «*Ло-аман наьха дезала бехтокхаме да ма лоархлий, т1аккха Хамарза ма вий, из мичча беса вале а, ший дезала да*» [1, с.36]; «*Цкьаза йолча хана цу хабарех Iexa а лийя, нана йолча сагага маьре г1оргьяц аьле, дагахь ч1оаг1о йора цо зламига йолаш*» [1, с.90].

Ядерные термины *во1* и *йо1* употребляются не только в отношении собственных детей индивида, но и к другому человеку, младшему по возрасту, к которому индивид проявляет особое внимание или вежливое отношение. Например, «*Баркал хилда хьона, йо1*», – *аьлар йоккхача саго, шийна т1ормиг д1ахьо новкьостал даьча йо1ага*»; «*Во1улг, ну1 хьаелла*», – *аьлар ма1саго хьоалчаг1а венача зламигача клаьнкага*» (примеры автора статьи – А.П.).

Термины родства *воша* и *йиша* употребляются также в отношении чужих, но являющихся ровесниками людей. Такое обращение несет в себе семантику просьбы, доброжелательности индивида по отношению к обращающемуся. Например, «*Х1анзчул т1ехьаг1а ши воша ва вай ший*» [1, с.243]; «*Са йиша, сагот ма де*» – *йоахар шийца цхьан деша яг1ача йишугага Мадинас*» (пример автора статьи – А.П.).

Компоненты *воти* и *даьци*, которые используются в обозначении кровных родственников, могут употребляться и в отношении чужих людей для индивида, но являющихся старшими по возрасту. Данное обращение несет в себе значение проявления вежливости, уважения индивидом по отношению к обращающемуся. Например, «*Ди дика хилда хьа, воти Iаббас, -моаршал хьаттар цо ше ца гуш санна ваг1ача Iаббасага*» [1, с.210]; «*Ой, даьци, -марх1аеллар цо йоккха саг, -хьона-м массаза кора а доаг1а сага тоам бергбола х1ама...*» [1, с.69].

Термин родства *бер* употребляется как в отношении биологического ребенка индивида, так и в отношении любого другого ребенка. Например, «Из цхьа во1 мара, кхы *бер* ца хилча мишта дацар из хала Хьабийба» [1, с.26]; «Галгай берел вогла ца бувцаиш мотт Юмабир дерригача бераиша» [1, с.21].

«Анализ смысловой структуры терминов родства показал, что ингушские термины являются относительно немногочисленными» [5, с. 106].

Таким образом, мы выяснили какие термины кровного родства существуют в ингушском языке, выявили производные от них и обозначили их значения. Анализ практического материала показал, что чаще всего в художественных произведениях А.Веджижева используются исконные термины кровного родства. В количественном отношении равно используются вокативные и референтивные термины родства.

Список литературы

1. Веджижев А.А. Лоамашка дарз. – Грозный, 1986. – 334 с.
2. Виноградов В.В. Вопросы терминологии. – М., 1961.
3. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд.: ООО «Пилигрим». – Назрань, 2010. – 488 с.
4. Крюков М.В. Система родства китайцев. Эволюция и закономерности. – М., 1972.
5. Мердок Дж.П. Социальная структура. – Нью-Йорк, 1960.
6. Оздоева Э.Г. Лексика родства в ингушском языке. – Назрань, 2012.
7. Оздоева Э.Г. Генезис терминов, обозначающих некровное родство в ингушском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч.2. – С. 120-122.

Khaydarova Umida Pulatovna

Tashkent State University of Law, Tashkent, Uzbekistan

CRIME STORIES AS CAUTIONARY TALES

Хайдарова Умида Пулатовна

*Ташкентский государственный юридический университет,
Ташкент, Узбекистан*

КРИМИНАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ КАК ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Abstract:

This article explores crime fiction within a world literature framework. It argues that the study of national traditions can blind us to the dialogue across borders and languages between texts and authors. It proposes a reading practice that aims to develop a more nuanced understanding of this truly global genre. Many of the finest works of detective fiction, especially in the mid of XXI centuries, were works of Scott Turow. Turow relies heavily on metaphorical language to define his characters. Typically, he draws on his own firsthand experiences of the courtroom, of police procedures, and of political maneuvering and corruption to create realistic and gripping characters and scenes. He tends to return to several compelling themes: the technical and moral intricacies of legal practice, the elusive quality of truth and how well truth can be revealed by the legal process, and the notions that anyone can be corrupted and that everyone has at least one dark secret. Heroes can be quite flawed, and even villains act because of understandable human motives. These ideas are central to all of Turow's fiction, although each work takes a different approach to exploring these themes. Moreover, the article shows how Turow's later novels introduce a greater range of characters, examine these characters' failures in greater depth, and address more convoluted aspects of courtroom tactics, crime, and criminal behavior. Each book features a corpse, but the mystery of "whodunit" has increasingly become secondary to Turow's delight in legal maneuvering and his concerns with larger questions of character.

Аннотация:

В данной статье рассматривается криминальная фантастика в рамках мировой литературы. В статье утверждается, что изучение национальных традиций может ослепить нас через границы и языки от диалога между текстами и авторами. Он предлагает практику чтения, которая направлена на развитие более тонкого понимания этого поистине глобального жанра. Многие из лучших произведений детективной фантастики, особенно в середине XXI века, были произведениями Скотта Туроу. Туроу сильно полагается на метафорический язык для определения своих персонажей. Как правило, он опирается на свой собственный непосредственный опыт работы в зале суда, судебных процессов, политических маневров и коррупции, чтобы создать реалистичные и захватывающие персонажи и сцены. Он склонен возвращаться к нескольким убедительным темам: технические и моральные тонкости юридической практики, неуловимое качество истины и то, насколько хорошо истина может быть раскрыта юридическим процессом, а также представления о том, что любой человек может быть развращен и что у каждого есть по крайней мере одна темная тайна. Герои могут быть совершенно ущербными, и даже злодеи действуют из понятных человеческих побуждений. Эти идеи занимают центральное место во всей художественной литературе Туроу, хотя в каждой работе используется свой подход к изучению

этих тем. Кроме того, в статье показано, как поздние романы Туроу вводят более широкий круг персонажей, более глубоко исследуют неудачи этих персонажей и обращаются к более запутанным аспектам тактики судебного заседания, преступности и преступного поведения. В каждой книге есть труп, но тайна "whodunit" все больше становится второстепенной по сравнению с восторгом Туроу от юридических маневров и его озабоченностью более крупными вопросами характера.

Key words: Scott Turow, crime fiction, DNA examination, law, Presumed Innocent, Reversible Errors, legal practice, struggle, lawyer, judge, riddle, genuineness

Ключевые слова: Скотт Туроу, криминальная литература, экспертиза ДНК, закон, презумпция невиновности, обратимые ошибки, юридическая практика, борьба, адвокат, судья, загадка, подлинность

The general critical consensus is that the detective story begins with Edgar Allan Poe, the 'father' of the detective genre. Crime fiction, however, of which Poe's detective stories form a subset, has a much earlier provenance, and in order to understand contemporary attitudes to crime, and to narratives of crime, it is necessary to outline the origins of the genre. Dorothy L. Sayers, author of a series of novels featuring the much imitated, and frequently parodied, Lord Peter Wimsey, in her 1928 introduction to *Great Short Stories of Detection, Mystery, and Horror*, published in 1929 in the United States as the first Omnibus of Crime, identifies four stories as early ancestors of the genre: two Old Testament stories, dating from the fourth to the first century BC, from the book of Daniel, one story from Herodotus, dating from the fifth century BC, and one story drawn from the Hercules myths.

The violent and bloody spectacle of public execution, as a form of revenge in which the sovereign restores order and stability, also served as a warning, and similar warnings were an integral part of the broadsheet accounts of the crimes and punishments of major criminals which were common throughout the eighteenth century. The Newgate Calendar stories were the most common of these, and although the title was frequently used, drawing on the image of Newgate prison in the popular imagination, the first large collection of these cautionary tales gathered together under the title appeared in 1773. These stories, and stories like them, were cautionary tales in which the perpetrator of a criminal deed is captured, tried, and a chronology of crime 13 punished. Such collections were a response to the popular demand for bloody and shocking accounts of violent crime that spawned the tragedies of revenge in the seventeenth century, and they paralleled a similar demand in France, and elsewhere (Mandel 1984: 6). Like the tragedies of revenge, in which the revenger was executed, or anticipated their inevitable fate by committing suicide, the execution of the villain was an integral part of the popular accounts of the eighteenth century. As Knight observes, the warnings these stories provided were intended as a way of maintaining social order and personal security under threat from rising crime rates (Knight 1980: 10–13), but what is significant, as Knight further observes, is the reliance on pure chance to apprehend the criminal in these stories, rather than on detection and organized police work.

In the twenty-one years between the publication of *The Moonstone* and Conan Doyle's *A Study in Scarlet* (1887), which was clearly influenced by Collins's novel, the pattern of the detective novel in English had begun to form. The first detective novel by a woman

was Anna K. Green's *The Leavenworth Case* (1878), which developed the figure of the private detective established by another American, Edgar Allan Poe. Fergus Hume's *Mystery of a Hansom Cab* (1886) was enormously successful, and it was the popularity of the detective novel that prompted Arthur Conan Doyle (from 1903, *Sir Arthur Conan Doyle*), an unsuccessful doctor writing freelance to earn more money, to turn to the detective story in search of increased sales. The result was *A Study in Scarlet* (1887), whose split structure, consisting of Holmes's investigations in the present, and an adventure story set in Utah which forms the back story to these investigations, owes a clear debt to the novels of Gaboriau. While not an enormous success, it did sufficiently well for Doyle to be commissioned to write another book for *Lippincott's Magazine* in America. *The Sign of the Four* (in England, *The Sign of Four*, which has since become the accepted title) was published in 1890, and its treasure theme and Indian sub-plot are ample evidence of Doyle's debt to *The Moonstone*.

Sherlock Holmes's nineteenth-century scientific approach has been reinvented for the twenty-first century in the figure of 'Gruesome' Gil Grissom in the television series *C.S.I.: Crime Scene Investigation*. Computers and technology in *C.S.I.* allow for the development of Holmes's nineteenth-century science of the accumulation and cataloguing of data to an exponential degree, with national computer databases of fingerprints, DNA, tyre- and shoe-treads, chemicals, ballistics, and more. *C.S.I.*'s use of extreme close ups and microscopic images, furthermore, echoes the attention to small details that is fundamental to mystery and detective fiction. It is Holmes's belief, as he expresses it in 'A Case of Identity', 'that the little things are infinitely the most important' (Doyle 1981: 194), and Doyle's stories, like *C.S.I.*, portray a material world of physical data. The Las Vegas setting of *C.S.I.* is crucial, for this reason, in relation to the overriding structural and thematic importance of materiality from Doyle, through the Golden Age, right up to contemporary manifestations of mystery and detective fiction. Las Vegas is the epitome of materialism. It is a gambling city, founded on the lure of easy money, and, in order to underline this, every episode of *C.S.I.* opens with an overhead shot of the city as a vast neon playground, and many of the crimes that the crime lab investigate have their motivation, like many of Christie's novels, in greed.

The end of the Cold War in 1989 did not put an end to the spy thriller, but rather, as Priestman notes, it gave rise to variations on the spy thriller that exploited

its after-effects, such as 'small-state nationalism' and arms dealing (Priestman 1998: 48). In some ways, however, the legal thriller is a development of the spy thriller, and represents a shift from political and military espionage to corporate espionage. As Nick Heffernan notes, 'legal expertise [is] overwhelmingly dedicated to the protection and extension of corporate power' (Heffernan 1997: 191), and in the legal thriller proficiency and professionalism in espionage are replaced with legal professionalism, which represents a socially acceptable and palatable legal alternative to the modes of professionalism characteristic of the gangster thriller. However, the paranoid reading that the conspiratorial world of the anti-conspiracy thriller promotes irrevocably yokes the two modes of professionalism together, as, for example, in John Grisham's *The Firm* (1991), in which Mitch McDeere, the lawyer hero, discovers that the law firm for which he works is, in fact, a money-laundering outfit owned by the Mafia.

The paranoid suspicion that any one of us might be hand in glove with the devil, and not know it, is made manifest in *The Firm* in the notion of a Mafia-owned law firm. In the film *The Devil's Advocate* (1997), another legal thriller, albeit a supernatural one, this is literally the case, as the young lawyer discovers that his employer, as with Johnny Angel's employer in *Angel Heart*, is Satan himself. *The Firm*, however, articulates a far more secular kind of paranoia, and McDeere's discovery forces him to choose between complicity, and the privileged lifestyle that the job offers, and 'his responsibilities as a professional and a citizen' (Heffernan 1997: 193). He chooses professional and civic responsibility, of course, which leads to him making an agreement with the FBI in order to bring the firm down. Significantly, the agreement is made against the backdrop of the Washington Monument and the Vietnam Veterans Memorial, in this way linking McDeere's choice to 'the patriotic and martial ideas of honour, duty and sacrifice' (Heffernan 1997: 195), which in turn reinforces the legal thriller's direct lineage from the spy thriller with the end of the Cold War. Furthermore, that McDeere has been chosen for the task because he is identified by the FBI as 'self-reliant and independent' (Grisham 1991: 204–5), clearly identifies him as the direct heir of the hard-boiled hero, once more reinforcing the developmental links of crime fiction.

These developmental links reinforce the view of crime fiction as a repository of various themes, structures, and devices whose appropriation and re-appropriation over the history of the genre account for the broad diversity of crime fictions evident today. Historical crime fiction, in particular, often wears its heart on its sleeve in this respect, and clearly advertises its debt to the texts, characters, settings, plots, and devices that precede it, as the following chapter will demonstrate.

America's foremost legal-thriller writer Scott Turow puts his most renowned respondent back on preliminary... So Scott Turow draws the readers into *Innocent*, the continuation – over two decades really taking shape – to his raving success debut novel *Presumed Innocent*, the book that sold a large number of duplicates the world over and set off a surge of legitimate falcon thrill rides onto the market (it was distributed in

1987, one year before John Grisham's presentation *An Opportunity to Execute*). Last time around, 39-year-old examiner Rusty Sabich was standing preliminary for the homicide of his associate and lover Carolyn. Today, at 60, he is a judge representing the incomparable court and back with his significant other, the troublesome, bipolar Barbara. In any case, in spite of his prosperity, joy evades Rusty; he has not "become an adult mollified". Attempting to place what's up, he is brought into an undertaking with Anna, a law representative 30 years his lesser, however the keep going time he undermined his significant other he wound up on preliminary for homicide. "How, my heart yells, how might I do this once more? In what manner can any individual commit some other time a similar error that everything except destroyed his life?" Rusty inquires. "In any case, the appropriate response is consistently the equivalent: Since what has lain among at that point and now – on the grounds that that time isn't completely meriting being called living." Poor Rusty: after eighteen months, he's back in the respondent's seat, this time blamed for harming his better half. In the wake of awakening with her body adjacent to him, he'd held up a day prior to revealing her passing, and a progression of revelations powers Tommy Molto – the examiner who neglected to nail the fault for Carolyn's homicide to Rusty 20 years back, and who has attempted to rise up out of that cloud from that point onward – to put him on preliminary once more. Here we see again the whip-sharp court trades that Turow exceeds expectations at, the wind and counter-curve and the very late disclosure that flips everything completely around. We likewise observe the arrival of old companions from *Presumed Innocent*: Rusty's resistance legal advisor, the virtuosic, uncertain Sandy Harsh, presently biting the dust from malignancy, Rusty's child Nat, a perfect, agonizing 28-year-old, and Molto himself. Forceful and over-excited two decades back, he is mellowed with age, a youthful spouse and another child. Turow's choice to recount to this story from numerous points of view – Nat's, Tommy's, Anna's, Rusty's – as opposed to having Rusty describe, as he did in *Presumed Innocent*, makes the reader warm to Rusty's old foe. *Innocent* opens on Sabich sitting next to Barbara's cadaver. She appears to have kicked the bucket normally in her rest. So for what reason did he hold up 24 hours before calling anybody? The course of events is so convoluted, it's indicated graphically at the highest point of every part: a flawless gadget that feels more like a civility than a need. Readers will be too held to see they are lost.

The years that have gone since Rusty was keep going on preliminary have given examiners DNA examination, moment unique mark matches, email and PC searches to bring to the table. Turow, himself an accomplice in a law office, adds them coolly to his arms stockpile to create a novel that slices through to the core of the untrustworthiness of the legitimate framework and its experts. So truly, it's poor Rusty Sabich, yet it's fortunate, fortunate readers. The productive Grisham may do it all the more regularly, yet Turow improves.

Since *Presumed Innocent* in 1987, Scott Turow has kept on delivering astute, attentive books set among the legal counselors of the anecdotal Kindle County.

These books have pushed at the requirements of the class. Ordinary Heroes, his most recent book, impacts it fully open. A legal counselor is as yet a huge character, yet this time, he's pitched into the detestations of the Second World War. David Dubin, an associate judge advocate, is from the start an onlooker, at that point a hesitant soldier, at that point a warrior. His record of his wartime encounters is surrounded by his child Stewart's examination of the story. Stewart is confounded by the way that his 'indefatigably appropriate' father not just appeared to have had a more gutsy war than he at any point conceded however had likewise been court-martialed in its withering days. Part-mystery, part-thriller, this is a quietly powerful piece of fiction.

Turow depicts himself as "hypochondriac," headed to prevail by frailties that started in youth. Regardless of his achievements, he appears to share the assumptions that his better half, Annette, communicated in a 1990 magazine meet, that his astounding achievement "is all questionable . . . not to be trusted." To be sure, in any event, when Turow turned into a magnate after the production of *Presumed Innocent*, the couple did not move from the four-room house they had purchased when Turow was a \$60,000-per-year open investigator.

This equivalent driven quality and doubt of progress is extremely unmistakable both in Turow's proceeded with quest for requesting double professions as legal advisor and smash hit writer and in his compositions. Without a doubt, *One L* is declaration to Turow's drive and desire. Not content just to endure the primary year of Harvard Law School, Turow assumed the extra occupation of expounding on it—and himself. His self-made persona in his graduate school journal isn't not normal for first-year law understudies all over the place, however his expertise at passing on apprehension about aspiration and moral issues is special. Turow's *One L* contemplations about institutional weaknesses and the ruining idea of desire are reverberated later in Rusty Sabich's considerations on legislative issues and the examiner's office in *Presumed Innocent* and in Sandy Stern's appearance on his fruitful brother by marriage propensity for debasement in *Burden of Proof*.

The Laws of Our Fathers includes a preliminary like that of *Presumed Innocent* wherein truth assumes a lower priority in relation to lawful wrangling and the quiet contending motivation of members. *Personal Injuries* contends that corruptibility can coincide with amiability, and even with excellent individual conduct. *Reversible Errors* shows how the eager quest for one's expert obligations can prompt a premature delivery of equity.

Although all of Turow's works, even *One L*, are fraught with mystery, it is his fictional heroes' moral dilemmas and especially the competing demands of family and the law that make his books so memorable. For his anecdotal heroes, one dilemma always involves the competing demands of family and the law. In part, competition between home and court derives from the demands of a legal career. Rusty Sabich's wife, Bar-

bara, is alienated and bitter, not only about her husband's affair with a coworker but also about his single-minded loyalty to his boss and to his job. Clara Stern is undone by the benign neglect with which she is treated while her litigator husband is developing his practice. In *Pleading Guilty*, Mack Malloy's home life is a disaster, as are the marriages of the characters in *The Laws of Our Fathers*. The lawyers and court officers in *Personal Injuries* and *Reversible Errors* all suffer from misshapen domestic lives. These domestic-versus-professional quandaries that the legal protagonists confront—forcing them to choose between their obligation as officers of the court and their responsibilities toward their families or even themselves—lend Turow's novels their resonance.

By method for clarifying his wonderful notoriety, Turow has brought up that the duality that describes his books additionally portrays American culture in the mid twenty-first century. The court has supplanted the congregation as the discussion for managing the incredible sociological and philosophical issues of the day, for example, premature birthrights and surrogate parenthood. Enormous corporate firms have covered individual legal advisor customer connections and individual trustworthiness under the heaviness of institutional methodology and the efficiencies of specialization. Simultaneously, Americans are careful about legal advisors, who, with their insight into "the enchantment and sacrosanct words," have built up the capacity to justify the shameless. Such information, in the hands of reluctant and upright...

Scott Turow's seventh novel, *Reversible Errors*, shows why he remains head-and-shoulders above others in the lawful spine chiller class he made with his 1987 blockbuster *Presumed Innocent*. Lawyers had figured in mystery fiction for years before then. But - Perry Mason and one or two others aside - mostly they were peripheral characters, the butt of jokes, their moral integrity set at the level of politicians and journalists.

Turow's prosperity sired John Grisham, whose first novel, *A Time To Kill*, came out in 1989, and suddenly you couldn't move on the bestseller lists for lawyer-turned-writer creations presenting heroic attorneys in all sorts of courtroom dramas.

Grisham is a phenomenal storyteller however Turow, who despite everything specializes in legal matters in Chicago, remains the one to beat. Maybe this is on the grounds that he's taken more consideration with his books. He decides to distribute just at regular intervals instead of moving on board the one-a-year transport line even Grisham, effective as he seems to be, rides.

Reversible Errors shows where Turow's inclinations lie. He helps readers to remember the late, great George V Higgins who, in books, for example, *The Friends of Eddie Coyle*, wrote compassionately about minor crooks and losers. Turow is interested not in the Hollywood heroism of hotshot lawyers, but in the day-to-day bravery of 'ordinary' people.

As one character in *Reversible Errors*, considering his dad's life, says: 'Individuals don't ponder the valor of standard lives. You know, of people who are simply

expected to be ordinary. In any case, the more established he got... the more I perceived how gallant my dad was.'

That character, Arthur Raven, is the hero of *Reversible Errors*. He's plain, paunchy and dull, moderately aged before his time, a man who wishes he were attractive and longs to shine. He's a triumph as a corporate legal counselor not on the grounds that he's splendid but since of hounded constancy.

That diligence is tried when he hesitantly takes on a criminal case - the intrigue of a death row detainee, triple killer Rommy 'Squirrel' Gandolph, against his pending execution. Raven's examination concerning Gandolph's case that he didn't submit the 10-year-old killings carries him into struggle with an imposing indicting lawyer, Muriel Wynn, and with police analyst Larry Starczek. Wynn, with Starczek's assistance, made her name with her fruitful indictment of the first case.

Raven's improbable - and from the outset reluctant - partner is Gillian Sullivan, the judge who attempted the case yet not long after went wrong when she was imprisoned for defilement.

The epic is, as much as anything, two romantic tales - a developing connection among Raven and Sullivan and the resonations of an old issue among Wynn and Starczek. Be that as it may, don't think the attention on these connections eases back the secret story one scribble: *Reversible Mistakes* is a novel with enough turns to make it a delightful riddle. It additionally has some substantial and sensational court duels.

Its extraordinary quality, nonetheless, is that it's established in this bundle of totally authentic characters. Indeed, even minor characters are drawn with care. There are various little contacts that give them genuineness -, for example, an old-stager cop who had griped when cooling was first presented in squad cars since it was at that point sufficiently troublesome to get a few hoodlums out of the vehicle.

As with Turow's other novels, this is set in the fictional Kindle County, in a community inhabited by small-time crooks, compromised cops, ambitious law-

yers and people just struggling to get by. Turow describes the petty corruptions of most of his characters matter-of-factly, but he is not particularly cynical.

He portrays individuals crossing the separation from great to awful by passing slips, some brief instant loss of control that changes their lives until the end of time. He sees the plausibility of a reclamation for even the blackest heart.

Reversible Errors is an astute outline of the communication among law and life, an altruistic assessment of imperfect individuals and an immersing secret.

References

1. Mandel, Ernst (1984) *Delightful Murder: A Social History of the Crime Story*, London, Pluto Press.
2. Knight, Stephen (2004) *Crime Fiction 1800–2000: Detection, Death, Diversity*, Basingstoke, Palgrave Macmillan.
3. Doyle, Arthur Conan, *The Penguin Complete Sherlock Holmes*, Harmondsworth, Penguin, 1981.
4. Martin Priestman, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 135–53. Hargreaves, Tracy (2001) Donna Tartt's *The Secret History*, New York and London, Continuum.
5. Heffernan, Nick (1997) 'Law Crimes: The Legal Fictions of John Grisham and Scott Turow', in *Criminal Proceedings: The Contemporary American Crime Novel*, ed. Peter Messent, London, Pluto Press, pp. 187–213.
6. Grisham, John, *The Client* (1994), London, Arrow, 1994.
7. Grisham, John, *The Firm* (1991), London, Arrow, 1991.
8. Bertens, Hans and D'haen, Theo (2001) *Contemporary American Crime Fiction*, Basingstoke, Palgrave Macmillan.
9. Browne, Ray B. and Kreiser, Lawrence A., Jr. (2000) *The Detective as Historian: History and Art in Historical Crime Fiction*, Bowling Green, OH, Bowling Green University Popular Press.
10. Hilfer, Tony (1990) *The Crime Novel: A Variant Genre*, Austin, University of Texas Press.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

УДК 159.9

Воронцова Екатерина Александровна,

магистр психологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет»

Институт педагогики, психологии и социальных технологий, Россия, г. Ижевск

Научный руководитель: Фефилов Антон Валерьевич, доцента, к.п.н.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Удмуртский государственный университет»

*Институт педагогики, психологии и социальных технологий
Россия, г. Ижевск*

ЛИЧНОСТЬ ВОДИТЕЛЯ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ekaterina Vorontsova,

master of psychology, Federal state budgetary educational institution of higher education "Udmurt state University»

Institute of pedagogy, psychology and social technologies, Izhevsk, Russia

Supervisor: Anton Fefilov, associate Professor, Ph. D.

Federal state budgetary educational institution of higher education "Udmurt state University»

*Institute of pedagogy, psychology and social technologies
Russia, Izhevsk*

DRIVER'S PERSONALITY AS A SUBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH IN RUSSIAN PSYCHOLOGY

Аннотация:

Деятельность водителя теснейшим образом связана с анализом информации применительно характера обстановки на дороге, поведения других участников дорожного движения, управлением транспортным средством, а также анализе возможностей развития ситуации на дороге.

Деятельность водителя также выражается в непосредственном выборе способов поведения на дороге, разрешения ситуаций на дороге, а также выполнении маневров.

В рамках анализа психологической структуры деятельности водителя, а также в процессе выделения психологических предпосылок дорожно-транспортных происшествий большое значение имеет анализ психологических факторов и специфических особенностей водителей. Немаловажное внимание уделяется также индивидуальным психологическим и психофизиологическим особенностям и характеристикам водителя.

Abstract:

The driver's activity is closely related to the analysis of information related to the nature of the situation on the road, the behavior of other road users, driving a vehicle, as well as the analysis of the possibilities of developing the situation on the road.

The driver's activity is also expressed in the direct choice of ways of behavior on the road, resolving situations on the road, as well as performing maneuvers.

As part of the analysis of the psychological structure of the driver's activity, as well as in the process of identifying the psychological prerequisites of road accidents, the analysis of psychological factors and specific features of drivers is of great importance. Important attention is also paid to individual psychological and psychophysiological features and characteristics of the driver.

Ключевые слова: *акцентуации характера, возбудимый тип акцентуаций характера, гипертимный тип акцентуаций характера, демонстративный тип акцентуаций характера, педантичный тип акцентуаций характера, сензитивный тип акцентуаций характера, аффективно-экзальтированный психотип, безопасность вождения, стиль вождения, психологические и психофизиологические особенности и характеристики водителя, специфических особенностей водителей, безопасное поведение на дороге.*

Keywords: *character accentuations, excitable type of character accentuations, hypertimal type of character accentuations, demonstrative type of character accentuations, pedantic type of character accentuations, sensitive type of character accentuation, affective-exalted psychotype, driving safety, driving style, psychological and psychophysiological features and characteristics of the driver, specific features of drivers, safe behavior on the road.*

Предваряя анализ особенностей личности водителя целесообразным является определение общих представлений относительно категории «личность» в психологии. В первую очередь отметим, что понятие «личность» в большей степени, чем понятия, используемые в психологии познавательных процессов, является гипотетическим конструктом. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что феномен личности как реально существующий более сомнителен по сравнению с явлениями, которые характеризуются как познавательные психические процессы. Это обуславливается тем, что всем познавательным процессам соответствует определенного рода продукт, по которым познавательные процессы могут быть подвергнуты оценке, тогда как личность никакого специфического «продукта» не имеет [13, с. 109].

Практически все познавательные процессы человека имеют определенную анатомо-физиологическую основу, существование которой подтверждает объективность самих познавательных психических процессов, тогда как личность не имеет определенной анатомо-физиологической основы (или эта основа в настоящее время все еще не известна). Когда психологи обращаются к анализу познавательных процессов, они достаточно четко разделяют ощущение, внимание, восприятие, мышление и речь. Иным образом происходит дело с личностью [2]. Во-первых, каждый ученый в понятие «личность» вкладывает свое содержание, причем такие авторские трактовки могут не пересекаться. Во-вторых, когда ученые говорят о свойствах и качествах личности, взаимное понимание психологов отсутствует. Эти свойства обозначаются посредством целого ряда различных понятий и почти никто из ученых не заботится о том, чтобы точно и однозначно определиться в содержании и объемах используемых понятий, не пытается соотнести собственные понятия друг с другом, а также установить соответствие с понятиями, которые используют другие ученые [12].

Знание структуры личности, несмотря на данные обстоятельства, возможно как в общен историческом аспекте, так и в контексте исследования различных аспектов данного теоретического конструкта. Воздействие природных и социальных факторов на процесс развития личности происходит через ее субъективность. Внутренняя структура личности и ее субъективный мир могут рассматриваться не как результат механического внедрения, не как результат внешних воздействий, но как итог внутренней работы самой личности, в процессе формирования и развития которой внешнее по отношению к личности перерабатывается, осваивается, а также используется в деятельности [13, с. 112].

Обеспечение приспособления человека к новым условиям жизнедеятельности, степень его устойчивости к внешним условиям и изменениям среды в значительной степени связаны с наличием определенного уровня активности и самостоятельности, а также способности его изменять условия среды.

Процесс личностного развития в этом контексте связан с процессами индивидуализации, которые предполагают наличие внутренней целостности системы, наряду с поддержанием активности, пластичности и автономности.

Для определения личностных особенностей человека используются несколько понятий. По мнению С.Л. Рубинштейна, важной характеристикой выступает его индивидуальность, то есть единичность, неповторимость человека в контексте его личностных особенностей и качеств [28, с. 93].

По мнению Б.Г. Ананьева, личность следует анализировать как вершину структуры свойств человека, тогда как его индивидуальность является глубиной личности человека как субъекта деятельности [1, с. 52].

Э.А. Голубева отмечает, что личностные особенности рассматриваются в контексте индивидуальности человека. Иными словами, личностные особенности характеризуют неповторимое своеобразие человека. В систему личностных особенностей ученым включаются как индивидуально-специфические особенности, которые неповторимы и характерны для отдельной личности, так и индивидуально-специфические особенности, которые относятся к характеру функционирования человека и предполагают уникальность отдельных свойств и качеств личности [8, с. 102].

Личностные особенности рассматриваются в контексте определения позиции человека в его жизни В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым. Отмечается, что личностные особенности предполагают рефлексию собственной жизни, а также наличие внутреннего диалога человека с самим собой и осознание собственного «Я» [28, с. 201].

Вождение в современной психологии рассматривается как многокомпонентная деятельность водителя автотранспортного средства, направленная на обеспечения движения автотранспортного средства с учетом его технических возможностей, соблюдения правил дорожного движения, интересов других участников дорожного движения, а также обеспечении правильного местоположения автотранспортного средства на дороге и заданного маршрута движения [14, с. 11].

Деятельность водителя теснейшим образом связана с анализом информации применительно характера обстановки на дороге, поведения других участников дорожного движения, управлением транспортным средством, а также анализе возможностей развития ситуации на дороге. Деятельность водителя выражается в выборе способов поведения на дороге, разрешения ситуаций на дороге, а также выполнении маневров.

Характеризуя личность водителя, можно выделить ряд характерных особенностей его как субъекта деятельности.

1. Особенности поведения водителя на дороге. Данная характеристика предполагает наличие индивидуального стиля выполнения маневров. А также личностные особенности анализа и учета изменений ситуации на дороге. На поведения водителя на дороге существенное влияние оказывают

такие личностные особенности и характеристики, как склонность к риску, дисциплинированность, агрессивность, целенаправленность поведения и ответственность [43, с. 416].

2. Способы и средства осуществления водительской деятельности. В данную группу особенностей водителя как субъекта деятельности относятся способы получения и обработки информации [11], на основании которой принимается решение о поведении в конкретных условиях. Помимо способов анализа и информации на дороге, в данную группу входят также операции, которые позволяют управлять транспортным средством [10].

3. Типичные эмоциональные переживания и особенности реагирования на дороге, специфические особенности взаимодействия с другими участниками дорожного движения [12].

Указанные особенности формируют индивидуальный стиль вождения. В отечественной науке категория «индивидуальный стиль деятельности» имеет достаточно большую проработанность. Анализируются различные аспекты данного психологического феномена, его структура, а также основные особенности.

В рамках анализа личности водителя Т.А. Полянова отмечает наличие двух стилей поведения водителя – это опасный и безопасный стиль. Основной характеристикой, обуславливающей проявление характера поведения водителя, выступает надежность [23]. Ученым было определено, что водители, которые имеют высокий уровень надежности деятельности, способные эффективно распределять и переключать внимание, более эффективны и безопасны на дороге [23].

Иной подход к анализу личности водителя, а также анализу факторов, определяющих безопасность их вождения, представлен в работе А.Н. Романова. Ученым было определено, что существует связь между свойств нервной системы и типа темперамента и особенностей поведения на дороге [26, с. 102]. Анализ индивидуально-типологических особенностей в контексте водительской деятельности осуществляется также в исследовании Н. Наричина [21, с. 23]. Ученым было определено, что существует связь безопасности дорожного движения, а также акцентуаций характера. Анализируя характер поведения водителя, ученый пришел к выводу о том, что акцентуации характера непосредственным образом проявляются также в характере поведения на дороге [21, с. 27].

В работе Ю.И. Лобанова, Л.В. Комкова и Н.Ю. Лебедева было показано, что для лиц с выраженным возбудимым типом акцентуации характера характерным является склонность на нарушение правил дорожного движения. Было определено, что представители данного психотипа в большей степени становятся участниками нарушений правил дорожного движений [20, с. 142].

Характеризуя гипертимный типа акцентуации характера и особенности поведения на дороге лиц с такой акцентуацией, ученые отмечали, что для та-

ких водителей в большей степени характерна самоуверенность при осуществлении парковок и вождения в целом.

Представители демонстративного типа акцентуаций характера имеют выраженное пренебрежение средствами безопасности, а также ориентированность на сохранение благоприятного внешнего вида, нежели обеспечением безопасности дорожного движения.

Для водителей с педантичным типом акцентуаций характера, как отмечали исследователи, характерным является склонность к планированию поездок, ориентация на предвосхищение изменений в процессе вождения, тогда как для лиц с выраженной сензитивной акцентуацией характера характерным является склонность к нарушению правил дорожного движения, в частности, они в меньшей степени склонны соблюдать требования дорожной разметки и знаков. Представители аффективно-экзальтированного психотипа характеризуются меньшим уровнем уверенности при осуществлении вождения.

В рамках анализа психологической структуры деятельности водителя, а также в процессе выделения психологических предпосылок дорожно-транспортных происшествий большое значение имеет анализ психологических факторов и специфических особенностей водителей. По мнению В.А. Василенко, определяющее значение для успешного управления автомобилем и обеспечения безопасности дорожного движения имеет знание Правил дорожного движения, наличие сформированных способностей к прогнозированию развития дорожной ситуации, осмысленность восприятия ситуации на дороге. Немаловажное внимание В.А. Василенко уделяется также индивидуально-психологическим и психофизиологическим особенностям и характеристикам водителя [6, с. 85].

В рамках исследования личности водителей было определено, что существуют психологические особенности личности водителей, обеспечивающих безопасность вождения. Для водителей, которые не имели аварий, в большей степени характерным является преобладание уравновешенности, рассудительности, решительности, также таких лиц характеризует более высокий диапазон интересов по сравнению с водителями, которые характеризуются большим числом нарушений [25, с. 201].

Определяющее значение при анализе личности водителя как участника дорожного движения выступает его стиль вождения. Стиль вождения в значительной степени зависит от индивидуальных особенностей личности водителя. Стиль вождения можно рассматривать как типичные, устоявшиеся особенности поведения водителя на дороге, а также система способов осуществления им деятельности. Стиль вождения характеризуется наличием типичных эмоциональных переживаний, а также взаимодействия с другими участниками дорожного движения.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 2009. – 214 с.
2. Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. — М., 2012 - 311 с.
3. Василенко В.А. Подготовка водителя с учетом его индивидуально-психологических характеристик / В.А. Василенко // Актуальные вопросы технических наук : материалы II Международ. науч. конф. (г. Пермь, февраль 2013 г.). – Пермь : Меркурий, 2013. – С. 83 – 85.
4. Голубева, Э.А. Способности и индивидуальность / Э.А. Голубева. – М.: Прометей, 2009. - 325 с.
5. Ефремов Б.Д., Оверин Ю.В. Метод инструментальной оценки квалификации водителей // Техно-технологические проблемы сервиса. - Вып. 3. -Т. 2. - 2012. - С. 51-55.
6. Ильин Е.П. Стиль деятельности: Новые подходы и аспекты [Электронный ресурс]/Е.П. Ильин// <http://voppsy.ru/issues/1988/886/886085.htm>
7. Клебельсберг Д. Транспортная психология [Электронный ресурс]/Д. Клебельсберг//<https://www.kodges.ru/nauka/psiholog/398042-transportnaya-psihologiya.html>
8. Климов, Е. А. Современная психология: состояние и перспективы исследования: методологические проблемы историко-психологического исследования / Е. А. Климов, О. Г. Носкова. — М., 2012 - 412 с.
9. Козлов Е.В. Психофизиологическое обоснование необходимости совершенствования системы подготовки водителей: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 2012. - 20 с.
10. Крутецкий, В.А. Психология: учеб. для учащ. пед. училищ. - М.: Изд. «Просвещение», 1980. - 352 с.
11. Лобанова Ю.И. Планирующий стиль деятельности водителя: описание, диагностика, компенсационные возможности // Вестн. гражданских инженеров. -№4. - 2014. - С. 140-147.
12. Наричын Н. Психология безопасности вождения. - М. РИПОЛ классик, 2006. - С. 22-55.
13. Полянова Т. А. Стратегия деятельности водителей автомобилей в связи с индивидуальными особенностями: автореф. дис. . канд. психол. наук [Электронный ресурс]/Т.А. Полянова// <http://childpsy.ru/dissertations/id/19452.php>
14. Психофизиология участников дорожного движения/Д.В. Крапский, И.И. Лобач, П.А. Пегин. -БНТУ, 2016. -302 с.

УДК: 159.9.072.4

**Болеев Т.К.,
Жаркинбаева Д.С.,
Абдилаким Ж.А.**

Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави
[DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11315](https://doi.org/10.24411/2520-6990-2020-11315)

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОФИЛИРОВАНИЕ В РАБОТЕ С ПОДРОСТКАМИ ГРУППЫ РИСКА

**Boleyev T.K.,
Zharkinbaeva D. S.,
Abdilakim Zh. A.**

Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University

PSYCHOLOGICAL PROFILING IN WORK WITH THE RISK GROUP TEENAGERS**Аннотация**

С каждым годом процент подростков, которых относят к группе риска неизменно растет, а преступления и правонарушения совершаемые ими становятся все более жестокими и изощренными. Причин такого поведения множество, начиная с социально-экономического состояния государства до взаимоотношений в семье и школе. Прежние методы определения подростков группы риска все также актуальны, но оперативность этих методов оставляет желать лучшего. В виду необходимости оперативности в диагностике и определении подростков группы риска и профилактики склонности к правонарушениям и суициду, возникла потребность в использовании действенных методов работы, к которым можно отнести психологическое профилирование личности. Применение профайлинга в работе с подростками группы риска, дает возможность реально оценить и спрогнозировать его действия, за короткий промежуток времени создать психологический портрет подростка и опираясь на особенности метапрограмм построить с ними работу.

Abstract

Every year, the percentage of risk group teenagers is steadily growing, and the crimes and offenses committed by them are becoming more violent and sophisticated. There are many reasons for this behavior, starting from the social-economic state of the country to the relationship in the family and school. Previous methods for identifying risk group teenagers are still essential, but the efficiency of these methods leaves much to be desired. In view of the need for efficiency in the diagnosis and determination of risk group teenagers and prevention of a tendency to criminality and suicide, a need to use effective working methods, which include psychological profiling of the individual.

Using profiling in work with risk group teenagers allows to really evaluate and predict his actions, in a short period of time create a psychological portrait of a teenager and establish work with them based on the features of metaprograms.

Ключевые слова: подростки группы риска, подростковый период, ценности, профайлинг, психологический портрет, преступность несовершеннолетних, технология профайлинга, агрессивное поведение.

Keywords: risk group teenagers, teenage, values, profiling, psychological portrait, juvenile criminality, profiling technology, aggressive behavior.

Анализ исследований посвященных проблеме подростков группы риска, а также современная ситуация показывают, что на сегодняшний день ресурсы психологического сопровождения подростков данной категории на низком уровне. Известно, что проблемы подросткового возраста в последние годы стоят как никогда остро. Это подтверждают представители разных направлений социально - гуманитарных наук – демографы, социологи, культурологи, психологи, педагоги. В свете последних жестоких событий по всему миру, в том числе и в странах бывшего Союза, «героями» которых становятся подростки, возникает необходимость применения более продвинутых методов и «инструментов» распознавания подростков группы риска. Подростки группы риска - это проблема, требующая решения, и социальная реальность, ожидающая помощи. От решения этой проблемы в настоящем времени, зависит будущее нашего государства.

Не для кого не секрет, что в последнее время участились случаи жестоких «выяснений отношений» подростков со сверстниками, учителями и в каком-то смысле с обществом в целом. Наглядным примером являются события происходящие время от времени в США, где в школах и колледжах имеют место практически массовые расстрелы подростком других людей, порой ужасающие расправы друг с другом. Это «чума» начала распространяться на Европу и страны бывшего Союза. Наравне с жестокостью, агрессией и насилием «прорастает» суицид среди подростков, зависимость от ПАВ, азартных игр, алкоголизма и «левых» религиозных течений. Дальнейшее усиление этих негативных тенденций грозит каждому государству и обществу в целом «дефицитом» человеческих ресурсов.

Научный анализ, посвященный феноменологии подростков группы риска, позволяет выделить несколько существенных негативных тенденций складывающихся в современном обществе и требующих непосредственного решения:

- во-первых, наличие серьезного дефицита позитивного воздействия на подростков всех институтов социализации: семьи, учреждений культуры, средств массовой информации, образовательно-воспитательных учреждений;

- во-вторых, и это главное, разрушена позиция ответственного отношения подростков к самому себе и окружающим. Возник вакуум духовности, следствием которого является потеря подростками чувства ответственности, инфантилизм, эгоизм, духовная опустошенность. В свою очередь, нарастают

такие негативные направления, как национализм, экстремизм, сектантство, преклонение перед всем заграничным (от товаров до идей) и др.;

- в-третьих, углубившееся чувство одиночества преломляется в особой позиции подростков к взрослым. Подростки стали не только более раскованными и уверенными по отношению к взрослым, но и нередко снисходительно-презрительными, что связано с большой доступностью не желательной информации, а также доступностью и дозволенностью ранее запретного. При этом одновременно взрослые стали не только меньше заниматься детьми, но и не умеют предьявлять четкой позиции своего отношения и объективных требований к ним[1].

В современной ситуации подростки оказались в наиболее трудном положении, которое приводит их к острому внутреннему конфликту, искусственной задержке личностного развития и невозможности занятия активной личностной позиции. В данном русле справедливую актуальность и значимость приобретает деятельность, нацеленная на комплексное психологическое исследование подростков, являющееся предметом данного исследования.

Для начала проведем краткий анализ исследований, посвященных изучению подросткового возраста и призванному очертить общую картину данного периода. Подростковый возраст - это возраст перехода от детства к взрослости, становления и формирования организма и зрелой личности. Исследователи, как правило, называют подростковый возраст проблемным, что вытекает из совокупности отклонений в поведении. Особенности подросткового возраста в психологии, педагогике, физиологии освещались в работах Д.Б.Эльконина, Л.И.Божович, А.В.Мудрика, В.А.Сухомлинского, А.Е.Личко, И.С.Кона, Т.Д.Молодцовой, И.А.Невского, Л.С.Выготского, Л.Ф.Обуховой, А.А.Реан, Б.Н.Алмазова, С.А.Беличевой и многих других.

Так, по мнению известного психолога Р.С.Немова, переход к подростковому возрасту характеризуется глубокими изменениями условий, влияющих на развитие личности. Они касаются физиологии организма, отношений, складывающихся у подростков с взрослыми людьми и сверстниками, уровня развития познавательных процессов, интеллекта и способностей. Во все эти новые отношения с людьми подросток вступает, будучи уже интеллектуально достаточно развитым человеком и рас-

полагая способностями, которые позволяют ему занять определенное место в системе взаимоотношений с окружающими [2].

Общая психологическая характеристика подросткового возраста складывается из следующих показателей: происходит перестройка отношения подростка к социальной среде, к самому себе, то есть изменяются потребности и побуждения, движущие поведением подростка, меняются и основные черты его личности. Подросток стремится ощущать себя взрослым, поэтому утверждает свою кажущуюся взрослость любыми доступными ему средствами. Поскольку таких средств у подростка немного, то при неправильном отношении взрослых они замещаются психоактивными веществами, как символами взрослости, как средствами снятия напряжения, образцами поведения значимых для подростка людей, поиском авторитетов [3]. Развитие на этом этапе идет быстрыми темпами, особенно много изменений наблюдается в плане формирования личности. Противоположные черты, стремления, тенденции сосуществуют и борются друг с другом, определяя противоречивость характера и поведения подростка, вызывая личную нестабильность. В этот период закладываются основы нравственности, формируются социальные установки, отношение к себе, к людям, к обществу. Кроме того, в данном возрасте становятся устойчивыми черты характера и основные формы поведения. Главные мотивационные линии этого возрастного периода, связанные с активным стремлением к личностному самосовершенствованию – это самопознание, самовыражение, и самоутверждение [4].

В подростковом периоде происходит переоценка ценностей, осознание себя как личности, формируются собственные взгляды на жизнь. С подростком ребенком уже нельзя общаться «по старинке». Взрослым легко было диктовать свои требования послушному малышу, но подросток воспринимает советы, как давление, которому он энергично сопротивляется [5].

Психологические особенности подросткового периода подробно исследованы, список публикаций по этим проблемам очень велик, поэтому нет необходимости более подробно персонифицировать его. Однако хотелось бы отметить, что все авторы сходятся на том мнении, что переход от детства к взрослости протекает, как правило, остро и порой драматично, в нем наиболее выпукло переплетены противоречивые тенденции социального развития. При этом, выступая как важный период развития личности, подростковый возраст представляет собой не единовременный акт, а сложный период в процессе личностного развития, отличающийся разноуровневыми характеристиками [6].

Таким образом, все сводится, в конечном счете, к тому, что подростковый возраст насыщен всякого рода отклонениями в поведении, и эти отклонения с позиций взрослых, нелепы, нетерпимы, нелогичны и непонятны. В сущности, если расценивать эти особенности подросткового возраста с позиций «нормы - не нормы», то следует понимать

ненормативность в их поведении как норму, и в этом случае возникает необходимость концентрировать внимание на отдельных видах отклонений, которые, во-первых, в определенные периоды развития общества и государства становятся опасными в силу тяжести и распространенности, а, во-вторых, являются предметом исследований психотерапевтов и психокорректоров. Речь идет о повышенной агрессивности подростков, жестокости, немотивированности действий и поступков, выражающихся в преступлениях, уходе от действительности и т.д. [7].

Остановимся на особенностях поведенческих отклонений у подростков, представляющих определенные трудности для них самих и окружающих. В этой связи можно заметить, что существует множество научных феноменов, характеризующих различного рода нарушения в поведении подростков. Следовательно, возникает вопрос: «Кто же такие подростки группы риска?».

Процесс научного изучения подростков группы риска продолжается на протяжении довольно длительного времени. Широкое распространение различных отклонений в поведении современных подростков, таких, как наркомания, алкоголизм, суицид, бродяжничество, проституция и др., вызвало в жизни напряженные дискуссии о природе такого рода негативизма, мотивах, факторах и условиях его возникновения. Последствия в результате изменений личности подростка, вызванных отклонениями в поведении, затрагивают не только самих подростков и их ближайшее окружение, но и все общество в целом [8].

Необходимо отметить, что понятие подростки группы риска считается на сегодняшний день общепринятым, однако существуют различные его трактовки, нуждающиеся в уточнении и развитии. Анализ феномена «группа риска» приводит к тому, что в последнее время эта категория детей рассматривается специалистами прежде всего с точки зрения того риска, которому постоянно подвергаются они сами: риска потери жизни, здоровья, нормальных условий для полноценного развития и т.д., а потом уже как угроза окружающим [9].

В настоящее время работа с подростками группы риска требует эффективных и действенных методов работы. В современном мире одним из эффективных методов является психологическое профилирование, проще говоря психологический профайлинг. Система профайлинга позволяет специалисту оценить на достоверность вербальную информацию используя невербальные сигналы человека. Технологии профайлинга дают возможность дополнять и перепроверять информацию, составить психологический портрет личности и его поведения, «предсказать» действия личности в тех или иных обстоятельствах, иначе говоря «быть на шаг впереди», иметь возможность предупредить и противостоять действиям человека. При условии, что профайлинг использует квалифицированный специалист, имеющий достаточную базу исследований и в совершенстве владеющий инструментами

профайлинга. Надежность информации полученной путем профайлинга будет соответствовать инструментальным методам (например применение детектора лжи) [10].

Располагая информацией об эффективности методов профайлинга, в своих исследованиях связанных с подростками группы риска, мы решили определить психотипы подростков группы риска. Целью исследования является узнать к какому психотипу относятся большинство исследуемых нами подростков, которых относят к группе риска и составление их психологического портрета на основе соответствующего психотипа для прогнозирования их действий [11].

Мы задались целью проведения индивидуальной диагностики психотипов применяя методы профайлинга, т.е. наблюдение, изучения учебной, общественной, трудовой деятельности подростка, характера его взаимоотношений с одноклассниками, друзьями, учителями, родителями, а также в результате бесед с самим подростком и сбора независимых характеристик, которые дают подростку, условиями его семейного воспитания и внешкольной среды общения окружающие.

В результате, применения методов профайлинга нами было выявлено 10 подростков, которых можно отнести к группе риска. Были составлены их психологические портреты, основываясь на которых можно спрогнозировать действия подростков:

- Данияр У.- Единственный ребенок в неполной, но обеспеченной семье. Эгоистичен, эмоционален, любит внимание. Для привлечения внимания может симулировать недомогание. Нравится выглядеть так, чтобы на него обращали внимание, носит стильную, модную прическу, аксессуары (часы, браслет, цепочку). Не терпеливый, чаще речь ведет о себе, общителен. Хорошо чувствует настроение учителей, умеет понравиться. Не признает своей вины. Имеет склонность к подстрекательствам. В плохом настроении становится ехидным, резким, агрессивным. Психотип: истероид.

- Шукрат И.- Не многословен, угрожающе-спокоен. Один из «теневых» лидеров класса. Не эмоционален, но бывает крайне раздражителен. Не любит беспорядок, шум и суету. Склонен к физической агрессии. Завышенная самооценка, если знает что делать проявляет лидерские способности. Говорит по существу, с трудом переносит иронию и шутки. Не терпит критики и приказного тона. Злопамятен. Атлетический хорошо развит уделяет внимание внешнему виду, занимается вольной борьбой. Цель- спортивные достижения ради личных выгод. Психотип: эпилептоид.

- Роман Ц.- Подвижный, «шумный», вспыльчивый, успеваемость средняя, не усидчивый часто отпрашивается во время уроков. Говорит громко, в основном эмоционально и быстро. Физически хорошо развит. Склонен к провокации. Ему постоянно нужен объект для насмешек. Не смотря на положительную мимику и эмоции любит и умеет задевать «за живое». В шутках и речи много сарказма и иронии, что является причиной конфликтов с одноклассниками и учителями. Общается со всеми

, но не с кем на постоянной основе. В курсе всего, что происходит во круг. Одевается в свободно-классическом стиле. Курит, употребляет слабо-алкогольные напитки (пиво, вино). Сколонен к азартным играм, любит спорить и брать на «слабо». Может взять чужую вещь без спроса. Не разборчив в контактах, не редко ввязывается в сомнительные дела вне школы. Психотип: Гипертим.

- Карим А., Бахыт С., Эрика Т., Евгений У. – Внешне стараются не чем не отличаться, не общительные, часто сами по себе. Их редко замечают одноклассники и учителя. Инициативу практически не проявляют. Эмоционально сдержаны. Затрудняются в принятии решений. Доверяют и преданы к тем кто проявляет эмпатию. Трудности во взаимоотношениях с родителями. Подвержены влиянию, пьют и курят «за компанию». Если доводят, могут проявить агрессию. Заниженная самооценка. Астенники: тревожно-мнительный психотип.

- Эллина Р., Дмитрий Н. –Негативные мысли и восприятие будущего. Постоянно усталый, потерянный вид, медлительные движения. Живут и учатся только «потому что так нужно». Ни к чему не проявляют интерес, на попытки активизировать их всегда есть «отмазки». Редко проявляют эмпатию, более склонны жалеть себя. Не общительны. В случаях нарушения их «границ» проявляют агрессию, чаще физическую. Ипохондрик: депрессивно- печальный психотип.

- Тимур Б.- Уверенный, наглый, но объективно оценивает свои возможности. При желании убедителен, склонен к манипуляциям. Настырный, расчетливый в общении, хотя и проявляет недоверие и подозрительность. Умеет сконять на свою сторону большинство своих ровесников. Раздражает критика, злопамятен, не упустит возможности отомстить. Плохое настроение провоцирует агрессию, как вербальную так и физическую. В большинстве случаев ведет себя независимо. Курит, но не злоупотребляет спиртным. Цель - сделать все возможное для материального и финансового благополучия. Психотип: Эпилептоид.

Таким образом: подростки Эрика Т., Карим А., Бахыт С., Евгений У., Эллина Р., Дмитрий Н. требуют пристального внимания к себе, так как они не смогли самореализоваться, их притязания отвергнуты ближайшим окружением, проявляются агрессивные тенденции. Кольцо обратной связи замыкается в негативной сфере деятельности. Относительно таких подростков противопоказано какое-либо принуждение, грубость, резкость, неравномерность в отношениях. Ситуация может измениться в положительную сторону при условии толерантного отношения к личности подростка, искреннего сопереживания и желания помочь ему в решении его проблем, опоре на его сохранные положительные личностные качества.

- подростки Шукрат И., Роман Ц., Данияр У., Тимур Б. требуют экстренного внимания. Прядьявлять больше требований, но предоставить самостоятельность в принятии решений, в рамках разумного. Вести не навязчивый контроль деятельности.

Однако следует держать под контролем их завышенную самооценку и уровень притязаний. В случае формирования эгоистических настроений необходимо применять тормозящие приемы: «ситуацию неуспеха», «заставание врасплох», убеждение, разъяснение и т.д.

Для того чтобы удостовериться на сколько эффективны инструменты профайлинга в выявлении подростков группы риска мы использовали методику «ПГР» для оценки уровня подверженности учащихся старших классов группе риска по выделенным сферам: когнитивной, эмоционально-волевой, поведенческой, мотивационной.

Методика «ПГР» является многоуровневым инструментарием диагностики уровня подверженности учащихся старших классов (15-17 лет) к различного рода отклонениям в поведении. Данная методика может быть адаптирована как триада оценок: самооценки, экспертной оценки и структурированного интервью. Характеристика диагностируемых сфер: когнитивной, эмоционально-волевой, поведенческой, мотивационной, складывается из шестнадцати показателей. В соответствии с многоосевой классификацией психических расстройств в детском и подростковом возрасте (ВОЗ) считается, что установление диагноза зависит от тщательной оценки соотношений между: а) формой, содержанием и степенью тяжести симптомов; б) анамнезом и личностными особенностями пациентов; в) стрессовым событием, ситуацией или жизненным кризисом. Поэтому в предлагаемой методике разработаны регистрационные бланки, которые содержат комплекс заданий ориентированных на оценку основных показателей по каждой из диагностируемых сфер.

Производится суммирование всех баллов по каждому бланку. Затем определяется средний балл характеризующий каждую из диагностируемых сфер: когнитивную, эмоционально-волевую, поведенческую, мотивационную. Средние баллы по каждой сфере математически округляются и интерпретируются по следующей схеме:

5 – 4 – состояние данных сфер подростка можно назвать критическим, и подпадает под категорию «группа риска»;

3 – состояние данных сфер подростка можно назвать «зоной неопределенности» и требует дальнейших наблюдений;

2 – 1 – состояние данных сфер подростка подпадает под категорию «группа нормы»;

0 – данные бланки считать недействительными.

Сумма средних баллов по всем сферам математически округляется и интерпретируется по следующей схеме:

20 – 16 баллов – данные подростки составляют группу высокого риска и требуют незамедлительного социально-психологического сопровождения, помощи и поддержки;

15 – 12 баллов – данные подростки обладают повышенной эмоциональной восприимчивостью, а также определенными чертами группы риска, препятствующие своевременной нейтрализации негативных факторов и появлению адекватной психологической защиты. Поэтому можно утверждать, что они требуют

11 – 4 баллов – данные подростки составляют группу нормы.

Менее 4 баллов – проведенную диагностическую процедуру считать несостоятельной, при возможности с такими подростками следует провести дополнительные индивидуальные диагностические процедуры с участием и под контролем психолога[1].

В выборке подростков общеобразовательной школы (учащиеся 11 классов: 21 девочек, 18 мальчиков, средний возраст - 16,8) измерялись уровни выделенных сфер. Обработка результатов проводится по выраженности отклонений в каждой сфере. Критический показатель по каждой из сфер может максимально достигать 80 баллов. При этом максимальный средний балл равен 5. Обработка результатов включает первоначальное суммирование всех баллов по каждому бланку. Затем определение среднего балла характеризующего каждую из диагностируемых сфер: когнитивную, эмоционально-волевую, поведенческую, мотивационную.

Проведя необходимые замеры в экспериментальной выборке подростков, мы выявили следующее соотношение результатов (таблица 4).

Распределение по уровням подверженности подростков группе риска

№ п/п	Испытуемые	Средние баллы по сферам				Сумма средних баллов	Вывод
		КС	ЭВС	ПС	МС		
1	Арай К.	2	1	1	1	5	Группа нормы
2	Сергей Д.	3	3	5	3	14	Зона неопределенности
3	Айганым С.	2	3	2	1	8	Группа нормы
4	Асель И.	2	1	2	2	7	Группа нормы
5	Наталья М.	3	3	5	4	15	Зона неопределенности
6	Николай Р.	4	4	3	4	15	Зона неопределенности
7	Данияр У.	3	4	5	3	15	Группа риска
8	Дмитрий Н.	5	5	4	5	19	Группа риска
9	Айгуль Т.	1	1	2	1	5	Группа нормы
10	Камал С.	3	2	4	2	11	Группа нормы
11	Джабраил М.	4	3	5	3	15	Зона неопределенности
12	Шукрат И.	5	4	3	4	16	Группа риска
13	Алтынай А.	1	1	1	1	4	Группа нормы
14	Сания Н.	2	2	3	2	9	Группа нормы
15	Роман Ц.	3	5	5	4	17	Группа риска
16	Ирина Х.	2	1	2	1	6	Группа нормы
17	Камила С.	1	3	1	2	7	Группа нормы
18	Карим А.	5	4	5	5	19	Группа риска
19	Алишер Т.	4	3	1	1	9	Группа нормы
20	Линда А.	3	4	2	3	12	Зона неопределенности
21	Бахыт С.	5	3	5	4	17	Группа риска
22	Карина Т.	1	4	2	1	8	Группа нормы
23	Эллина Р.	2	5	4	2	13	Группа риска
24	Куаныш К.	2	1	3	1	7	Группа нормы
25	Алина Ч.	3	3	3	3	12	Зона неопределенности
26	Эрика Т.	3	5	5	4	17	Группа риска
27	Жамал Ш.	4	1	4	2	11	Группа нормы
28	Евгений У.	5	5	3	3	16	Группа риска
29	Анна П.	1	1	1	2	5	Группа нормы
30	Анна М.	3	2	2	1	8	Группа нормы
31	Александр Т.	5	3	4	2	14	Зона неопределенности
32	Тимур Б.	4	4	4	5	17	Группа риска
33	Самат О.	3	5	3	2	13	Зона неопределенности
34	Марина Р.	3	2	1	3	9	Группа нормы
35	Светлана П.	1	1	1	1	4	Группа нормы
36	Алия М.	2	1	2	3	8	Группа нормы
37	Ораз Д.	3	4	4	2	13	Зона неопределенности
38	Алуа М.	1	1	2	1	5	Группа нормы
39	Гаухар И.	1	2	1	1	5	Группа нормы

Характеристика уровней подверженности подростков группе риска

Уровень подверженности	Характеристика	Диапазон суммарного балла
Группа нормы	<p>Это подростки, которые хорошо учатся и ведут себя, не конфликтуют, удовлетворенные собой, жизнью и окружением, характеризуется устойчивой адаптированностью к любой среде, высоким личностным резервом для преодоления стрессовых ситуаций, активным творческим отношением к действительности. Характеризуется осознанным отрицательным отношением к пьянству, наркомании, курению, т.е., абсолютно не потребляющими. Подростки данного уровня осознанно выбирают здоровый образ жизни, систематически занимаются физической культурой и спортом.</p>	от 22 до 32
Группа относительного риска или «зона неопределенности»	<p>Это подросток с некоторыми исключительно возрастными трудностями поведения, что выражается в редких нарушениях дисциплины, эпизодических конфликтах, некоторых неудачах в обучении, ситуативных мотивах, в целом адаптирован к социуму, но может проявлять отдельные признаки дезадаптации, обладать повышенной тревожностью. Зачастую подростков данной группы можно классифицировать к группе относительного риска, у которых проблемы проявляются в эпизодической форме, однако есть угроза перехода их в устойчивые формы отклонений в поведении. По отношению к пагубным привычкам подростки этой группы характеризуются эпизодическим употреблением, исключительно в связи с какими-либо торжествами, "мероприятиями" и в незначительных количествах. Эпизодическое употребление табачной и спиртной продукции является "нормой жизни" и, по их мнению, прекратится в любой момент.</p>	от 11 до 21
Группа риска	<p>Это подростки, составляющие группу риска, которым присуща грубость, конфликтность, недисциплинированность, систематическая неуспеваемость и прочие отрицательные проявления. Возможен разрыв со школой, семьей. Налицо наличие низших ценностных ориентаций, ярко выраженных акцентуаций, асоциальных поступков, агрессивного поведения. Такие подростки зачастую неспособны к гармоничному взаимодействию с окружающими, либо проявляют глубинную зависимость от факторов риска, не владеющие механизмом защиты, от травмирующих влияний среды. Многие отрицательные мотивы, тревожность перерастают в свойства личности. Систематические разногласия, дезадаптация могут проявляться достаточно широко, явно нарушая деятельность, поведение и взаимоотношения. Зачастую подростки группы риска характеризуется частым потреблением психоактивных веществ. Для таких подростков характерна своя компания с асоциальным уклоном, где они могут являться лидерами. Данный уровень характеризуется физической зависимостью от психотропных препаратов. Некоторые из них имели приводы в милицию в нетрезвом состоянии, либо состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Для них характерны прогуливание уроков и уходы из дому. Склонность к ситуативному поведению, чрезмерная подверженность внешнему влиянию зачастую находят свое выражение в пьянстве и алкоголизме, половой распущенности, наркомании и др. Подростки данной группы страдают неадекватной (аффективной) реакцией на любые внутренние и внешние воздействия, жизненные ситуации. Такие подростки очень тяжело поддаются педагогическому влиянию и коррекции, так как не идут на контакт и нуждаются уже в комплексной профессиональной помощи со стороны медиков, психологов, педагогов, родителей.</p>	от 0 до 10

Сводные данные результатов диагностических процедур

Группа	«До» экспериментального периода			«После» экспериментального периода		
	Методика «ПГР»	Опросник Ахенбаха	Комплексная диагностика	Методика «ПГР»	Опросник Ахенбаха	Комплексная диагностика
Группа нормы	20	20	21	24	24	17
Группа относительного риска или «зона неопределенности»	11	10	9	5	6	15
Группа риска	8	9	9	10	9	7

В классе 39 учащихся: 21 девочек, 18 мальчиков, средний возраст - 16,8, из общего контингента обследуемых 10 подростков отнесены к группе риска. В целом класс можно классифицировать как традиционный.

Обследование семейных отношений подростков группы риска показало, что из 10 обследуемых у 6 – неполные семьи, у 4 учеников – имеются трудности во взаимоотношениях с родителями, у 7 учеников – тяжелейшее материальное положение, у 1 ученика пьющий отец, часты скандалы, нередко мальчик является в школы с синяками.

Самыми актуальными неразрешимыми проблемами для подростков, составляющих группу риска, явились: проблема уязвленного самолюбия, нежелание прилагать усилия для достижения цели и для повышения собственного статуса, неумение устанавливать эмоционально насыщенные отношения, желание избежать ответственных решений и потребность занять ту социальную нишу, где приветствуются асоциальные поступки.

В итоге сравнения результаты полученные с применением инструментов профайлинга и методики «ПГР» для определения склонности подростков группе риска совпали. Это свидетельствует о том, что в данном случае применение знаний профайлинга в диагностике подростков к «группе риска» является эффективным.

Несмотря на наличие множества служб, которые работают с подростками (комитет по делам молодежи, инспекция по делам несовершеннолетних, наркологические кабинеты, консультативно-диагностические центры и др.) отсутствует стройная система организации психологической диагностики, помощи каждому конкретному подростку.

Считаем, что внедрение и применение профайлинга в работе с подростками, является эффективным инструментарием в определении психологических особенностей подростков группы

риска и предоставляет необходимую траекторию для прогнозирования и профилактики правонарушений среди подростков в современных социально-экономических условиях.

Список литературы:

1. Болеев Т.К. Подростки группы риска. Монография – М:МПГУ, 2009. -234 с.
2. Немов Р.С. Психология. – Т.1. – М.: Владос, 1990
3. Мудрик А.В. Социальная педагогика. – М.: Академия, 2000
4. Бойко В.В. Трудные характеры подростков: развитие, выявление, помощь. -СПб.: Союз, 2002. -160с
5. Корнилова Т., Григоренко Е., Смирнов С. Подростки групп риска. – СПб.: Питер, 2005. -336с
6. Кулаков С.А. На приеме у психолога - подросток: пособие для практических психологов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. – 350 с.
7. Байярд Р.Т., Байярд Д. Ваш беспокойный подросток. Практическое руководство для отчаявшихся родителей / Пер. с англ. А.Б. Орлова. - М.: Семья и школа, 1995. -203 с.
8. Болеев Т.К. Профессиональная готовность учителя к деятельности по профилактике аутоагрессивных форм поведения учащихся. – М., Прометей, 2004.
9. Социально-педагогическая поддержка детей группы риска: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений /Л.Я.Олиференко, Т.И.Шульга, И.Ф.Дементьева. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 256 с.
10. Кулик А. Что такое профайлинг? /А. Кулик, К. Митрошин//Мастер переговоров. – 2016.- №8(6)
11. Аптикеева Л.Р. К вопросу о применении профайлинга при работе с асоциальными подростками//Вестник Оренбургского государственного университета - 2018.- №2 (214).

*Заочинский Михаил Сергеевич,
студент; Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, Архангельск, РФ*

НЕКОРРЕКТНЫЕ ПРИЕМЫ ВЕДЕНИЯ СПОРА

*Zaochinsky Mikhail Sergeyevich,
student of the; Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia*

INCORRECT DISPUTE RESOLUTION TECHNIQUES

Аннотация:

В данной статье рассмотрены некорректные приёмы ведения спора, которые наиболее часто используются в случае, когда люди вступают в спор, дана их характеристика.

Abstract:

This article discusses incorrect methods of dispute management, which are most often used when people enter-into a dispute, and their characteristics are given.

Ключевые слова: спор, тезис, личность, аргумент.

Key words: dispute, thesis, personality, argument.

Спор может возникнуть на абсолютно любой почве и последствия от него не всегда хорошие. С давним временем между людьми решаются споры и порой они доводили до войн между племенами, империями или государствами. Спор – довольно-таки частое явление в разговоре людей и поэтому необходимо знать, что можно использовать в них, а что категорически запрещено. Конкретнее разберём некорректные приёмы ведения спора.

Спор – процесс отстаивания каждой из сторон своего мнения, столкновение мнений и попытки убедить оппонента.

Спор представляет собой важное средство прояснения и разрешения вопросов, вызывающих разногласия, лучшего понимания того, что не является в значительной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования.

Если даже участники спора не приходят в итоге к согласию, в ходе спора они лучше уясняют как позиции другой стороны, так и свои собственные.

К наиболее частым приёмам некорректного ведения споров относят: подмена тезиса, использование ложных недосказанных аргументов, намеренное запутывание, аргумент к публике, аргумент к личности, аргумент к человеку, аргумент к тщеславию, аргумент к авторитету, аргумент к силе, аргумент к невежеству аргумент к жалости. Остановимся подробнее на каждом из приёмов.

1. Подмена тезиса.

Подмена тезиса может быть полной или частичной. Чувствуя невозможность доказать или оправдать выдвинутое положение, спорщик может попытаться переключить внимание на обсуждение другого, может быть, и важного утверждения, но не имеющего прямой связи с исходным положением. Иногда вместо тезиса доказывается некоторое более слабое утверждение, вытекающее из него.

2. Использование ложных недосказанных аргументов.

Данный некорректный прием используется в расчёте на то, что противная сторона этого не заметит. Употребление ложных, недосказанных или непроверенных аргументов нередко сопровождается оборотами: "всем известно", "давно установлено", "никто не станет отрицать" и т.д. Слушателю как бы оставляется одно: упрекать себя в незнании того, что давно и всем известно.

3. Намеренное запутывание.

К одной из форм лжи относится иногда намеренное запутывание или сбивание с толку. В выступлении того, кто прибегает к такому приему, возможно, и содержится какая-то информация, но ее чрезвычайно трудно уловить.

4. Аргумент к публике.

Обращение к слушателям, игра на их чувствах, с целью привлечь их на свою сторону и оказать психологическое давление на оппонента (апелляция к чувствам, а не к разуму).

5. Аргумент к личности.

Когда вместо того, чтобы обсуждать предмет спора, обсуждают личные особенности собеседника ("переходят на личности"). Противнику приписываются такие недостатки, реальные или только мнимые, которые представляют его в смешном свете, бросают тень на его умственные способности, подрывают доверие к его рассуждениям. Аргумент к личности имеет столько же разновидностей, сколько свойств имеет каждый человек. Прежде всего, конечно, нападают на особенности внешности.

6. Аргумент к человеку.

В поддержку своей позиции приводятся основания, выдвигаемые противной стороной в споре или вытекающие из принимаемых ею положений. Например, школьники просят учителя ботаники вместо урока отправиться в лес. При этом они ссылаются на то, что непосредственный контакт с природой, как он сам не раз говорил, – лучший способ узнать ее тайны. Такого рода довод является нечестным только в том случае, когда человек, прибе-

гающий к нему, сам не разделяет данного убеждения и только делает вид, что он присоединяется к общей платформе.

7. Аргумент к тщеславию.

Расточение неумеренных похвал противнику в споре в надежде, что, тронутый комплиментами, он станет мягче и покладистей. Этот довод можно считать частным случаем аргумента к личности. Как только в дискуссии начинают встречаться обороты типа "не подлежит сомнению глубокая эрудиция оппонента", "вы же умный человек", и им подобные, можно предполагать завуалированный аргумент к тщеславию.

8. Аргумент к авторитету.

Ссылка на мнения великих ученых, общественных деятелей, писателей, в общем известных людей в поддержку своих взглядов или в опровержение взглядов противника. А мнение крупных авторитетов еще требует доказательства. Апеллируют к авторитету общественного мнения: "Считается общепризнанным, что...", "Никто не сомневается в том, что...". Апеллируют к авторитету аудитории: "Присутствующие согласятся с тем, что..." "Я постарше вас буду, так что...". Но особой наглостью является выдумка несуществующих авторитетов: "Еще профессор Многознаев доказал, что..." или высказываний авторитетов: "Еще философ Платон утверждал, что шоколад вреден для здоровья".

9. Аргумент к силе.

Угроза неприятными последствиями в случае несогласия, в частности, угроза применения насилия или прямое употребление каких-то средств принуждения.

10. Аргумент к невежеству.

Ссылка на неосведомленность, а то и невежество противника в вопросах, относящихся к существу спора; упоминание таких фактов или положений, которых никто из спорящих не знает и не в состоянии проверить. Например, ваш собеседник никогда не читал Аристотеля, а вы говорите: "Как писал Аристотель в своем произведении "Политика..."

11. Аргумент к жалости.

УДК 371.335.6

Возбуждение в другой стороне жалости и сочувствия, в надежде на то, что она смягчится и не будет доводить спор до победы. Например, студент, не сдавший экзамена, просит профессора поставить ему хотя бы удовлетворительно, иначе его лишат стипендии.

Все эти аргументы являются, конечно, некорректными способами защиты своей позиции. Но нетрудно заметить, что применение одних легче понять и извинить, чем употребление других. Некоторые же ничем нельзя оправдать. Недопустимы в споре и такие уловки, как умышленный уход от темы, длинные разглагольствования о вещах, не имеющих никакого отношения к обсуждаемым вопросам, попытки запутать основную мысль в чаше всяких деталей и подробностей, чтобы затем незаметно направить внимание участников спора на то, что кажется выигранным, и т.п.

Список литературы:

1. Логика. Учебное пособие. Гусев Д.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/4809>.
2. Спор и его виды. Ивин А.А. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ligis.ru/psylib/090417/books/ivina01/txt14.htm>.
3. Некорректные приемы спора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://helpiks.org/9-68187.html>.
4. Периодизация семейной жизни [Электронный режим]. – Режим доступа: <https://www.kazedu.kz/referat/141057/1>.
5. Периодизация семейной жизни [Электронный режим]. – Режим доступа: https://psy4psy.ru/periodizaxiya_semeynoy_zhizny.
6. Периодизация жизни семьи [Электронный режим]. – Режим доступа: https://studme.org/53561/psihologiya/periodizatsiya_zhizni_semi.
7. Социология семьи: учебное пособие. Е.И. Зритнева. – С. 8-9, 28-29.
8. Сысенко В. А. Супружеские конфликты / В. А. Сысенко. — 3-е изд. М.: Вузовский учебник, 2009. - 390 с.

*Заочинский Михаил Сергеевич,
студент; Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова, Архангельск, РФ*

ПОНЯТИЕ ЗОНЫ КОМФОРТА

*Zaochinsky Mikhail Sergeevich,
student of the; Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia*

COMFORT ZONE CONCEPT

Аннотация:

В статье рассмотрено понятие зоны комфорта, психологические и физические составляющие данного аспекта. Описано то расстояние, на котором необходимо общаться с незнакомыми, друзьями, аудиторией и близкими людьми. Конкретно рассмотрена психологическая часть личного пространства и то, что на это пространство влияет. Также несколько слов о том, почему человек нарушает чужую зону комфорта и то, почему так поступать не рекомендуется.

Abstract:

The article considers the concept of a comfort zone, psychological and physical components of this aspect. It describes the distance at which you need to communicate with strangers, friends, the audience and loved ones. The psychological part of personal space and the fact that it affects this space are specifically considered. Also a few words about why a person violates someone else's comfort zone and why this is not recommended. Key words: psychology, comfort zone, distance, communication with a person, personal space.

Ключевые слова: психология, зона комфорта, расстояние, общение с человеком, личное пространство.

Key words: psychology, comfort zone, distance, communication with a person, personal space.

Под зоной комфорта подразумевают область жизненного пространства с подходящим уровнем тревожности. Личная зона комфорта есть у каждого человека, и у всех она совершенно разная. Кто-то и на метр не может подпустить к себе чужого человека, а кому-то удобнее общаться на расстоянии вытянутой руки. Даже Фараоны Египта не подпускали близко к себе тех людей, кто всю жизнь служил им верно. А вот во Франции на балах пары танцевали на расстоянии друг от партнера, не касаясь.

К личному пространству приписывают такие две составляющие, как физическую и психологическую. Под физической составляющей понимается зоны комфорта, границы личного пространства и зависят от уровня общения и отношения к человеку. Выделяют следующие зоны комфорта:

- интимная зона (от 15 до 45 см, подходит для общения с близкими людьми – родными и друзьями, при нарушении кем-то данной зоны, у человека возникает чувство тревоги и психологического дискомфорта);

- персональная зона (50 см – 1,5 м, подходит для общения со знакомыми – коллегами, однокурсниками; включает общение не только по делам, но и некоторые аспекты личной жизни);

- социальная зона (1,5 – 4 м, контакт с незнакомыми людьми, помогает установить чувство психологической защищенности, рекомендуется не нарушать данную зону);

- публичная зона (более 4 м, общение с аудиторией, рассчитана на проведение совещаний, тренингов и лекций).

Под психологической составляющей понимается индивидуальное понимание личного комфорта и влияние на нее оказывают психологические характеристики личности. Влияние на границы оказывают данные черты:

- характер (люди делятся на экстравертов – открытых, прямых к общению с любыми людьми, такие люди достаточно легко делятся своим личным пространством; интроверты же напротив – закрытые люди, которым легче держать дистанцию с людьми, и не любят делиться своим пространством);

- уровень уверенности в себе (уверенные люди редко нарушают личное пространство других, не ползают в чужом телефоне и не подходят слишком близко, неуверенные же напротив позволяют другим вторгаться в свое пространство и не в состоянии психологически защитить себя);

- место жительства (жители крупных городов обладают узкими границами личной зоны, ведь они подвергаются давлению большого количества людей ежедневно, у жителей маленьких городов, там, где все со всеми знакомы, личное пространство большое и они более уверенно воспринимают близость других);

- семья (в разных семьях понятие личного пространства варьируется в зависимости от отношений в данной семье, там, где преобладает откровенное общение, границы пространства широкие и в будущем такие люди не чувствуют границы других людей. Там, где преобладает этикет и чувство такта границы более узкие и такие люди никогда не нарушат личное пространство других);

- культура (культура и воспитание как ничто другое сказывается на личном пространстве людей. В странах востока люди спокойно общаются вплотную с незнакомцами. В Европе это будет огромным нарушением личной зоны и считается верхом неприличия, ведь особенности культуры тут другие).

Далеко не всегда человек специально нарушает зону комфорта чужого человека, ведь у него возможно другая культура или совершенно иное воспитание, и отношения в семье противоположны Вашим. Но существуют и такие люди, которые нарушают зоны специально, ставя перед собой цель самоутвердиться, оскорбить или испортить настроение. Кто-то может во время разговора подойти слишком близко, кто-то во время приветствия хлопнуть по плечу, а кто-то подойти к знаменитости и обнять ее, хотя тот совсем этого не желает. Несмотря на все это, важно знать и понимать личное пространство каждого человека, чтобы не возникало неудобных ситуаций и для того, чтобы не портить ни человеку, ни себе настроение и отношения.

Список литературы:

1. Выйди из зоны комфорта. Измени свою жизнь. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014;
2. Зона комфорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.psychologos.ru/articles/view/zona-komforta>;
3. Что такое зона комфорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kluchimasterstva.ru/zona-komforta>.
4. Периодизация семейной жизни [Электронный режим]. – Режим доступа: <https://www.kazedu.kz/referat/141057/1>.
5. Периодизация семейной жизни [Электронный режим]. – Режим доступа: https://psy4psy.ru/periodizaxiya_semeynoy_zhizny.
6. Периодизация жизни семьи [Электронный режим]. – Режим доступа: https://studme.org/53561/psihologiya/periodizatsiya_zhizni_semi.
7. Социология семьи: учебное пособие. Е.И. Зритнева. – С. 8-9, 28-29.
8. Сысенко В. А. Супружеские конфликты / В. А. Сысенко. — 3-е изд. М.: Вузовский учебник, 2009. - 390 с.

*Фаткуллина А.Р.**Российский государственный
социальный университет Москва, Россия***ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ***Anna Fatkullina**Russian state
Social University Moscow, Russia***FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE SKILLS OF
YOUNGER SCHOOL CHILDREN WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES****Аннотация**

В статье рассматриваются основные особенности развития коммуникативных навыков детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья. В статье рассмотрена специфика и основные компоненты организации психолого-педагогического сопровождения детей младшего школьного возраста с целью развития и формирования коммуникативных навыков.

Abstract

The article discusses the main features of the development of communication skills of primary school children with disabilities. The article discusses the specifics and main components of the organization of psychological and pedagogical support for children of primary school age in order to develop and form communication skills

Ключевые слова: *ограниченные возможности здоровья, коммуникация, коммуникативные навыки, компоненты коммуникации, сопровождение, психолого-педагогическое сопровождение.*

Keywords: *limited health, communication, communication skills, communication components, support, psychological and pedagogical support.*

На современном этапе эволюции образовательной политики и педагогической практики личностно ориентированная комплексная помощь детям с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности выдвигает на первый план решение задач, направленных на гармоничное развитие личности ребенка, его социализацию и индивидуализацию.

По данным мировой статистики, в настоящее время в мире 5, 5% населения имеют различные нарушения. По данным исследования проведенных в Российской Федерации количество детей с ограниченными возможностями здоровья составляет 4,6% от общего числа младших школьников.

Большинство детей с ОВЗ посещают специализированные дошкольные и школьные учреждения, однако модернизация, произведенная в последнее время в системе образования, позволяет таким детям обучаться в общеобразовательной школе в условиях инклюзивного образования.

Инклюзивное образование – процесс развития общего образования, который подразумевает доступность образования для всех, в плане приспособления к различным нуждам всех детей, что обеспечивает доступ к образованию для детей с особыми потребностями.

При реализации инклюзивного образования в современных школах создаются отдельные классы для детей с ограниченными возможностями здоровья, либо такие дети при наличии возможности проходят обучение в классе с детьми, не имеющими физических и интеллектуальных нарушений

В сложившихся условиях современного образования и современной педагогической мысли достаточно остро стоит вопрос о развитии социализации в обществе детей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ). В свете данной проблемы особую актуальность приобретает развитие коммуникации и коммуникативных навыков данной категории детей.

Дети с ОВЗ вследствие своих различных отклонений могут испытывать значительные сложности в вопросах установления и налаживания контакта со своими сверстниками, такая категория детей часто не владеет качествами, которые способствуют формированию эффективной коммуникации.

Проблема осложняется тем, что нет единой методики формирования и развития коммуникативных навыков у детей с ОВЗ, так как дети, входящие в данную группу достаточно неоднородны.

В настоящее время к детям, которые входят в категорию детей с ОВЗ относят детей с:

- нарушениями слуха;
- нарушениями речи;
- нарушениями зрения;
- нарушениями интеллекта;
- задержкой психического развития;
- расстройствами аутистического спектра;
- комплексными нарушениями развития[1].

Вследствие того что дефекты носят различную специфику коррекционная работа должна строиться индивидуально с каждой категорией детей, учитывая их «стартовые» возможности, которые

выявляются с помощью диагностических методик для изучения коммуникативных навыков (например Методика «Рукавички» Г.А. Цукерман).

Коммуникация, по мнению Лисиной М. И. это способ общения между собеседниками, способ передачи информации [3 с. 56].

Рассмотрим основные составляющие, которые необходимы для успешной коммуникации детей с ОВЗ на этапе младшего школьного детства[5]:

1. Компетентность в речевом плане. Ребенок должен уметь четко выражать свои мысли, правильно подбирать и использовать слова подходящие по смыслу для обозначения своих желаний, мнений и т.д.

2. Слуховая компетентность. Ребенок должен уметь слушать собеседника (сверстника, учителя, родителей), не перебивать.

3. Невербальная компетентность. Ребенок должен понимать невербальную информацию (позы, мимика, жесты) которая поступает к нему от собеседников.

4. Внимание. Ребенок должен проявлять внимание во время общения к словесной и невербальной информации, замечать нюансы поведенческих проявлений своих оппонентов.

5. Гибкость. Ребенок должен легко адаптироваться под своего собеседника, правильно выбирать манеру общения в зависимости от того взрослый он или его ровесник, ребенку должно быть понятно как общаться со знакомыми и незнакомыми людьми в чем состоит разница в дружественном общении и общении в учебной обстановке.

По мнению А.П. Панфилова, М.С. Каган, Л.В. Трубайчук формирование коммуникативных навыков детей младшего школьного возраста с ОВЗ должно носить комплексный, системный характер, при взаимодействии всех участников образовательного процесса (родители, младшие школьники, педагог класса, логопед, психолог).

Организация такой работы является психолого-педагогическим сопровождением.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова дается следующее определение слову «сопровождать»:

1. следовать вместе с кем-нибудь находясь рядом, ведя куда-нибудь, или идя за кем-нибудь;
2. производить одновременно с чем-нибудь, сопутствовать чему-нибудь.

Ю. Н. Кулюткина отмечает, что при организации психолого-педагогического сопровождения формирования и развития коммуникативных навыков детей с ОВЗ в независимости от категории их нарушений очень важно активное включение самих детей в деятельность, так как по мнению автора именно в процессе различных видов деятельности (игровая, трудовая, продуктивная и т.д.) происходит взаимодействие ребенка с остальными участниками деятельности, это могут быть родители, сверстники, учителя и различные педагоги.

Стоит отметить, что Г.И. Щукина под понятием «деятельность» понимает «специфический вид активности человека, направленный на познание и творческое преобразование окружающего

мира, включая самого себя и условия своего существования».

В данном аспекте З.Я. Горностаева характеризует деятельность как «динамическую систему взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходит возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной действительности».

При включении детей в различные виды деятельности у детей развиваются все формы коммуникации, ребенок учится общаться с различными категориями людей при совершенно различных условиях.

Включение детей в деятельность различных видов является созданием благоприятной среды для развития общения детей, а также навыков группового взаимодействия, сотрудничества для достижения определенных целей.

Включение детей в деятельность будет эффективным если будут соблюдены следующие условия:

- добровольность и четкая осознанность цели участия – ребенок должен чувствовать себя важным участником организованной деятельности;
- получение общественно полезного результата;
- слияние положительных и актуальных путей достижения цели организованной деятельности;
- деятельность должна быть организована с учетом индивидуальных и возрастных особенностей включаемых в деятельность детей;
- на начальном этапе любой деятельности важно организовать заинтересованность детей.

Важным условием при организации работы по развитию коммуникативных навыков у детей с ОВЗ является также активность участия родителей в комплексном психолого-педагогическом сопровождении.

Активность – это, прежде всего, способ самовыражения и самоосуществления личности, которая помогает ребенку сохранять свою целостность, автономность, индивидуальность[4].

Большинство времени ребенок с ОВЗ проводит в домашней обстановке, и коммуникация строится со взрослыми.

По мнению ряда авторов (В.В. Давыдов, М.С. Каган, А.Н. Леонтьев) от компетентности родителей в вопросах коммуникации в большей мере зависит успешность развития коммуникативных навыков детей с ОВЗ, так как именно в родительской среде в большей мере формируется манера и стиль общения.

Педагоги в условиях инклюзивного образования должны оказывать родителям помощь в развитии их компетенции в вопросах коммуникативного развития своих детей. Эта помощь может быть в виде семинаров, открытых занятий, консультаций, методических рекомендаций. В ходе всех этих условий у родителя должно сформироваться четкое представление о способах и методах развития коммуникативных навыков конкретно у своего ребенка с учетом его особенностей и возраста, кроме того

должны сформироваться представления о том как правильно и целесообразно организовать домашнюю развивающую среду для развития коммуникативных навыков.

Итак, анализируя сказанное нами выше, можно сделать вывод, что развитие коммуникативных навыков у младших школьников должно носить комплексный, системный характер, этого можно достичь благодаря психолого-педагогическому сопровождению. Каждый участник психолого-педагогического сопровождения должен быть заинтересован в результате такого сопровождения- ребенка с развитыми коммуникативными навыками, что в свою очередь будет способствовать успешной социализации ребенка с ОВЗ в обществе.

Список литературы:

1. Баштырева С. В. Формирование коммуникативных умений у детей с ограниченными возможностями здоровья // Молодой ученый. — 2016. — №21. — С. 854-857. — URL <https://moluch.ru/archive/125/34525/> (дата обращения: 22.01.2020).

2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. — М.: МГУ, 1981. — 584 с.

3. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения / М.И. Лисина. — М.: Педагогика, 2006. — 144 с.

4. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении / М.И. Лисина. — СПб.: Питер, 2009. — 320 с.

5. Маврина И.В. Развитие взаимодействия и общения дошкольников со сверстниками // Дневник воспитателя: развитие детей дошкольного возраста / Под ред. О. М. Дьяченко, Т. В. Лаврентьевой. — М.: Гном-Пресс, 1999. — С. 106-118.

6. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования / А.В. Хуторской // Народное образование. — 2003. — №2. — С.58–64.

7. Чернецкая Л.В. Развитие коммуникативных способностей у школьников: практическое руководство для педагогов и психологов дошкольных образовательных учреждений / Л.В. Чернецкая. — Ростов н/Д.: Феникс, 2005. — 256 с.

УДК 159.9

Фаткуллина Анна Рашитовна

*Российский государственный
социальный университет Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИГРУППОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Anna Fatkullina

*Russian state
Social University Moscow, Russia*

PECULIARITIES OF INTER-GROUP INTERACTION OF CHILDREN OF YOUNGER SCHOOLS WITH LIMITED HEALTH OPPORTUNITIES

Аннотация

В статье представлены сопоставительные результаты исследования особенностей внутригруппового взаимодействия детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья и детей без физических и интеллектуальных отклонений с помощью методики «Рукавички» Г. А. Цукерман.

Abstract

The article presents the comparative results of a study of the characteristics of the intragroup interaction of primary school children with disabilities and children without physical and intellectual disabilities using the Rukavichki method G. A. Zuckerman.

Ключевые слова: *Ограниченные возможности здоровья, внутригрупповое взаимодействие, нарушения общения.*

Keywords: *Limited health opportunities, intra-group interaction, communication disorders.*

Одной из приоритетных задач современного инклюзивного образования является социально-коммуникативное развитие детей младшего школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья, которое направлено на развитие общения и взаимодействия ребенка со взрослыми и сверстниками; развитие социального и эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, сопереживания, формирование готовности к совместной деятельности со сверстниками, формирование уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье и к сообществу детей и взрослых.

В современных условиях создается множество условий для успешной социализации и включению детей с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ) в насыщенную обычную жизнь.

В свете данных событий, особую роль приобретает развитие коммуникации детей с ОВЗ. Основным компонентом коммуникации являются особенности внутригруппового взаимодействия.

Многие ученые М.И. Лисина, В.А. Петровский Н.С. Малетина, С.В. Петерина и др. отмечали, что навыки внутригруппового взаимодействия у детей

с ОВЗ развиваются и формируются гораздо медленнее, чем у детей с нормальным физическим и психическим развитием. Это обусловлено тем, что различные нарушения «мешают» детям в полной мере выстраивать общение, у некоторых детей отмечается очень низкая социальная активность.

Наше исследование направлено на изучение особенностей внутригруппового взаимодействия детей с ОВЗ.

Для этого мы использовали методику «Рукавички» Г. А. Цукерман.

Целью исследования является выявление отличий особенностей внутригруппового взаимодействия детей с ОВЗ и детей без физических и интеллектуальных нарушений одинакового возраста.

Для этого исследования мы разделили детей на 2-е группы:

1я группа: 15 младших школьников с ОВЗ, которые находятся в условиях инклюзивного образования. Из них 7 мальчиков и 8 девочек. Категорию ОВЗ составляло 10 детей с тяжелыми нарушениями речи и 5 детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Средний возраст детей – 7,5 лет.

2я группа: 15 младших школьников без физических и интеллектуальных нарушений. Из них 8 девочек и мальчиков. Средний возраст детей – 7,4 лет.

Исследование проводилось в виде игры. Для проведения из бумаги вырезают рукавички с различными не закрашенными узорами. Количество пар рукавичек соответствует числу пар участников. Детям, сидящим парами, дают каждому по одному изображению рукавички и просят украсить их одинаково, т. е. так, чтобы они составили пару. Дети могут сами придумать узор, но сначала им надо договориться между собой, какой узор они будут рисовать. Каждая пара учеников получает изображение рукавичек в виде силуэта (на правую и левую руку) и одинаковые наборы цветных карандашей.

Таким образом, по результатам исследования партнерских отношений детей младшего школьного возраста «Рукавички» (Г.А. Цукерман), получены следующие данные в группе детей с ОВЗ:

- количество детей младшего школьного возраста с ОВЗ с низким уровнем развития партнерских отношений составляет 63%;
- количество детей младшего школьного возраста с ОВЗ со средним уровнем развития партнерских отношений составляет 37%;
- количество детей младшего школьного возраста с ОВЗ с высоким уровнем развития партнерских отношений составляет 0%.

Таким образом, результаты в обеих группах схожи.

При проведении исследования «Рукавички» (Г.А. Цукерман) в группе детей с ОВЗ были заметны явные лидеры в группах, дети хотели состоять в паре со своими друзьями, детьми, наиболее часто выбираемыми в общении. В целом дети умеют договариваться между собой, однако зачастую это происходит под давлением лидера, где ребенок без лидерских качеств, просто принимает позицию своего напарника.

Взаимный контроль присутствовал лишь в одной паре, дети совместно договаривались и решали, что и как они будут выполнять задание по продуктивной деятельности.

В одной из пар возникла конфликтная ситуация и один из детей отказался от выполнения задания.

Так как в группе присутствовали в основном дети с тяжелыми нарушениями речи, часто дети не понимали друг-друга. Те дети которых не понимали, начинали нервничать, так как не могут донести свою позицию до аппонента.

Эмоциональные отношения в парах при выполнении заданий были на среднем уровне, 3 пары были полностью довольны процессом выполнения заданий и результатом их продуктивной деятельности. 1 ребенок был значительно недоволен результатом, который был получен по завершении выполнения. В неудаче данный ребенок винил своего напарника, полностью отрицая свою вину, ребенок, находившийся с ним в паре, при этом был полностью доволен результатом деятельности.

Два ребенка проявляли при выполнении заданий лидерские качества, это были те же дети что при первом исследовании по другой методике. Дети, которые находились с ними в паре, выполняли их поручения, не проявляя при этом собственных желаний.

В группе детей без физических и интеллектуальных нарушений были получены следующие результаты:

- количество детей младшего школьного возраста с низким уровнем развития партнерских отношений составляет 10%;
- количество детей младшего школьного возраста с ОВЗ со средним уровнем развития партнерских отношений составляет 20%;
- количество детей младшего школьного возраста с ОВЗ с высоким уровнем развития партнерских отношений составляет 70%.

В виде таблицы представим сравнительные результаты исследования по методике «Рукавички» Г.А. Цукерман (Таблица 1).

Таблица 1.

Сравнительные результаты исследования по методике Г. А. Цукерман

Уровень	Группа детей младшего школьного возраста с ОВЗ	Группа детей младшего школьного возраста
Высокий	0%	0%
Средний	37%	20%
Низкий	6%	10%

В результате исследования в группе детей без ОВЗ было отмечено, что в классе уже присутствуют налаженные дружественные связи, дети легко умеют договариваться между собой.

В данной группе, так же как и в первой отмечаются лидеры и ведомые дети, однако гораздо большее количество детей проявляет инициативность в общении, многие дети стараются брать на себя ответственность, умеют принимать мнение своих ровесников, путем общения приходят к общему мнению.

Итак, в результате данного исследования мы получили данные, которые показывают наглядно разницу в особенностях развития внутригруппового взаимодействия детей с ограниченными возможностями здоровья на этапе младшего школьного возраста.

Такие результаты обуславливаются тем, что детям с ограниченными возможностями здоровья труднее вступать в контакт, детям сложнее формулировать и обозначать свои мысли, это в свою очередь мешает детям договариваться, соответственно для формирования навыков внутригруппового взаимодействия с детьми с ОВЗ должна поводится специально организованная работа по формированию таких навыков. Работа с такой категорией детей должна вестись во всех направлениях коммуни-

кативно-речевого развития, в первую очередь у детей с ОВЗ которые имеют ТНР необходимо пытаться сформировать правильную и четкую речь.

Список литературы:

1. Баштырева С. В. Формирование коммуникативных умений у детей с ограниченными возможностями здоровья // Молодой ученый. — 2016. — №21. — С. 854-857. — URL <https://moluch.ru/archive/125/34525/> (дата обращения: 22.01.2020).
2. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. — М.: МГУ, 1981. — 584 с.
3. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения / М.И. Лисина. — М.: Педагогика, 2006. — 144 с.
4. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении / М.И. Лисина. — СПб.: Питер, 2009. — 320 с.
5. Маврина И.В. Развитие взаимодействия и общения дошкольников со сверстниками // Дневник воспитателя: развитие детей дошкольного возраста / Под ред. О. М. Дьяченко, Т. В. Лаврентьевой. — М.: Гном-Пресс, 1999. — С. 106-118.
6. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования / А.В. Хуторской // Народное образование. — 2003. — №2. — С.58–64

Colloquium-journal №3(55), 2020

Część 6

(Warszawa, Polska)

ISSN 2520-6990

ISSN 2520-2480

Czasopismo jest zarejestrowane i publikowane w Polsce. W czasopiśmie publikowane są artykuły ze wszystkich dziedzin naukowych. Czasopismo publikowane jest w języku angielskim, polskim i rosyjskim.

Częstotliwość: 12 wydań rocznie.

Wszystkie artykuły są recenzowane

Bezpłatny dostęp do wersji elektronicznej dziennika.

Wysyłając artykuł do redakcji, Autor potwierdza jego wyjątkowość i bierze na siebie pełną odpowiedzialność za ewentualne konsekwencje za naruszenie praw autorskich

Zespół redakcyjny

Redaktor naczelny - **Paweł Nowak**
Ewa Kowalczyk

Rada naukowa

- **Dorota Dobija** - profesor i rachunkowości i zarządzania na uniwersytecie Koźmińskiego
- **Jemielniak Dariusz** - profesor dyrektor centrum naukowo-badawczego w zakresie organizacji i miejsc pracy, kierownik katedry zarządzania Międzynarodowego w Ku.
- **Mateusz Jabłoński** - politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki.
- **Henryka Danuta Stryczewska** – profesor, dziekan wydziału elektrotechniki i informatyki Politechniki Lubelskiej.
- **Bulakh Iryna Valerievna** - profesor nadzwyczajny w katedrze projektowania środowiska architektonicznego, Kijowski narodowy Uniwersytet budownictwa i architektury.
- **Leontiev Rudolf Georgievich** - doktor nauk ekonomicznych, profesor wyższej komisji atestacyjnej, główny naukowiec federalnego centrum badawczego chabarowska, dalekowschodni oddział rosyjskiej akademii nauk
- **Serebrennikova Anna Valerievna** - doktor prawa, profesor wydziału prawa karnego i kryminologii uniwersytetu Moskiewskiego M.V. Lomonosova, Rosja
- **Skopa Vitaliy Aleksandrovich** - doktor nauk historycznych, kierownik katedry filozofii i kulturoznawstwa
- **Pogrebnaya Yana Vsevolodovna** - doktor filologii, profesor nadzwyczajny, stawropolski państwowy Instytut pedagogiczny
- **Fanil Timeryanowicz Kuzbekov** - kandydat nauk historycznych, doktor nauk filologicznych. profesor, wydział Dziennikarstwa, Bashgosuniversitet
- **Kanivets Alexander Vasilevich** - kandydat nauk technicznych, docent wydziału dyscypliny inżynierii ogólnej wydziału inżynierii i technologii państwowej akademii rolniczej w Połtawie
- **Yavorska-Vitkovska Monika** - doktor edukacji, szkoła Kuyavsky-Pomorsk w bidgoszczu, dziekan nauk o filozofii i biologii; doktor edukacji, profesor
- **Chernyak Lev Pavlovich** - doktor nauk technicznych, profesor, katedra technologii chemicznej materiałów kompozytowych narodowy uniwersytet techniczny ukraiński „Politechnika w Kijowie”
- **Vorona-Slivinskaya Lyubov Grigoryevna** - doktor nauk ekonomicznych, profesor, St. Petersburg University of Management Technologia i ekonomia
- **Voskresenskaya Elena Vladimirovna** doktor prawa, kierownik Katedry Prawa Cywilnego i Ochrony Własności Intelektualnej w dziedzinie techniki, Politechnika im. Piotra Wielkiego w Sankt Petersburgu

«Colloquium-journal»

Wydrukowano w «Chocimska 24, 00-001 Warszawa, Poland»

E-mail: info@colloquium-journal.org

<http://www.colloquium-journal.org/>